

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Перспективы

Электронный журнал

№4
(октябрь–декабрь)

2017

**CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK**

PERSPECTIVES AND PROSPECTS

E-JOURNAL

№4

(OCTOBER–DECEMBER)

2017

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52
П27

Фонд исторической перспективы
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал
«Перспективы. Электронный журнал»
№4(12) (октябрь–декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»
2017
№4(12) (October–December)

journal.perspektivy.info

Издается с 2015 г.
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;
Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;
Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;
В.Г. Федотова – доктор философских наук;
Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;
П.П. Яковлев – доктор экономических наук;
А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва
2017

Содержание:

К 100-летию революции 1917 года

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ. Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции	7
Жак САПИР. Сопrotивление самодержавию: подъем оппозиционных настроений в деловых кругах (1906–1917)	37
Давид ФЕЛЬДМАН. Революционная терминология террора: французская традиция и русские последователи	46
Ирина ВАСИЛЕНКО. Революция 1917 года как отражение кризиса русской культуры	60
Феномен революции в документах эпохи <i>Рецензии на кн.: Феномен революции в России: истоки и уроки.</i> <i>Страницы документальной истории / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов, П.Ю. Савельев.</i> <i>М.: ИПК «Астрея-центр», 2017. 716 с.</i>	69
Роман СОКОЛОВ. От фальсификаций – к документам	70
Наталья НИКИТИНА. Право на исторический выбор	75
<hr/>	
Петр ЯКОВЛЕВ. Унесенные кризисом: глобальная экономика через 10 лет после ипотечного краха	79
Андрей ВИНОГРАДОВ, Александр САЛИЦКИЙ. XIX съезд КПК: китайская специфика новой эпохи	94
Борис ДОЛГОВ. Страны Магриба после Арабской весны (на примере Туниса и Алжира)	105
Петр ЯКОВЛЕВ. Приоритеты продвижения российской технологичной продукции в Латинскую Америку	119
Authors	135
Abstracts and Keywords	136

Contents:

The 100th Anniversary of the 1917 Revolution

Natalia NAROCHNITSKAYA. The Russian Revolution and the World in the Twentieth Century: Viewed in the Context of the Russian Question at the Paris Peace Conference	7
Jacques SAPIR. The Tsarist State under Contest: The Rise of Entrepreneurs' opposition (1906–1917)	37
David FELDMAN. Terminology of Revolutionary Terror: The French Tradition and Russian Followers	46
Irina VASILENKO. The 1917 Revolution as a reflection of the Russian culture crisis	60
The Phenomenon of the Revolution in Documents of the Time <i>Reviews of the book: The Phenomenon of the Revolution in Russia: Origins and Lessons. Pages of documentary history / Comp. A.V. Repnikov, B.S. Kotov, P.Yu. Saveliev.</i> <i>M.: IPK Astreya-Center, 2017, 716 p.</i>	69
Roman SOKOLOV. From Falsifications to Documents	70
Natalya NIKITINA. The Right for Historical Choice	75
<hr/>	
Petr YAKOVLEV. Gone with the Crisis: The Global Economy 10 years after the Subprime Mortgage Crisis	79
Andrey VINOGRADOV, Aleksander SALITSKY. The 19th Congress of the Communist Party of China: The Chinese Variety of the New Era	94
Boris DOLGOV. The Maghreb Countries after the Arab Spring: the Cases of Tunisia and Algeria	105
Petr YAKOVLEV. Promotion Priorities for Russian Technology Products in Latin America	119
Authors	135
Abstracts and Keywords	136

**К 100-летию революции
1917 года**

УДК 93; 94

НАТАЛИЯ НАРОЧНИЦКАЯ

Русская революция и мир в XX столетии: через призму «русского вопроса» на Парижской мирной конференции

Аннотация. В статье систематизируются направления исследований, связанных со столетием Русской революции, Гражданской войны и окончания Первой мировой войны. Особое внимание уделяется «русскому вопросу» на Парижской мирной (Версальской) конференции 1919 г. Автор приводит малоизвестные и новые данные о противоречиях между державами Антанты в отношении революции в России, большевистского режима, поддержки Белого движения, целостности российской территории. Анализируются малоисследованные аспекты программы В. Вильсона и секретной дипломатии США, в том числе роль американской экспертной группы Inquiry, миссия У. Буллита в Советскую Россию; переговоры М. Литвинова и У. Баклера; планы признания большевиков на занимаемой ими в 1919 г. территории.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., интервенция Антанты, Версальская конференция, вильсонизм, группа Inquiry, миссия Буллита, М. Литвинов.

Столетие революции 1917 г. в России было отмечено множеством научных и научно-практических конференций, международных и российских междисциплинарных форумов. Изданы массивы малоизвестных документов, проливающих свет на небезынтересные детали драматического отречения Николая II, на роль конкретных фигур в его окружении, в среде потерявших связь с реальностью, опьяневших от запаха свободы лидеров общественного мнения и политических партий. Чрезвычайный интерес представляют яростная полемика в прессе бурлящего кануна Октября и массово тиражировавшиеся тогда карикатуры. Все это вместе с партийными документами, перепиской большевистских деятелей и другими опубликованными материалами погружает в эпоху, в идейный и политический контекст неумолимого логического хода событий [См. напр.: Феномен...]. Такие материалы расширяют представления о предреволюционном накале страстей, нетерпимости взглядов, примененных приемах воздействия на общественное сознание, которые вполне могут именоваться современным термином «политические технологии».

Если в самой России мысль, любопытство, публицистические эмоции концентрировались в юбилейный год больше на конкретных обстоятельствах революции, на роли тех или иных личностей, группировок, элиты, интеллигенции, то на Западе внимание привлекало влияние революции 1917 г. на общий ход мировой истории, на развитие

Сведения об авторе: НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна – президент Фонда исторической перспективы, доктор исторических наук; nn@stoletie.ru.

и становление новых экономических и философских доктрин. Воздействие русской революции на мир было огромным и вовсе не таким разрушительным, как на саму Россию. В определенном смысле большевикам действительно удалось сделать распятую Россию если не «вязанкой хвороста» для пожара мировой революции, то огромной силы «закваской» для всемирного брожения идей, освобождения дремавшей энергии к преобразению.

Вспомним рассуждения А. Тойнби, который, предвидя еще 70 лет назад эмансипацию незападных народов и соперничество за «третий мир», признал непобедимое обаяние идеи справедливости, которую несла Русская революция. Несмотря на ленинско-сталинскую практику, русская революция была воспринята и романтизирована даже европейцами. (Известно, что многие западные знаменитости были певцами большевистского эксперимента, а например, писатель Р. Роллан даже в ГУЛАГе не увидел ничего обесценивающего революционную идею). В других цивилизациях, прежде живших по законам замкнутых циклов, революционная идея получила свои интерпретации и породила свои чаяния.

А. Тойнби писал, что «коммунизм послужил России орудием привлечения в свой стан китайской части света и ряда других групп того огромного большинства человечества, которое не принадлежит ни к России, ни к Западу». Он полагал, что «исход борьбы за лояльность этих нейтральных групп может кардинальным образом повлиять на решение российско-западного конфликта в целом, когда это и нерусское и незападное большинство человечества подаст свой голос за ту или иную сторону». Как будто признавая новую великую схизму эпохи модерна, Тойнби отмечал, что «коммунизм способен с удвоенной силой привлечь угнетенные народы Азии, Африки и Латинской Америки, если эту идеологию будет им предлагать Россия... привлекая эти народы обещанием, что коммунизм избавит народы от крайнего неравенства между богатейшим меньшинством и беднейшим большинством населения азиатских стран, чего свободное предпринимательство никогда не обещало, и обещать не собиралось...» [Тойнби Византийское...].

Надо отметить, что новые отечественные исследования на тему революции, будучи ценными и своевременными, в основном представляют собой не обобщающие труды, предлагающие осмысление феномена, не крупные монографии, а альманахи статей и доклады по отдельным частным, хотя и значимым либо малоизученным аспектам. Это объяснимо отсутствием единства во взглядах на ту эпоху, а также возрастающим разнообразием научных подходов и мировоззренческих призм. К тому же, наше сознание, похоже, еще не готово без гнева и пристрастия судить и оценивать русскую революцию как некую данность, в карамзинском ключе: «Все это нами сотворено, а, значит, наше».

Для широкой публики тема революции и вовсе часто оказывалась перекодированной в столкновение мнений о разных этапах советской истории. На страницах газет и телеэкранах не раз велись дискуссии, порой бурные, видных интеллектуалов и историков о сталинизме, даже о Великой Отечественной войне (через призму идеологии),

о периоде СССР в целом.

В 2018–2019 гг. предстоит столетие окончания Первой мировой войны и Версальской конференции, начертавшей уже без России хрупкий недолговечный эскиз межвоенной Европы по англосаксонским лекалам. Именно на фоне завершающей стадии Первой мировой войны в 1918 г. разворачивается первый этап Гражданской войны в России. Но это и есть **самая драматическая часть революции, когда части одной нации яростно истребляют друг друга**, а «вслед героям и вождям крадется хищник стаей жадной, чтоб мощь России неоглядной размыкать и продать врагам...» (М. Волошин).

Споры о причинах Первой мировой войны, умело превращенной в катализатор революции, как тому учил Л. Троцкого и В. Ленина А. Парвус, не смолкают до сих пор. В классических работах все же доминирует признание вины Германии и Центральных держав. Одним из основополагающих по тематике великой войны 1914–1918 гг. до сих пор считается труд патриарха французской историографии П. Ренувена [Renouvin]. Стоит отметить, что его суждения об ответственности Германии, о решающей роли кайзеровских генералов, посчитавших необходимым использовать созданный Австро-Венгрией повод для решения германских геополитических задач, совпадают с анализом бывшего министра иностранных дел Российской империи С. Сазонова [Сазонов]. Старейшина французской политики Ж-П. Шевенман, награжденный в ноябре 2017 г. в Кремле Орденом Дружбы, в своей недавней книге о судьбе Европы прямо отмечает: «Ответственность за начало войны в целом, если не исключительно, несут германские лидеры. Этот факт, установленный еще в 1925 г. Пьером Ренувеном, не был никем опровергнут за целый век исторических изысканий» [Шевенман].

Вопрос о неизбежности Первой мировой войны – риторический. Слишком много могущественных сил было в ней заинтересовано, от мечтавших о переделе мира и колоний правительств до революционеров, от всевозможных интернационалов и врагов христианской церкви до самого Ватикана, интриговавшего вместе с Англией против собственной духовной дочери – Габсбургской монархии. Менее всех в войне была заинтересована Россия, которая оказалась в эпицентре кровавой бойни, хотя и она имела свои интересы и, уже будучи в состоянии войны, тоже размышляла о возможных обретениях.

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России» – высказался У. Черчилль, – «ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже видна. Она уже пережила бурю, когда все обрушилось на нее. Все жертвы были принесены, вся работа завершена... Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились... более сильная, более многочисленная, гораздо лучше снабжаемая армия держала огромный фронт... Кроме того, никаких особенно трудных действий больше не надо было предпринимать; нужно было оставаться на посту... надо было удержаться; вот и все, что стояло между Россией и плодами общей победы... Держа победу уже в руках, она пала на землю заживо... пожираемая червями» [Churchill].

Ко времени окончания Первой мировой войны Европа лежала в руинах, Россия была охвачена революцией. Ставшие доступными документы и новые исследовательские публикации, в том числе зарубежные, позволяют более полно оценить влияние краха исторической России на мироустройство и «геополитику» всего XX века.

Особый интерес в этом плане представляет история Парижской мирной (Версальской) конференции, перипетии которой можно и нужно рассматривать на широком фоне мировоззренческих сдвигов, порожденных как большевистской революцией в России, так и глубоким кризисом европейских общественных институтов. По словам британского историка Р.У. Сетон-Уотсона, Первая мировая война была «не только самой опустошительной из всех войн, это была революция, причем сразу национальная, политическая и социальная на обширных просторах Европы. Одним словом, война была одновременно годом 1815 и 1848-м» [Seton-Watson, p. 52].

В конце XX столетия сходная оценка Первой мировой войны как эпохального слома предыдущего порядка вещей дана и отечественным историком А.И. Уткиным: Эта война «определила мировую эволюцию всего последующего времени. За четыре года произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. Первая мировая война придала современную форму национальному вопросу. Она вывела на арену общественной жизни массы народа, фактически не участвовавшие прежде в мировой истории» [Уткин Первая... с. 3].

Последствия решений Парижской (Версальской) конференции ощущаются до сих пор, причем не только в области геополитики, но и в сфере идеологии. Тем более необходимы и востребованы обобщающие труды, в ретроспективе и на новом научном уровне анализирующие это ключевое событие мировой дипломатии той эпохи.

Появившиеся в последние десятилетия конкретные исследования отдельных аспектов Версальской конференции и Версальской системы, стенограммы переговоров и другие рассекреченные документы позволяют более объективно и точно представить позиции США, Британии и Франции по вопросам, которые односторонне либо искаженно освещались в советской историографии. Это прежде всего Брестский мир и так называемая «интервенция» Антанты в охваченную Гражданской войной Россию. В СССР доминировал упрощенный пропагандистский тезис, гласивший, что Антанта стремилась задушить советскую власть, а Белые в обмен на будто бы внушительную (а на самом деле незначительную) финансовую и военную помощь готовы были торговать территориями.

Документы и приведенные в немногих новых исследованиях [MacMillan] данные о переговорах между Д. Ллойд-Джорджем, Ж. Клемансо и В. Вильсоном на Версальской конференции показывают гораздо более сложное и противоречивое отношение союзников по Антанте к ситуации в России. Их споры и расхождения в оценке самой сути происходившего в России демонстрируют практическую неспособность победителей не только выработать единую позицию, но даже четко сформулировать собственные подходы, которые могли бы поддержать их национальные парламенты, партии

и общественность. Как и в XXI в., свою роль в Версале играли идеологические противоречия и внутривластные соображения.

Весьма серьезные различия в понимании русской драмы имелись внутри самой британской делегации. Военный министр У. Черчилль громогласно конфликтовал с премьер-министром Д. Ллойд Джорджем, буйно ораторствуя на обсуждениях, а в кулуарах награждая коллег откровенно нелестными оценками. Черчилль был почти единственным, кто решительно выступал за вооруженную борьбу с большевизмом и яростно требовал предпринять настоящую интервенцию. В этом у него были серьезные разногласия с Ллойд Джорджем, который, как иронично заметил Дж.Н. Керзон в беседе с А. Бальфуром, «сам был немножко большевиком».

По словам самого Ллойд Джорджа, которые приводит признанный оксфордский историк Маргарет Макмиллан, «прогрессивные мыслители вроде него самого и президента Вильсона считали прежний режим (в России – *Н.Н.*) негодным и тираническим, в конечном итоге виновным в ответной жестокости революционеров» [MacMillan, p. 68]. Участию Черчилля в Версальской конференции, его задачам и разногласиям с Ллойд-Джорджем посвящена сравнительно новая работа, выполненная в Челябинском университете [Плешко]. Черчилль, прибывший на конференцию для обсуждения дел, ограниченных его компетенцией как министра обороны, постоянно выходил за пределы своего мандата, чем вызывал неудовольствие главы британской делегации.

Как показывают многие материалы Версальской конференции, Вильсон и Ллойд Джордж, в отличие от Черчилля, относились к большевикам довольно снисходительно, полагая, что жестокость и террор скоро выдохнутся, а большевизм постепенно обретет буржуазный характер. Британский премьер даже сослался на ошибочность политики в годы Французской революции, когда Англия поддерживала эмигрировавшую французскую аристократию. Британская делегация вначале вовсе не собиралась приглашать в Версаль представителей Белой России – в Лондоне уже рассматривали распад Российской империи как данность. Американский президент Вильсон занимал более уклончивую позицию, уточняя, что «самоопределение наций» в отношении России, означает не ее расчленение, а лишь то, что русские сами должны определить свою судьбу.

В целом вершители нового Версальского мира были неспособны предвидеть, что станет с огромной Россией, и не имели ни прогноза, ни четкого плана, как им с ней поступать. События Русской революции, как хорошо известно, неоднозначно воспринимались на Западе, где были широко распространены разношерстные левые идеи, отрицающие «старый мир», якобы виновный в мировой войне. Американские финансовые круги также стояли на сугубо антисамодержавных позициях и не допускали союзнических отношений с царской Россией, препятствуя в первые годы войны даже заключению торгового договора с ней. Февральскую революцию США встретили с немалым энтузиазмом, первыми признав Временное правительство. Октябрьская большевистская революция вызвала настороженность и неприязнь, которая была, однако,

меньше, чем неприязнь к «царскому режиму», и ряд эмиссаров США на территории России получили инструкции никак не препятствовать большевикам [Memorandum by Lieutenant... p. 472].

Президент Вудро Вильсон, прибыв на Парижскую мирную конференцию, шокировал своих европейских визави, исполненных усталого религиозного скепсиса, патетической сентенцией: «Америке уготована невиданная честь осуществить свое предназначение и спасти мир» [Tuveson, p. 2]. В. Вильсон, сын священника-пресвитерианца, с возрастом все больше проявлял религиозную экзальтацию и не раз вопрошал публично, а что сделал бы Христос, если бы был сейчас на «нашем месте». Идея «нации-искупительницы» и ранние политические формулы американского провиденциализма – доктрина Монро, идея Manifest Destiny, доктрина «открытых дверей» – слились в вильсонизме, совместившем с либеральной фразеологией прогресса пафос кальвинистской уверенности в собственном божественном задании спасти мир и установить «Новый порядок на века» – как гласит девиз на государственной печати США и долларовой банкноте.

Впрочем, романтик В. Вильсон не совсем был лишен прагматизма и после вступления США в войну в апреле 1917 г. писал своему советнику полковнику Хаузу: «Когда война закончится, мы сможем принудить их [союзников. – *Ред.*] мыслить по-нашему, ибо к этому моменту они, не говоря уже обо всем другом, будут в финансовом отношении у нас в руках» [Цит. по: Киссинджер, с. 199].

Если видение Вильсона было все же в немалой степени рождено его религиозным мировоззрением и протестантской доктриной миллениаризма, то взгляды его alter ego Эдуарда Хауза были явно иного свойства. Но именно Хауз обладал огромным влиянием на президента уже с первого дня их знакомства задолго до версальской эпопеи. Любопытное исследование личности Вильсона и его психологической зависимости от Хауза было предпринято З. Фрейдом в соавторстве с его другом, уже упоминавшимся У. Буллитом – тайным эмиссаром в Советскую Россию, а впоследствии дипломатом и первым послом США в СССР [Фрейд, Буллит]. (Книга, изданная лишь в 1967 г., через 30 лет после смерти второй жены Вильсона, была сочтена бестактной. Ее негативная оценка была связана и с неоднозначным отношением к самому Фрейду, и с тем, что Буллит, активный член версальской команды Вильсона–Хауза, сначала восторгался президентом, но затем, обиженный неуспехом своих предложений, разочаровался и даже негативно свидетельствовал против импульсивной деятельности Вильсона перед Конгрессом США.)

Концепция Хауза–Вильсона включала цельную доктрину «перестройки» международных отношений на принципах демократии, самоопределения и свободы, которые бы вырабатывались единым центром – всемирной организацией. Подобно ленинской теории внешней политики, обращенной не к государствам, а к народам и трансграничным группам (пролетарский интернационализм), вильсонизм также отказывалась от понятия национального интереса. На исходе Первой мировой войны, посеявшей отвращение к войнам и смерти, экзальтированный Вудро Вильсон бросил вызов Realpolitik.

Но и Генри Киссинджер, которого без сомнения относят к «школе реализма» в американской внешнеполитической философии и практике, оценивает вильсонизм с пиететом: «С точки зрения Америки... не отсутствие равновесия сил порождает нестабильность, а стремление к его достижению... для безопасности в мире требуется не защита национальных интересов, а признание мира в качестве правовой концепции. Определение того, был ли на деле нарушен мир, должно быть вменено в обязанность создаваемому в этих целях международному учреждению, которое Вильсон определил как Лигу Наций». В выдержанной в академическом тоне книге Г. Киссинджера пафос появляется, лишь когда автор характеризует мондиалистские концепции: «Среди руин и крушения иллюзий в результате кровавой бойни... на международную арену выступила Америка, неся с собой уверенность, мощь и идеализм, невысказанные для ее изнуренных европейских союзников» [Киссинджер, с. 196].

Вряд ли был идеалистом Э. Хауз и принадлежавший к его кругу влияния Бернард Барух, который на вопрос сенаторов из американской глубинки: «Как же мы защитим наши собственные интересы при сокращении суверенитета ради международной организации?», – снисходительно отвечал: «Мы это сможем, сенаторы» [Treaty... p. 1149–1151].

Хауз привез на Версальскую конференцию специально подобранных, не имевших дипломатического опыта молодых «экспертов», составивших костяк созданной им группы Inquiry. Именно эта команда разрабатывала аналитические материалы, проекты положений мирного договора и формулировки, обсуждаемые потом президентом с другими членами Совета десяти. Члены группы Inquiry, в которую входили и У. Буллит, и Дж. Шотуэлл, побывавшие с секретными миссиями соответственно у Красных и Белых, активно обсуждали будущее России,

Судя по описанию дискуссий в Версале, которое дается в сравнительно недавнем исследовании М. Макмиллан, в основном именно американская делегация занималась русским вопросом и притом даже допускала возможность решить его в совершенно новой парадигме. Но это не встретило поддержки других делегаций, не имевших ни сформированной оценки своих выгод от этого, ни решительности, ни внутривластной опоры для вовлеченности в российские дела.

Группа Inquiry куда больше размышляла над новыми подходами к мироустройству, нежели над задачами, типичными для победителей в отношении побежденных. Характерным ее представителем был, например, Дж.Т. Шотуэлл, убежденный пропагандист идеи всемирной наднациональной организации, сыгравший важную роль в создании Международной организации труда (МОТ), разработке концепции и устава Лиги Наций. Шотуэлл, участвовавший во всех подготовительных стадиях Версальской конференции, опубликовал подробное расписание всего хода работы конференции по дням: заседаний в разном формате от экспертных групп до Совета десяти, формулирования повесток, тем, прохождения проектов документов – от начала процесса до итога парижской эпопеи. В этом доскональном кондуите, однако, странным образом отсутствуют упоминания об известных из других источников контактах Шотуэлла с быв-

шим министром С. Сазоновым и попытке подготовить визит делегации Белых структур в Америку. Об этой его миссии не упоминается ни в одной статье и книге, посвященной Шотуэллу.

Впоследствии Дж.Т. Шотуэлл работал в числе экспертов и советников Государственного департамента на конференции ООН в Сан-Франциско в апреле 1945г. и участвовал в подготовке американских проектов Устава ООН, вставляя туда положения о правах человека. (Против англосаксонских проектов, содержащих опасную идею «мирового правительства», советская делегация вела изнурительную борьбу, отстаивая право вето). Некоторое время Шотуэлл возглавлял Фонд Карнеги и в 1952 г. был даже выдвинут на Нобелевскую премию мира, в итоге присужденную А. Швейцеру.

Именно группа Inquiry осуществила в ходе Парижской конференции окончательное оформление структуры, ставшей одним из влиятельных генераторов концепций и доктрин американской внешней политики – Совета по международным отношениям (СМО, Council on Foreign Relations), издающего журнал Foreign Affairs. СМО был задуман еще в 1916 году в рубежный момент смены международного курса, и у истоков этого think tank стояли полковник Э. Хауз и банкир П. Варбург¹, с которым, как и со всем кругом Варбургов Хауз был тесно связан. Было бы полезно систематизировать и научно проанализировать разрозненные сведения о разнообразных рычагах и каналах влияния теневого и явного создателей Inquiry на становление американского механизма управления мировыми процессами в XX веке. Такие сведения в основном становились предметом экзальтированной публицистики в русле теории «мирового заговора», но заслуживают серьезного профессионального изучения.

Профессор Ч. Сеймур писал в предисловии к мемуарам полковника Хауза о невиданном влиянии Хауза на Вильсона и фактическом руководстве им американской внешней политикой. А. Хоуден, доверенное лицо полковника, и вовсе утверждал, что «во всем, что происходило, инициатива принадлежала Хаузу... Государственный департамент США сошел на положение промежуточной инстанции для воплощения его идей и архива для хранения официальной корреспонденции. Более секретная дипломатическая переписка проходила непосредственно через маленькую квартиру на 35-й Ист-стрит. Послы воюющих стран обращались к нему, когда хотели повлиять на решения правительства или найти поддержку в паутине трансатлантической интриги» [Howden, p. 41]. Хауз был одним из немногих людей, которым президент безгранично доверял и поручал самые ответственные задания, у кого Вильсон, не стесняясь, спрашивал совета и с кем делился самыми сокровенными внешнеполитическими замыслами.

Почувствовав существенные расхождения между передовыми взглядами, которыми они окормляли своего экзальтированного президента, и видением Ллойд Джорджа,

1 П. Варбург – ключевая фигура в группе финансовых кругов США, выработавшей концепцию будущей Федеральной Резервной Системы США. Именно доклад этой группы, основанный в основном на идеях П. Варбурга, был представлен в 1912 году Конгрессу США и стал основой Закона США 251 «О Федеральном резерве» [Federal Reserve...].

эксперты группы Inquiry постарались создать условия для сближения геополитической мысли Америки и Британии. Именно на Версальской конференции были предприняты усилия, чтобы формируемый «Совет по внешним сношениям» (так в закрытых записках Народного комиссариата иностранных дел именовали СМО), стал чем-то вроде побратима создаваемого тогда же британского «мозгового треста». Участник этих событий А. Тойнби, посвятивший лондонскому Chatham House 30 лет службы, описывает, как в 1919 г. в парижском отеле «Мажестик», в штаб-квартире британской делегации, где собрались все сотрудники британской и американской делегаций, было учреждено «частное англо-американское общество для научного осмысления международных проблем». «Впоследствии, – уточняет Тойнби, – первоначальное англо-американское общество разделилось на два – Совет по международным отношениям со штаб-квартирой в Нью-Йорке и Королевский институт международных отношений» [Тойнби *Цивилизация...* с. 238–239].

Входившие в группу Inquiry и занимавшиеся «русским вопросом» У. Буллит и Дж. Шотуэлл, другие рекрутированные эксперты и персоналии в дальнейшем играли значительную роль в американской политике и ее экспертном и пропагандистском обосновании. Членами и экспертами делегации США в Версале были будущие титаны американской политики времен холодной войны Аллен Даллес – тогда эмиссар делегации в Прибалтике [Memorandum by A.W.Dulles... p. 481–482] и Джон Фостерс Даллес – юридический советник. Уолтер Липпманн, секретарь Inquiry, в будущем известнейший публицист, автор теории коммуникаций, в свои 29 лет уже был одним из спичрайтеров В. Вильсона, готовил знаменитую речь президента о программе «Четырнадцать пунктов», участвовал в написании проектов пакта о Лиге Наций.

В группу входил и геополитик Исая Боумен, позже ставший вице-президентом Совета по международным отношениям и возглавивший Университет Джонса Гопкинса. Как подчеркивал в качестве очевидца, участника и исследователя Парижской мирной конференции сам Дж. Шотуэлл, «ретроспективный взгляд на подготовительную работу группы Inquiry ...выявляет, что вопросы организации работы американской делегации и ее влияния на мирную конференцию в целом имели фундаментальное значение, поскольку от нее в самой значительной степени зависел не только ход мирной конференции, но даже и положения договоров» [Shotwell, appendix VII].

В англо-американской историографии Версальской конференции России уделено не слишком много внимания. И научно-популярная книга о Первой мировой войне Нормана Стоуна, и недавний превосходно документированный объемный труд Маргарет Макмиллан [MacMillan] содержат лишь небольшие главы о русском вопросе, тонущие в массиве других тем и аспектов конференции. Исключением стало появление исследования американского историка Джона М. Томпсона «Россия, большевизм и Версальская мирная конференция» [Thompson], но автор – специалист по России, а историки международных отношений почти игнорируют эту проблематику.

Н. Стоун, с его протурецкими взглядами, неслучайно переехал работать в Университет Анкары. Покинув британское интеллектуальное окружение, он, похоже, вышел и за

рамки британской парадигмы геополитического видения. Эта парадигма даже не совсем осознанно предпочитает при малейшей исторической возможности, когда Россия скована трудностями, пренебрегать российскими интересами и позициями, исключать Россию из своего геополитического горизонта.

Стоун же начинает свою книгу не чем иным, как красочной картиной подписания Брестского мира, демонстрируя тем самым, что именно определило, по его мнению, новый порядок вещей в Европе в качестве главного итога Первой мировой войны. Сугубо образные сентенции перемежаются с весьма меткими суждениями и аналогиями с крахом СССР. «Трудно вообразить более сюрреалистические международные переговоры о мире, – пишет Н. Стоун. – С одной стороны, за столом сидела делегация Германии и ее союзников: европейские аристократы в смокингах откинулись в креслах с надменно-снисходительным видом, зять австрийского императора принц Леопольд Баварский в мундире фельдмаршала, турецкий паша и болгарский полковник. Другая делегация представляла новое государство, вскоре названное Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Кто входил в нее? Евреи-интеллектуалы. Мадам Биценко, недавно выпущенная из тюрьмы, куда она попала за убийство генерал-губернатора. «Делегат от крестьянства», подобранный в последний момент на улице российской столицы «для мебели» (по обыкновению он был пьян). Адмирал и несколько штабных офицеров, выходцев из старого режима, знавших, как заканчивать войну и выводить войска с фронта (один из них обладал чувством черного юмора и вел дневник). Все они с удовольствием позировали перед объективами. Наконец, наступил мир... Война уничтожила царскую Россию. Большевики в октябре 1917 года захватили власть; они пообещали народам мир. Теперь в Брест-Литовске они его подписали – под диктовку немцев.

Условия мирного договора были составлены очень ловко. Германия не требовала для себя больших территорий. Россия лишь обязывалась «очистить» западные земли и Кавказ, чтобы их народы могли обрести независимость. В результате ее географические очертания стали поразительно похожи на границы, существующие сегодня: призрачную самостоятельность получили государства Балтии (включая Финляндию) и Кавказа.

Самым крупным государственным образованием, простершимся от Центральной Европы и почти до Волги, оказалась Украина. Ее выход из состава России означал для Российской империи потерю сорока миллионов жителей и трех четвертей добычи железных руд и каменного угля. С ее представителями (недоучившимися студентами в помятых костюмах и банкирами-оппортунистами из числа людей, готовых, по словам Флобера, заплатить за то, чтобы их купили) немцы подписали 9 февраля отдельный договор. С большевиками договор был подписан позднее, 3 марта» [Стоун, с. 3–4]. И далее Н. Стоун добавляет: «С Украиной Россия – Соединенные Штаты, без Украины Россия – Канада, меньше солнца и больше снега». Нечто подобное изрек Зб. Бжезинский в 1991 году: «С Украиной Россия – империя, без Украины – нет».

Стоун идет дальше в своих аналогиях с распадом СССР: «Брест-Литовские государства появились вновь после распада Советского Союза. В 1918 году они были сателли-

тами Германии... Тогда Германия стремилась стать мировой империей; теперь, находясь в альянсе Запада, она не ставит такую цель... Сегодня все хотят говорить по-английски, а не по-немецки, как в 1918 году. Современная Европа – это Европа времен Брест-Литовска, но «с человеческим лицом». Для его обретения нам потребовались и Вторая мировая война, и англо-американская оккупация Германии» [Стоун, с. 3–4.].

С. Сазонов, понимавший, что означает однажды признанное от имени властей России расчленение страны, предсказал: «Во что обошлись русскому народу навязанные ему интернационалом отказ от долга чести и отречение от заветов истории, станет ясно лишь будущим поколениям» [Сазонов], как будто предвидя парад суверенитетов в 1990-х годах, отсчитывающих свою независимость именно от 1918 г.

Итак, по Стоуну, несмотря на короткий успех в Брест-Литовске, Германия обречена, а новый век, становится веком англосаксов... То есть все, что не удалось тевтонам, успешно прибрали к рукам англосаксы.

Маргарет Макмиллан, при всей научной скрупулезности и непредвзятости, представляет чисто британский взгляд, вполне допускающий и даже предпочитающий мир без России. Она начинает с примечания о том, что французский премьер Ж. Клемансо настоял на открытии Версальской конференции в день годовщины коронации Вильгельма I как кайзера «новой Германии», даже не употребляя столь неприятный для Британии термин «Германская империя». Оксфордский историк акцентирует противоречия между Францией и Германией, но не между Германией и Британией. Она выделяет те документы и высказывания творцов Версаля, в которых сквозит отношение к России как к головной боли, обузе, хотя сама подчеркивает, что Франция была спасена от разгрома Россией, несшей основные тяготы войны. Однако для победителей было бы куда предпочтительнее не вмешиваться, запереть русских в замкнутом пространстве, «за колючей проволокой», чтобы дожидаться результата, когда они передерутся, а тем временем без России решить судьбу ее территорий, что уже стали не-Россией.

Но этому мешали в основном не большевики, а как раз Белые структуры. И история отношения Антанты к своей союзнице России – это история попеременного и одновременного заигрывания и с Красными, и с Белыми, закончившаяся в целом предательством Антантой Белого движения. Никого из Белых на саму конференцию так и не пригласили, хотя в Париж съехалось в надежде на представительство на мирной конференции огромное множество самых разных антибольшевистских сил.

Впрочем, блестяще документированная фундаментальная статья С.Н. Листикова [Листиков] показывает состояние совершеннейшего разброда в этой разношерстной среде и даже удручающее соперничество слетевшихся в Париж русских деятелей от бывших послов и министров царской России – В.А. Маклакова, М.Н. Гирса, В.Н. Коковцева, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова, до членов Временного правительства – А.Ф. Керенского, Г.Е. Львова, Н.Д. Авксентьева, М.В. Родзянко, П.Н. Милюкова, Н.В. Чайковского и Б.В. Савинкова, которого, в отличие от царских дипломатов, французская

левая общественность встретила с энтузиазмом. Рассчитывая, что уже одно непризнание Брестского мира и верность Антанте побудит западных союзников включить Белую Россию в свой версальский синедрион, сами они были неспособны отложить свои идейные споры, чтобы предотвратить исключение России из системы международных отношений.

С трудом находили между собой согласие по персоналиям даже представители Архангельского, Омского и Южного «правительств», опиравшиеся на вооруженные образования. Десятки других, не связанных с белыми армиями деятелей, не оставляли междоусобную политическую борьбу времен кануна Февральской революции.

После вековых сетований русской эмиграции о неуспехе Белого движения и поношений западными демократиями советской власти, трудно поверить, что небольшевистские группировки, ища симпатий делегаций Антанты и европейского общества, вынуждены были демонстрировать (искусственно, а многие рьяно и искренне) как можно бóльшую левизну по сравнению с соперниками. Керенский и ряд бывших деятелей Временного правительства даже написали письмо В. Вильсону, чтобы тот не признавал «диктатора» Колчака и не встречался с «царским» министром «реакционером» Сазоновым. Приезд Сазонова из Лондона был встречен в штыки левой прессой Франции, и ярый республиканец премьер Клемансо отказался принять министра иностранных дел империи, в самом начале войны спасшей Францию, по признанию маршала Фоша, от неминуемого разгрома.

Если на определенном этапе Ж. Клемансо и В. Орландо все же говорили, что Белым надо срочно объединиться, чтобы было кому помогать, то Ллойд Джордж предпочитал воспользоваться несостоятельностью аморфного, раздираемого распрями «русского представительства». В моде было все левое, и Россия была обречена. Все переговоры с многочисленными русскими эмиссарами от Деникина, от Омского «правительства», от свергнутого Временного правительства и другими ограничились неформальными контактами.

С. Листиков, изучивший сложные взаимоотношения на Парижской конференции антибольшевистских деятелей с делегациями победителей, признает, что «усиливавшийся «большевистский» крен в политике ряда ведущих деятелей западных держав был налицо. И он становился тем важным «кирпичиком», который лишь укреплял все увеличивавшуюся стену отчуждения, разделявшую русских дипломатов и политиков в Париже и Омске с их западными коллегами. Первые продолжали считать себя представителями Великой державы, временно утратившей силу и влияние в делах международных, и с трудом сносили те чувства унижения и оскорбления национального достоинства, которые они испытывали при виде закулисных интриг победивших демократий и столь быстрого забвения ими заслуг России в кровавую годину войны» [Там же, с. 21].

Хотя лидеры «Русского политического совещания» постепенно смирились с необходимостью принять весьма спорные условия своего приглашения на конференцию,

перспектива их участия в ней быстро растаяла. Тем временем американская делегация, группа Inquiry и сам Вильсон все более склонялись к контактам с большевиками. «Новое мышление» американской интеллектуальной команды Inquiry проявлялось на Версальской конференции не только в идее наднационального органа для разрешения международных споров, но и в «русском вопросе».

Роль посредника между Версалем и революционной властью в России выполнил молодой член Inquiry Уильям Кристиан Буллит, посланный в Москву, чтобы выяснить, на что согласны большевики ради сохранения «цитадели революции». Он был принят и очарован Лениным, полюбил навеки черную икру, поверил в перспективы большевиков и в пользу от их признания. Вместе с американским дипломатом в России У. Баклером, Буллит вел главные, определявшие суть его «посольства» переговоры с М. Литвиновым, который потом телеграфировал предложения большевиков в Париж.

У. Буллит и сопровождавший его публицист Линкольн Стеффенс, посетившие большевистскую Россию по поручению главного архитектора вильсонизма Э. Хауза, придерживались сугубо левых взглядов. Ярким представителем левой философии в области «перестройки» мировой политики являлся и уже упоминавшийся Джеймс Томсон Шотуэлл, бывший не только экспертом-практиком, но и автором теоретических и исторических работ. С его именем связывают, помимо прочего, формирование в среде политически ангажированных американских историков концепций мировой вовлеченности США и единой глобальной системы, в которой Америка должна играть важнейшую роль, отказавшись от архаичного изоляционизма как не соответствующего новому этапу истории [Josephson]. Шотуэлла – параллельно с миссией Буллита в революционную Москву – Хаус в 1919 г. направил к С. Сазонову, выполнявшему роль дипломатического представителя Белых структур, прежде всего Вооруженных сил Юга России А.И. Деникина.

Изучение этих миссий помогает проследить историю философского обоснования американской роли в управлении миром, расширяет понимание идейных и геополитических последствий революции 1917 г., позволяет выявить параллели между событиями столетней давности и нашего времени. Русская революция и крушение старой Европы создали предпосылки для первого применения вильсонизма концепции. Подобным образом, крах СССР и возникшая на рубеже XXI в. европейская конфигурация, с почти постверсальским ярусом несамостоятельных государств от Балтики до Средиземного моря, вновь породили предпосылки (и соблазн) выстроить «новый мир» по американским лекалам.

Спустя столетие вильсонизм проявляется в куда менее возвышенной форме. Формулируя претензии на «исключительность» и почти троцкистскую идею всемирной либеральной революции, оно все больше несет отпечаток грубого империализма Теодора Рузвельта, его уверенности в праве США на завоевания и в их божественном предназначении «управлять дикарями и народами зла», по выражению известного идеолога этой политики сенатора А. Бевериджа.

Малоизучены и научно не проанализированы не только разные аспекты миссии У. Буллита в революционную Москву и его дальнейшая работа по «русскому вопросу». Весь проект Э. Хауза, его разнообразные связи с могущественными закулисными творцами новой американской глобальной стратегии до сих пор остаются в тени на Западе и не осмыслены в полной мере в России. Между тем в западных архивах, например, в Йельском университете, доступны документы, опубликованы книги, отчасти проливающие свет на переговоры, которые Буллит вел в 1919 г. в Москве [Farnsworth; Casella-Blackburn; Brownell, Billings].

В наше время всплеск интереса к этому яркому эпизоду в связи с появлением после краха СССР конфигурации своего рода брестского мира и «брест-литовских», по выражению Н.Стоуна, государств, породил беллетристический опус о «бонвиване» Уильяме Буллите, первом после США в СССР, «крутившем романы с балеринами Большого театра», устраивавшем фантастические приемы в Спасо-Хаусе – описанные как бал Сатаны в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Эткинд]. Это литературное, полное пикантных бытовых подробностей визита, занимательное чтение частично, по словам автора, основано на знакомстве с архивом У. Буллита в Йельском университете, но без изучения архивов в России.

В Архиве внешней политики РФ документов, записей о беседах Буллита с В. Лениным и М. Литвиновым не удалось получить и автору этих строк (в 2000 г.). (Возможно, это удастся будущим исследователям.) Однако оказался доступен полный отчет У. Буллита Сенату, сделанный им в ходе обсуждения Конгрессом США Версальского договора и пакта о Лиге Наций, отвергнутых консервативными сенаторами из американской глубинки, не понявшими ни романтического видения В. Вильсона, ни прагматических расчетов его alter ego Э. Хауза на новую роль США.

В одном из документов, представленных У. Буллитом (Bullitt Exhibit N 11), содержалась запись беседы Д. Ллойд Джорджа и В. Вильсона в кабинете французского министра иностранных дел М. Пишона на Кэ д'Орсэ, проливающая свет на позицию Вильсона по отношению к так называемой «интервенции». Вильсон сказал, что «американские войска не готовы войти в Россию и сокрушить большевиков» и объясняется это неуверенностью в том, что «в случае сокрушения большевизма не произойдет восстановления старого порядка» [Treaty...].

Программа из 14 пунктов, в лучах которой, как надеялся романтик Вильсон, должна была померкнуть имперская идеология Старого света, была расшифрована в категориях «реальной политики» в «Архиве полковника Хауза»: «Россия слишком велика и однородна, ее надо свести к Среднерусской возвышенности... Перед нами будет чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу российских народов». Пункт 6 предполагал на территории Российской империи «признание де-факто существующих правительств» и «помощь им и через них». Речь шла об Украинской Раде, оккупированных кайзеровскими войсками Эстонии, Латвии, Литве, а также о Красных и Белых на занимаемых ими территориях и о выводе из самопровозглашенных образований **всех иностранных войск** [См. Seymour].

Под иностранными войсками на «признаваемых де-факто существующих территориях» имелись в виду и Белая, и Красная армии, стремившиеся в той или иной форме восстановить единство страны, и, конечно, японские войска, проникшие в Манчжурию для занятия Забайкалья, что категорически не устраивало США. Также подразумевались войска Антанты – точнее, британские войска, которые могли бы поставить регион под контроль Британии, что тоже не соответствовало «новому мышлению» Хауза и Вильсона. По сути все это означало международное признание и закрепление расчленения исторической России.

В советской историографии главной целью и сутью политики западных стран в отношении послереволюционной России объявлялась классовая борьба с советской властью. Но главным содержанием мировой политики являются все же реальные идейные и геополитические устремления держав, преемственные фобии и предпочтения, борьба вокруг стратегических подступов к морям и узловым зонам. Все это проявлялось и в отношении России-СССР в важнейшие моменты ее внутренней истории и резких изменений ее международных позиций. На разных переломах исторического пути России разыгрывались весьма схожие геополитические сценарии. Так было в 1917–1919 гг., во время обеих мировых войн, в момент распада СССР и после него.

Полковник Хауз еще в дни Февральской революции предупредил президента Вильсона, что «ничего не нужно делать, кроме как заверить Россию в нашей симпатии к ее попыткам установить прочную демократию и оказать ей всеми возможными способами финансовую, промышленную и моральную поддержку» [См. Seymour]. Это разительно отличалось от восприятия Черчилля, воздавшего дань скорбного уважения русской трагедии. Сэр Уинстон Черчилль герцог Мальборо был далек от тех сил на Западе, что взрастили идею революции. «Я не признаю права большевиков представлять Россию... говорил он в Палате общин 5 ноября 1919 г. – Большевики одним ударом украли у России два ее наиболее ценных сокровища: мир и победу... » [Winston].

Но Э. Хауз принадлежал к тем космополитическим кругам с универсалистскими претензиями, в пользу которых революция и Первая мировая война крушила традиционные христианские общества и которые любой системе симпатизировали более, чем «царскому режиму». Вильсон также был сторонним наблюдателем драмы старого континента – психологически и эмоционально он не был привязан к тому порядку вещей, который сокрушили война и большевизм. И хотя выход Советской России из войны, ее сепаратный мир с Германией меняли положение Антанты, конкретно для США это не играло осязаемой роли.

Документы, касающиеся позиций США и Британии в отношении охваченной гражданской войной России, в советской историографии использовались избирательно. Опускалось то, что неопровержимо свидетельствовало: главная цель состояла не в том, чтобы сокрушить советскую власть; восстановление самодержавия и территориального единства Российской империи считалось нежелательным; союзники по Антанте, прежде всего США, вели закулисную игру с большевиками и, отнюдь не поддерживая

однозначно Белое движение, беспринципно сотрудничали параллельно с Красной Армией против Белой.

Классовые и идеологические мотивы западных держав, на которых акцентировала внимание советская историография, безусловно, окрашивали отношение к Красным или Белым. Задача предотвратить распространение большевизма на другие страны, которые сами были на грани революции, также не вызывает сомнения. Но главные побуждения носили геополитический и военно-стратегический характер. Так называемая интервенция Антанты в Россию служила реализации восточноевропейского эскиза и сдерживанию Японии на Дальнем Востоке, а не задаче сокрушить большевизм или помочь Белому движению восстановить единую Россию. Взаимоотношения Белого движения и Антанты были весьма сложными и вызывали постоянное разочарование у Белых, что описано и А.И. Деникиным в «Очерках русской смуты», и С.Д. Сазоновым в его мемуарах, и в записках Н.Г. Михайловского, который побывал тогда в Париже в качестве посредника между Деникиным и Сазоновым [Деникин; Сазонов; Михайловский].

Это неудивительно, ибо все Белые «правительства» твердо стояли за сохранение единой России и в этом вопросе не шли на компромиссы даже ради поддержки Запада. Большевики же, как выяснил У. Буллит, были готовы согласиться на распад России. Записи заседаний Совета десяти, состоявшего из глав правительств и министров иностранных дел пяти стран – США, Британии, Франции, Италии и Японии, и Большой четверки (первых лиц четырех западных держав), без Японии решавшей все важнейшие вопросы Версальского мира на своих 145 закрытых встречах; переписка американских эмиссаров по русскому направлению с Государственным департаментом; документы Комитета по иностранным делам Сената США показывают, что США и Британия (в лице Ллойд Джорджа) были относительно готовы обсуждать с большевиками условия их признания на удерживаемой теми территории. Но такой вариант требовал непростого решения по другим частям России, находившимся под контролем Белых или самопровозглашенных местных правительств.

Англичане появились в Прибалтике в декабре 1918 г. после ухода оттуда кайзеровских войск (хотя Компьенское перемирие оставляло там немцев) не для того, чтобы восстановить ставший уже ненужным восточный фронт, а для формирования подконтрольного именно им «санитарного кордона» («против большевизма») от Балтики до Черного моря. Обретения Петра Великого не давали покоя Британии два века, и она не могла не воспользоваться ситуацией и Брестским миром. Для этого нужны были независимые прибалтийские правительства.

Эти режимы, созданные ещё при поддержке немецких войск, быстро переориентировались на Англию. В августе 1919 г. английский эмиссар назначил Северо-западное правительство при генерале Н.Н. Юдениче и, как пишет М.Маргулиес, лично участвовавший в составлении списка этого правительства, на плохом русском языке потребовал от всех его членов подписать «признание эстонской независимости, иначе Антанта прекратила бы помощь». Помощь так и не была оказана даже в дни наступления Юденича, а «независимое» эстонское правительство в ответ на просьбу о помощи ответило,

что «было бы непростительной глупостью со стороны эстонского народа, если бы он сделал это» [Назаров, с. 69–70].

Британия фактически признала Латвию и направляла действия ее самопровозглашенных властей. Роль латвийского представителя в Лондоне выполнял британец Г. Симсон, который передал послу США «протест от имени временного правительства Латвии в связи с тем, что германские войска, вопреки статье XII перемирия, продиктованного маршалом Фошем 11 сентября 1918 г. и подтвержденного 13 декабря 1918 г., покидают Латвию, не получив какого-либо приказа союзных держав», подчеркивая, что «германские войска настроены против организации местной власти» и «оставляют все оружие, обмундирование и укрепления» большевистским войскам» [Ambassador... р. 479]. Союзница России Британия, таким образом, прилагала усилия к тому, чтобы после капитуляции Германии (общего противника России и Британии) освобожденные от германской оккупации российские территории не вернулись в Россию, а были от нее отторгнуты. Британии были одинаково неуютны и Белые, и Красные, потому что они под разными флагами могли объединить распадавшуюся страну.

С.Д. Сазонов, представитель А.И. Деникина, столкнувшись в Париже с явным нежеланием видеть на конференции сторонников единой России и действительно помогать им, постоянно передавал в ставку, что западные державы не будут помогать России. «Весь генералитет не только Деникина, но и Врангеля считал, что союзники в ответ на лояльность к ним, переходившую действительно за грань житейской логики, не только должны, но и в самом деле помогут Добровольческой армии, – вспоминает «связной» Г. Михайловский, – верить противоположному они не хотели, считая, что Сазонов... не желает дать себе труда представить союзникам аргументы достаточно веские» [Михайловский, кн. 2, с. 207].

Тщетно последний посол России в Вашингтоне Б.А. Бахметев направлял Государственному департаменту перечень условий мирного урегулирования «русского вопроса» на Парижской конференции, в который входили «безоговорочное аннулирование Брест-Литовского договора и других соглашений, заключенных Германией после 7 ноября 1917 г. с властями, действующими от имени России, или политическими и национальными группировками, претендующими на власть в любой части территории бывшей Российской империи»; «вывод германских войск с территории бывшей Российской империи»; «реституция всех судов... золотого запаса, слитков, облигаций и ценных бумаг, переданных ей (Германии – *Н.Н.*) действующей властью после 7 ноября 1917 г.» [Acting Secretary...].

Антанта так и не признала ни одно из белоэмигрантских правительств России. Деникин с горечью отмечал, что при этом союзники, прежде всего Британия, охотно и торопливо признавали новые государства, возникавшие на окраинах России. Франция все-таки признала де-факто правительство П.Н. Врангеля, воздав ему за помощь в спасении Ю. Пилсудского и Польши – оплота французского влияния на востоке Европы. Сделано это было не бескорыстно, а с целью дать Врангелю юридический мандат для того, чтобы он мог воспользоваться дореволюционными русскими средствами за

границей и оплатить закупки вооружения у Антанты. Но когда большевики, заключив советско-польский договор, перебросили войска на юг, ни поляки, ни французы помогать Белому Крыму не стали. Ю. Пилсудский цинично заявил, что никакого смысла в помощи Врангелю не видит: «Пусть Россия еще погниет лет 50 под большевиками, а мы встанем на ноги и укрепим» [Цит. по: Мацкевич, с. 91–94].

Все это подтверждают белоэмигрантские архивы и книги [Мельгунов; Маргулиес; Деникин], в том числе интереснейшие записки Г.Н. Михайловского¹, который жил и работал в довоенной Праге и Братиславе, где был арестован, а позже сгинул в лагерях НКВД. Записки, изъятые в 1945 г. Красной армией и пролежавшие в московских архивах еще почти полвека до публикации, ценны тем, что не были отредактированы автором на основании более поздних обобщений. «Осложнения с англичанами происходили на почве несомненной двуличности их политики, – пишет Михайловский. – Если одной рукой они поддерживали на юге России Деникина, а в Сибири – Колчака, то другой – явных врагов Деникина и вообще России. Подобно тому, как на берегах Балтийского моря наши прибалтийские окраины находили у Великобритании могущественную поддержку... на берегу Черного и Каспийского морей такую же поддержку встречали и кавказские народы, желавшие отделения. Этот общий тон английской политики *expressis verbis* был определен самим Ллойд Джорджем в английском парламенте, когда он прямо сказал, что сомневается в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России» [Михайловский, кн. 2, с. 209].

Общее настроение по отношению к России на Версальской конференции складывалось из неведения, противоречивости, колебаний, оглядки на внутреннюю обстановку и предстоявшие выборы в собственных странах, выжидательности, ощущения обременительной обязанности принять решение, но также и очевидной готовности воспользоваться ситуацией и начертить мир без России («Россия – головная боль»).

Американская концепция, еще встречавшая (кроме, конечно, отказа от всех колоний и идеи самоопределения народов) некий отклик у Ллойд Джорджа, вызывала непонимание и отторжение более всего у Франции – истощенной, потерявшей почти 1,7 млн человек, понесшей огромные разрушения на своей территории, служившей театром военных действий. Франция следовала традиционной линии на обеспечение сугубо национальных задач, получение максимальных репараций, возвращение Эльзас-Лотарингии, саарского угля, на максимальное ограничение поверженного неприятеля. Столкновение традиционного национального и нового космополитического мировоззрения прекрасно видно в подходах к Версальскому миру в «Архиве полковника Хауза»

1 Георгий Николаевич Михайловский – сын писателя Н.Г. Гарина-Михайловского – крестника императора Николая I, в 24 года благодаря своему таланту и энциклопедической образованности был сделан начальником договорно-правового отдела внешнеполитического ведомства России с правом доклада министру. Он оставил потрясающе информативные записки о первых днях жизни МИД после Октябрьского переворота, описал визит Троцкого, потребовавшего открыть все секретные документы, и реакцию сотрудников от руководства до «барышень-стенографисток». Его сын доживал в 2006 г. в бедности в Словакии, немного опекаемый посольством России, которое устроило встречу с ним автору этой статьи.

и в мемуарах блистательного Андре Тардье, игравшего ту же роль во французской делегации на Парижской мирной конференции, что и Эдуард Хауз в американской [Тардье].

А. Тардье станет потом премьер-министром, при котором был заключен Пакт Бриана-Келлога (с участием, кстати, все того же вездесущего, но незаметного Дж. Шо-туэлла). Клемансо и Тардье были категорически против приглашения большевиков на конференцию и любых контактов с ними. Клемансо в резкой форме твердил, что с юридической точки зрения, подписав Брестский мир, Россия предала союзнические обязательства и бросила Францию на милость немцев. Германия получила землю и сырье и смогла перебросить сотни тысяч солдат на западный фронт.

Для Ж. Клемансо ленинский Брестский мир освобождал союзников от всех обязательств, включая и обещание свободного доступа через Черноморские проливы в Средиземное море. Начиная как политик левого толка, но разочарованный в левой идее французский премьер полагал Ленина и большевиков русскими гильотинистами, уничтожившими подобно якобинцам все благое, что несла революция. М. Макмиллан приводит запись его беседы с лордом Бальфуром, в которой Клемансо выразил опасение, что приглашение большевиков вдохновит радикальные элементы во Франции на уличные выступления, что повергнет в страх средний класс, приведет к революционным событиям в Европе и станет нелучшим фоном для Версальской конференции [MacMillan, p. 69]. Хотя Франции все же нужна была Россия, которая вернула бы Франции царские долги, Клемансо не выступал за настоящую интервенцию и военные действия против большевиков – за это был лишь маршал Фош.

Итак, Клемансо предпочитал «восстановленную единую Белую Россию», делает вывод М. Макмиллан, «Британия, скорее, – ослабленную Красную Россию. Керзон с его глубоким отвращением ко всему, за что выступали большевики, одновременно был в восторге, что русские потеряли контроль над Кавказом», предупреждая, что «Британия должна бдительно следить, чтобы Деникин – лидер Белых на юге не заполучил бы эту территорию вновь» [Ibid, p. 74].

У С.Д. Сазонова имелись сведения о «грандиозном плане Англии, имевшем целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ – быть буфером, совершенно самостоятельным от России, между нею... и Турцией и Персией... таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан, чтобы раз и навсегда преградить путь в Индию. Персия попадала целиком под власть Англии, а «независимость» Кавказа, Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями» [Михайловский]. Такие рассуждения в британском парламенте и прессе не были редкостью и позволили создать в большевистской пропаганде (а потом в советской историографии) тезис о существовании «плана Антанты» по разрушению России, использованный не без успеха для рекрутирования в Красную армию для защиты «социалистического Отечества» от иноземных захватчиков.

Никакого правительственного плана на бумаге как программы действий, конечно, не было. Но воевать с большевиками и помогать Белым не только США, но и Британия не собирались, как ни убеждал У. Черчилль. А в стенах британского парламента открыто говорили об окончательном распаде Российской империи. Британские войска в ходе «интервенции» в Россию не предпринимали реальных военных действий против Красной армии, лишь отбивая время от времени мелкие атаки красных. Но сам ввод иностранных войск безусловно помогал большевикам в их пропаганде.

В конечных целях британские задачи в Версале не совпадали с вильсоновской программой «Четырнадцать пунктов» – прежде всего с ее концепцией самоопределения наций, затрагивающей колонии. Но идея «признания де-факто существующих правительств» [См. *The Intimate... v. IV*, p. 202–204] позволяла Ллойд Джорджу с Вильсоном найти точки соприкосновения. Это проявилось в их согласии созвать конференцию на Принцевых островах. Однако сам Вильсон, по всем свидетельствам, не высказывался в Версале за расчленение России.

В январе 1919 г. Ллойд Джордж и Вильсон направили приглашение большевикам, Белым структурам, а также всем самопровозглашенным правительствам принять участие в конференции на Принцевых островах. Было предложено немедленно начать переговоры Белых с большевиками, что крайне возмутило Белых, но было принято к рассмотрению большевиками. У. Буллит в своем отчете американскому Сенату представил документ о поручении американскому дипломату У. Баклеру, который провел в Стокгольме интенсивные переговоры с М.М. Литвиновым с участием британского посла в Швеции. Литвинов фактически был неофициальным послом большевиков не только в Лондоне, но и на Версальской конференции. Заседания Совета десяти неоднократно начинались с зачитывания телеграмм от М. Литвинова, а вовсе не от Б. Бахметева.

Литвинов делал «различные предложения и представления», которые Баклер в свою очередь телеграфировал в Париж делегации США и которые были президентом Вильсоном «сочтены столь важными, что тот зачитал их полностью Совету десяти». Все эти документы на сотне страниц опубликованы в приложении к документам сенатского комитета по иностранным делам Конгресса США в связи с рассмотрением ратификации Версальского договора.

Далее в отчете Буллита говорилось, что именно «встреча Баклера с Литвиновым была тем событием, которое склонило совещание в пользу конференции на Принцевых островах, предложение о которой было сделано Ллойд Джорджем... Ллойд Джордж предложил пригласить в Париж представителей различных русских правительств». Ллойд Джордж даже сравнил планируемый форум с «созывом Римской империей правителей своих отдаленных государств-данников для отчета об их действиях» [Bullit Exhibit N 11, p. 1235, 1236]. Причем, как явствует из документов и литературы, эстонские и латвийские представители не без консультаций с Англией согласились прибыть, обуславливая это их признанием со стороны великих держав и ограничивая свое участие переговорами о мире с Советской Россией; Грузия заявила, что не приедет, так как

обсуждаться будет Россия, а «Грузия – не Россия» [См. The Bullit..; Lloyd; The Intimate..; Черчилль; Трубецкой].

В Париже все же было образовано так называемое «Русское политическое совещание» из представителей главных белых лидеров – А.В. Колчака, А.И. Деникина, Н.В. Чайковского и Н.Н. Юденича. На имя секретариата Версальской конференции поступила нота за подписью С.Д. Сазонова и Н.В. Чайковского от имени «объединенных правительств» Сибири, Архангельска и Южной России, в которой говорилось, что не может быть и речи об обмене мнениями с большевиками. Тогда последовал меморандум У. Буллита полковнику Хаузу от 30 янв. 1919 г., содержащий настоятельную рекомендацию срочно и недвусмысленно «информировать правительство Архангельска, что мы перестанем далее снабжать его оружием, раз оно не принимает предложение союзников» [Bullit Exhibit N 12, p. 1239].

Весьма красноречивым стало выступление Вильсона 14 февраля 1919 г. перед Советом десяти, где президент изрек сокровенное: «Союзные войска не делают ничего хорошего в России, более того, они помогают реакции» (то есть Белым – Н.Н.). Вильсон уже более открыто высказал намерение установить отношения с большевиками, раз «другие русские правительства не хотят встретиться с союзниками на Принцевых островах» [Foreign... vol. III, 1943, p. 1041, 1042, 1043–1044]. То, что США с самого начала были в контакте с большевиками, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, подтверждено как эмигрантскими свидетельствами, так и некоторыми российскими исследованиями, показавшими на документах двойную деятельность США [Светачев, с. 116].

Поездка Буллита в Россию была предпринята в феврале-марте 1919 г., сразу как только проект конференции на Принцевых островах начал проваливаться и США стали реализовывать самостоятельные инициативы. В меморандуме американского члена русской секции Комиссии по мирному урегулированию в связи с противоречиями по Прибалтике и отношениям с Белыми правительствами сделан откровенный вывод, что американская «цель по отношению к России не совпадает с целями других заинтересованных правительств, а ясное взаимопонимание о сути экономического и военного вмешательства еще не достигнуто» [Foreign... vol. II, 1942, p. 475].

Параллельно Хауз направляет интеллигентного и европейски образованного Шотуэлла к Сазонову. «Ведомство» Сазонова был выбрано как «министерство иностранных дел» Вооруженных сил Юга А.И. Деникина – «правительства», которое среди Белых имело репутацию самого «реакционного и офицеры которого, якобы, выпив, пели «Боже, Царя храни». Шотуэлл представился Сазонову «личным другом и личным представителем президента Вильсона», не посвящая в свой статус официального эксперта американской делегации из группы Inquiry. Он обещал Сазонову устроить поездку делегации Белых в Вашингтон для изложения своих взглядов на будущее России перед Государственным департаментом. При этом «личный друг» Вильсона мягко и тактично, но настоятельно советовал Сазонову всячески скрывать от американских партнеров монархические настроения, если таковые имелись бы, и убеждал его в приверженности президента Вильсона сохранению единой России.

Поездка «деникинских дипломатов» в США, в подготовке которой участвовал и Г.Н Михайловский, так и не состоялась [Михайловский... кн. 2, с. 250]. В конце 1950-х годов «приверженность» единству России превратилась в борьбу за свободу «порабощенных» Россией наций. Сначала резолюция Конгресса США, а затем закон P.L.86–90 от 1959 г., провозгласил цель освободить «жертвы империалистической политики коммунистической России» [CongressionalRecord... р. 11399], назвав таковыми все народы союзных республик кроме русского и даже «Казакую и Идель-Урал». Но тогда, еще только вступая в мировые дела и не имея, как европейские страны, традиционных инструментов, США предпочитали не создавать невыгодное для них поле борьбы за сферы влияния, которое породило бы расчленение России.

В 1949 г. о «русском вопросе» на Парижской мирной конференции была опубликована монография, автор которой Б.Е. Штейн, сотрудник НКВД, в основном готовил для служебного пользования аналитические записки и был знаком с документами, фактами и обстоятельствами событий [Штейн]. Сугубо прагматический тон его секретных записок, ныне доступных в Архиве внешней политики РФ, разительно отличается от задиристого стиля его книги, принятого в ту эпоху. Но факты и процитированные документы подводят практически к тому же выводу, что и белоэмигрантские свидетельства: главной целью прежде всего Британии было воспользоваться постреволюционной ситуацией в России для отделения от нее стратегических территорий.

Штейн весьма сожалеет о срыве конференции на Принцевых островах, признавая, что большевики готовы были идти на торг территориями, и обвиняет некоторые западные державы в закулисных кознях по срыву конференции. Франция, пишет Б. Штейн, направила белогвардейским правительствам «дружеский совет» не участвовать [Штейн, с. 102].

Советское правительство ответило тогда согласием, обусловив его рядом позиций, главным из которых был вывод всех иностранных войск с территории бывшей Российской империи за вычетом Польши и Финляндии и тех, что «содержатся правительствами Согласия (Антанты – Н.Н.) или пользуются их финансовой, военной или иной поддержкой» [Внешняя политика, с. 227–229]. По итогам переговоров в Москве с У. Буллитом и У.Баклером были выработаны ряд документов и позиций. Телеграмма НКВД предлагала концессии на полезные ископаемые и лесные ресурсы и **обещала принять к рассмотрению вопрос о последующей аннексии российских территорий державами Антанты** [Foreign... 1942, р. 39]. В связи с такой откровенностью Ллойд Джордж на заседании Совета десяти, посвященном фактическому провалу конференции на Принцевых островах, даже предложил решительно отменить «предположение, что такие цели послужили мотивом к интервенции в Россию» [Foreign... vol. V, 1943, р. 14].

Хотя А. Эткинд, не будучи историком, возможно, искренне представляет согласие большевиков на предложения У. Буллита своим собственным открытием и никому ранее не известным фактом, «Проект мирного предложения Союзных и Объединившихся стран разработанный представителем правительства США Буллитом и правительством РСФСР» **был опубликован в 1958 г. в СССР** [Документы внешней... т. 2, с. 91–95].

В нем действительно фигурировали положения, которые в ситуации Гражданской войны означали признание расчленения России с оговоркой, что народы имеют право сменить власть: «Все существующие де-факто правительства в России и Финляндии сохраняют власть на принадлежащей им территории, исключая случаи, которые может предусмотреть конференция, – что народы, обитающие на территории, управляемой правительством де-факто, сами пожелают переменить правительство». Этот проект также содержал пункт о немедленном прекращении «всякой военной поддержки антисоветских правительств», ибо в Советской России полагали, что все Белые структуры держатся исключительно на помощи извне. Впоследствии в советской литературе опускались эти детали и факт готовности признать расчленение России, а подчеркивалось в основном, что «мирные советские предложения» были отвергнуты.

Включенные в проект Москвой оговорки, возможно, сеяли недоверие к посулам Ленина, который вполне мог легко забыть свои обязательства, как он собирался поступить с «похабным», по его изящной характеристике, Брестским миром. Колеблющиеся и не достигшие между собой согласия делегации Антанты к тому же предпочитали дожидаться итогов многообещающего поначалу наступления адмирала Колчака. Однако Антанта никакой внушительной поддержки Белым не предоставила, что позволило М. Макмиллан сделать вывод: «Хотя большевикам удалось потом изображать пропагандистскую картину мирового капитализма, всей мощью ополчившегося на их революцию, на деле союзники не много помогли Белым избежать поражения» [MacMillan, p. 73].

Весной 1919 г. Антанта начала второй этап «интервенции», которая отражала не классовые и идеологические мотивы западных держав, а их геополитические и военно-стратегические цели, что и объясняет попеременное сотрудничество то с Красной, то с Белой армией. Американцы, например, поддерживали красных партизан против Колчака, который не устраивал США, и тот даже просил Антанту удалить американских эмиссаров, чтобы они окончательно не испортили его отношения с Вашингтоном [Мельгунов, т.1, ч. III, с. 113–114]. А 6 мая 1919 г. Клемансо, Вильсон и Ллойд Джордж потребовали от Колчака признать все новообразованные на российской территории государства [Там же, ч. 1, с. 51–53].

Англичане появились на Кавказе и в Закавказье к ноябрю 1919 г., заняв Баку и железную дорогу до Батуми. Министр иностранных дел А. Бальфур сделал примечательное заявление, воспроизведенное британской газетой «Гардиан» в сентябре 2004 г. в связи с событиями вокруг Грузии и трагедией в Беслане: «Единственное, что меня интересует на Кавказе, это кто контролирует дорогу, по которой качается нефть из Баку до Батуми, а аборигены могут хоть рвать друг друга на куски, мне это безразлично» [Laughland].

При поощрении англичан, грузины заняли враждебную позицию по отношению к русским вообще и Добровольческой армии в частности. Когда наивный представитель военной миссии британский генерал Г.С. Роулинсон обратился с призывом к горским народам подчиниться власти Вооруженных сил Юга и сказал, что противодействие генералу Деникину будет рассматриваться как акт недоброжелательства к союзникам,

британское правительство, как будто следуя наказу лорда Керзона, публично его дезавуировало, опубликовав «письмо верховного комиссара Англии в Закавказье Уордропа на имя «министра иностранных дел» Гегечгори, в котором указывалось, что мысли Роулинсона совершенно не выражают воззрений британского правительства... и Гегечгори на съезде народной гвардии заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России» [Деникин, с. 127].

* * *

Судьба миссии Буллита на самой Версальской конференции оказалась неудачной. Вильсон, удрученный выхолащиванием своей концепции при согласовании пакта о Лиге Наций, сохранением колоний под флером наименования «подмандатные территории», непреодолимым желанием Франции и Британии «примерно наказать» Германию по языческому принципу «горе побежденным», Буллита не принял. М. Макмиллан, едва упомянув о миссии Буллита, и вовсе характеризует слухи о восторженных отчетах его миссии как неразумную веру неопытных молодых людей, попавших под фальшивое обаяние Ленина и большевистских дипломатов, для которых американские миссионеры были лишь «полезными идиотами» [MacMillan]. Однако ее текст скорее говорит о том, что полные данные миссии Буллита так никогда и не были раскрыты европейским союзникам, а оставлены засекреченными в архивах США.

Литература не дает сведений о продолжении в последующий период контактов У. Буллита с М. Литвиновым, фигура и деятельность которого для исследователей остается покрытой туманом. Ни в личной папке «Литвинов» в Архиве внешней политики РФ, ни в других папках нет даже следа его бесед с Буллитом (в России), последовавших затем переговоров в Стокгольме и отправки нот и телеграмм в адрес Совета десяти. В отечественных публикациях можно прочесть немало о том, как М. Литвинова при И. Сталине постепенно задвигали, о взаимной ненависти между ним и Г. Чичериным, о пикантных подробностях, якобы, каких-то их доносов друг на друга, о якобы готовившемся Л. Берией покушении на Литвинова, но ничего о роли последнего в секретной дипломатии 1919 г.

Тем не менее М. Литвинов, судя по косвенным данным, продолжал играть скрытую роль в отношениях с США и до, и после дипломатического признания СССР Вашингтоном. В 1929 г. он в составе группы из пяти высокопоставленных советских чиновников побывал с засекреченным визитом в США, где выступил о стратегических планах Советской России перед избранной американской аудиторией на закрытой встрече, организованной Советом по международным отношениям. (Как уже было показано, у истоков СМО стояла в том числе экспертная группа Inquiry, работавшая на Версальской конференции, а в 1921 г. директором Совета по международным отношениям был назначен член Inquiry Исая Боумен, хорошо знавший о миссии Буллита и его контактах с Литвиновым.) По словам исполнительного директора СМО У. Мэллори, Литвинов и бывшие с ним большевики дали такие ответы, которые «удовлетворили аудиторию, состоявшую из американских банкиров, но могли бы дискредитировать этих людей дома» [Цит по: Алексеев, с. 29].

Однако именно связанная с США группа держалась в советско-партийном руководстве весьма долго даже в период, когда Сталин разочаровался в американском крене в политике и перестал доверять Литвинову, что, как сейчас трактуется, ставило под угрозу жизнь последнего. Поскольку устранить неугодного под любым абсурдным предлогом в те времена было легко, сохранение Литвинова на самых высоких постах даже при осторожном постепенном оттеснении его от принятия важных внешнеполитических решений говорит о тайном значении этой фигуры, которое пока не удается раскрыть.

Косвенное и весьма осторожное влияние и идеология этой, условно говоря, проамериканской группы чувствовались вплоть до начала 1940-х годов, о чем свидетельствуют записки и рекомендации определенной направленности из канцелярии М. Литвинова, где анализ внешней политики США делался с очевидным замалчиванием важнейших документов и фактов, дающих ключ к пониманию ее сути. Это способствовало утверждению в ранней советской историографии определенного клише, положительно выделяющего «молодую демократическую Америку» из «старых империалистических хищников», которое отчасти было создано еще М. Покровским [Бекер].

Сам М. Литвинов в аналитической записке (май 1945 г.), суммирующей политику США по отношению к России за XX век, в целом оценивал ее весьма позитивно. Особо отметив, что США дольше всех не признавали новые реалии на территории исторической России, он предлагал верить ноте Колби, объяснявшей непризнание Вашингтоном новых государств, в том числе и советской власти, «чувством дружбы и честным долгом к великой нации, которая в час нужды оказала дружбу США», и тем, что США якобы не хотели быть причастны к «разрешению русской проблемы неизбежно на базе расчленения России»¹.

Но уже в 1925 г. Ч. Сеймур издал «Личные записки полковника Хауза» в четырех томах, а вскоре в НКВД был выполнен и опубликован небольшим тиражом русский перевод разделов, касающихся России, что раскрыло реальное толкование «общедемократических принципов» Вильсона. М. Литвинов не мог этого не знать, тем более что именно с ним в Стокгольме вела переговоры Комиссия по мирному урегулированию, готовившая в Париже Версальский мир. Именно с ним не только Буллит, но и официальный дипломат США У. Баклер вел переговоры в Стокгольме о конференции на Принцевых островах и договаривался о выводе из Архангельска 10-тысячного военного контингента Антанты. Литвинов тогда дал «гарантию», что большевики, вступая в Архангельск, дадут союзникам спокойно уйти и «не будут преследовать тех русских, что сотрудничали с союзниками», о чем было сообщено У. Баклером В. Вильсону [Bullit Exhibit N11, p. 1238].

1 О ноте Колби см.: Иванян Э.А. Энциклопедия российско-американских отношений. Колби нота // Библиоклуб.ру. – URL: biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=868044 (дата обращения: 25.12.2017). – Ред.

А. Парвус, создавший контору в Лондоне, также имел связь с М. Литвиновым. Именно Литвинов был в курсе того, что англосаксонская часть Антанты не намеревалась делать ставку ни на Деникина, ни на Колчака, ни на какое-либо Белое правительство, **которое могло бы объединить страну**. Ллойд Джордж на заседании Совета десяти в присутствии Клемансо, Орландо и Соннино, предлагавших вести дела с каким-то единым выбранным центром Белых, настаивал на оценке всех Белых структур как «нерепрезентативных», а в отношении Колчака даже предостерег: тот «собирает вокруг себя представителей старого режима и, кажется, является в душе монархистом». Именно Литвинов был тем самым представителем большевиков, через которого передавались в Москву все позиции Совета десяти, в том числе и условие приглашения на Принцес-вы острова большевиков: немедленно вывести войска из Польши и Литвы. Не только Ллойд Джордж, но и В. Вильсон, обеспокоенный «непосредственной угрозой уничтожения всех надежд в прибалтийских областях», требовал «жестко дать понять, что большевики должны полностью уйти из Литвы и Польши» [Bullit Exhibit N 11, p. 1235, 1236].

Представляет интерес статья – почти ода М. Литвинову, написанная в 1996 г. профессором Университета Кентукки Хью Филлипсом и опубликованная в качестве отдельного оттиска Институтом Кеннана при Международном научном центре Вудро Вильсона [Phillips]. Литвинов изображается как единственный большевистский деятель и дипломат, искренне восхищавшийся Америкой и президентом Ф. Рузвельтом. Он якобы был свободен от марксистско-ленинского догматизма, и его длительная работа на доверенных постах при «его антиподе Сталине» представляется автору загадкой, которая занимает не только профессора. У Литвинова, по оценке Х. Филлипса, практически не было позиций, которые бы не совпадали с американскими, за исключением одного греха – Литвинов разделял недоверие и нелюбовь своего тоталитарного босса к Польше.

Из статьи вытекает, что все бумаги для передачи в Версаль в 1919 г. готовились Литвиновым, а Буллит служил скорее курьером для передачи секретных документов. Особый акцент автор делает на роли Литвинова в переговорах, которые велись тогда через американского дипломата У. Баклера, в ходе контактов непосредственно с президентом Вильсоном и Ллойд-Джорджем на Версальской конференции.

Именно Литвинов самовольно написал письмо Вильсону еще в октябре 1918 г., чтобы сгладить резкую отповедь американской концепции и программе «Четырнадцать пунктов» в послании наркома Г. Чичерина. В письме американскому президенту и британскому премьеру он подчеркивал совпадение подхода Вильсона к европейским делам и советских предложений, а также пугал тем, что продолжение интервенции Антанты приведет к восстановлению монархии в России. Ссылаясь на архив У. Баклера в Йельском университете, Х. Филлипс приводит обещания М. Литвинова не только пойти на все компромиссы, включая признание долгов царского правительства (яблоко раздора во всех переговорах о признании СССР), но и гарантировать неприкосновенность от национализации американских предприятий и предоставить им дополнительные концессии. Взамен Литвинов просил крупные средства для закупки техники. (В 1921 г. Литвинов руководил передачей в США огромных сумм в иностранной валюте в уплату

за машины, технику, зерно и медицинские товары. Как известно, средства были выручены от продажи за бесценок сокровищ Эрмитажа и других предметов искусства, о чем свидетельствуют надписи под экспонатами в американских музеях.)

«Демократическая Америка» действительно была весьма терпима к большевикам, У. Буллит и вовсе был ими очарован, а доклад о большевистском терроре побывавших в России послов Италии и Франции на Версальской конференции был назван американской делегацией сильным преувеличением.

США заверяли Белое движение в незыблемости американской позиции о безусловной необходимости сохранения Прибалтики как части России, в том числе и через Дж. Шотуэлла – на этапе, когда главным игроком в Прибалтике была Британия со своими войсками. США действительно позже других признали независимость прибалтийских республик и даже сопроводили ратификацию признания подтверждением своего негативного отношения к расчленению России. Позиция на 180 градусов изменилась после превращения СССР в равновеликую мировую державу в итоге Победы мая 1945 г.

За вильсоновской философией нового мира и за избирательностью ее применения скрывалась амбициозная *Realpolitik*. США по очевидным причинам взвешивали, насколько полезным для них может стать распад Российской империи: меньшевистская Грузия имела Потийское соглашение с кайзеровской Германией, литовская Тариба (правительство) в Ковно, созданная в декабре 1917 г. германскими оккупационными властями, провозгласила вечную и нерушимую дружбу опять же с Германией, а затем быстро переориентировалась на Британию. Украина была почти оккупирована германскими войсками. Переориентация их элит на англосаксонскую часть Антанты в тот момент означала расширение не американского, но британского влияния и соблазн для Британии продолжать традиционную политику коалиций.

Но потом, когда Британия в 1940 г. признала правомерным восстановление дореволюционной территории России и возвращение Прибалтики в Советскую Россию, США последовательно не признавали восстановление суверенитета СССР над этими территориями. Дело было не в большевистском режиме, а в возрождении в новой форме геополитического гиганта и в соперничестве за контроль над стратегическими балтийскими территориями.

Настоящая статья не претендует на полноту, а скорее намечает темы и направления для новых поисков и исследований. Полный смысл, значение и содержание миссии У. Буллита, разные части его отчета американскому правительству еще предстоит изучать и систематизировать, как и деятельность группы *Inquiry* «полковника» Хауза (который никогда и нигде не служил). Таких исследований, а также книг, посвященных непосредственно «русскому вопросу» на Парижской мирной конференции мало и на Западе, где в лучшем случае ему отводится глава или несколько страниц, как и признается в предисловии к редкой монографии Дж. Томпсона [Thompson].

В годы 100-летия Русской революции, Гражданской войны и окончания Первой мировой войны дальнейшее исследование этой темы, введение в научный оборот ранее

засекреченных либо забытых документов были бы весьма полезны для лучшего понимания мировой политики, расклада вокруг России не только столетней давности, но и нашего времени, в котором проявляются преемственные противоречия, идущие из прошлого.

Литература:

- АВП РФ. Фонд 0512, опись N4, N209, папка 25, лист 20.
- Алексеев В.А. «Третий Рим» или Гарвардская школа. М. 1994.
- Бекер С. Вудро Вильсон. Мировая Война. Версальский мир. По документам и запискам председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарта Бекера. Предисловие М. Павловича. М-Петроград. 1923.
- Внешняя политика СССР. Сборник документов. М. 1944. Т. 1.
- Вудро Вильсон. Мировая Война. Версальский мир. По документам и запискам председателя американского комитета печати на Версальской конференции Стэннарта Бекера / Предисловие М. Павловича. М. – Петроград. 1923.
- Деникин А. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Берлин. 1925. Т. 5.
- Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. Париж. 1939.
- Документы внешней политики СССР. М. 1958.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1996.
- Листиков С.В. Мир без России: представительство Белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО N1(4). 2009.
- Маргулиес. М. Год интервенции. Берлин. 1923.
- Мацкевич Ю. Победа провокации. Лондон (Канада). 1983.
- Мельгунов С. Трагедия адмирала Колчака. Берлин. 1930. Ч. 1; 1931. Ч.III. Т.1.
- Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Книга 2. Октябрь 1917 – ноябрь 1920. М. 1993.
- Назаров М.В. Тайна России. Историософия XX века. М. 1999.
- Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2005.
- Плешко А.О. Роль У. Черчилля в решении «Русского вопроса» на Парижской мирной конференции // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №6 (361). История. Вып. 63. С. 92–99. – URL: cyberleninka.ru/article/n/rol-u-cherchillya-v-reshenii-russkogo-voprosa-na-parizhskoy-mirnoy-konferentsii (дата обращения: 29.11.2017).
- Сазонов С.Д. Воспоминания / Репринтное воспроизведение издания 1927 г. М. 1991.
- Светачев М. США и Россия. 1917 год: пролог к интервенции // Вестник Центра по изучению международных отношений в Тихоокеанском регионе. Хабаровск. 2001. № 2. Вып. 2. С. 101–120.
- Стоун Н. Первая мировая война. Краткая история. М. 2010.
- Тардые А. Мир. М. 1943.
- Тойнби А.Дж. Византийское наследие России. Цивилизация перед судом истории. М. 1996.
- Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М. 1996.
- Трубецкой Г. Годы смут и надежд 1917–1919 г. Монреаль. 1981.
- Уткин А.И. Вудро Вильсон. М. 2010.
- Уткин А.И. Первая мировая война. М. 2001.
- Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории. М. 2017.

- Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. М. 1992.
- Черчилль У. Мировой кризис. М. 1937.
- Шевенман Ж.-П. 1914–2014. Европа выходит из истории? М. 2015.
- Штейн Б.Е. Русский вопрос на Парижской мирной конференции. М. 1949.
- Эткинд А. Мир мог быть другим. Уильям Буллит в попытках изменить XX век. М. 2015.
- Acting Secretary of State – to Committee to negotiate peace. Dec. 13, 1918 // Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. 1942. P. 477.
- Ambassador of the USA in Britain (Davis) – to acting Secretary of State. London, 20 Dec. 1918. // Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. 1942.
- Anderson L. James T. Shotwell: A Life Devoted to Organizing Peace // Living legacies. Great moments and leading figures in the history of Columbia University. – URL: columbia.edu/cu/alumni/Magazine/Winter2005/llshotwell.html (date of access: 29.11.2017).
- Brownell W., Billings R. So Close to Greatness: The Biography of William C. Bullitt. N.Y. 1988.
- Bullit Exhibit N 11 // Treaty of Peace with Germany: hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate, 66th Congress, first session on the Treaty of Peace with Germany, signed at Versailles on June 28, 1919 by the President of the United States. Wash. 1919. P. 1235, 1236.
- Bullit Exhibit N 12 // Treaty of Peace with Germany: hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate, 66th Congress, first session on the Treaty of Peace with Germany, signed at Versailles on June 28, 1919 by the President of the United States. Wash. 1919. P. 1239.
- Casella-Blackburn M. The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948. Prager. 2004.
- Churchill W. The World Crisis. 1916–1918. N.Y. 1927. Vo1.1.
- Congressional Record. Proceedings and debates of the 86th Congress. Wash. 1959.
- Farnsworth B. William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington. 1967.
- Federal Reserve Act // Board of Governors of the Federal Reserve System. – URL: federalreserve.gov/aboutthefed/fract.htm (date of access: 21.12.2017).
- Foreign Relations of the USA. 1919. The Paris Peace Conference. Wash. 1942.Vol. II; 1943 .Vol. III, V.
- Howden A.D. Mr. House of Texas. 1940.
- Josephson H. James T. Shotwell and the Rise of Internationalism in America. N.J., L.1974. – URL: books.google.ru/books?id=tiIXmZYRGsMC&printsec=frontcover&hl=ru&sour... (date of access: 29.11.2017).
- Jouin E. L'après-guerre, la guerre, l'avant-guerre 1870–1914–1927. P. 1927.
- Lloyd G. The Truth about Peace Treaties. L. 1938. – URL: archive.org/details/in.ernet.dli.2015.523824 (date of access: 29.11.2017).
- Laughland J. Georgia on their mind // The Guardian. 01.04.2004. – URL: theguardian.com/world/2004/apr/01/georgia.oil (date of access: 21.12.2017).
- MacMillan M. Paris 1919. N.Y. 2012.
- Memorandum by A.W.Dulles. 30 December 1918. // Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. P. 481–482.
- Memorandum by Lieutenant A.A. Berle, Jr., December 10, 1918 // Foreign Relations of the United States. 1919. The Paris Peace Conference. Vol. II. Wash. D.C. 1942. P. 471 – 475.

- Phillips H.* Maxim M. Litvinov and Soviet-American Relations, 1918–1946. – URL: wilsoncenter.org/sites/default/files/op263_maxim_litvinov_phillips_1996.pdf (date of access: 29.11.2017).
- Renouvin P.* Les origines immédiates de la guerre: 28 juin-4 août 1914. P. 1927. – URL: catalogue.sciencespo.fr/ark:/46513/sc0000288148 (date of access: 29.11.2017).
- Seton-Watson R.W.* Britain and the Dictators. Cambridge. 1938.
- Seymour Ch.* (ed.) The Intimate Papers of Colonel House. L. 1928. Vol. IV.
- Shotwell J.T.* At the Paris Peace Conference. N.Y. 1937.
- The Bullit Mission to Russia // Foreign Relations of the USA. Russia.1919. Wash. 1942.
- The Intimate Papers of Colonel House. L. 1928.
- The Organization of the American Delegation. N.Y. 1937.
- Thompson J. M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace Conference. Princeton. 2015.
- Treaty of Peace with Germany: hearings before the Committee on Foreign Relations United States Senate, 66th Congress, first session on the Treaty of Peace with Germany, signed at Versailles on June 28, 1919 by the President of the United States. Wash. 1919.
- Tuveson E.L.* Redeemer Nation. The Idea of America's Millennial Role. Chicago. 1980.
- Winston S. Churchill:* His Complete Speeches, 1897–1963 / Ed. R. R. Games. N.Y. 1974. Vol.2.

УДК 1; 32; 93; 94

ЖАК САПИР

К столетию революции 1917. Сопротивление самодержавию: подъем оппозиционных настроений в деловых кругах (1906–1917)

Аннотация. *Природа процессов, которые привели к Октябрьской революции 1917 г. и которые она породила, продолжает вызывать споры. В коммунистической историографии это событие представляют как революцию рабочего класса, поддержанную крестьянством. Антикоммунисты, в свою очередь, считают революцию результатом заговора, некоторые из участников которого были на иностранном содержании. Однако ни коммунистическая историография, ни антикоммунистические трактовки не объясняют, почему самодержавное государство утратило легитимность. И те и другие игнорируют экономические и политические причины потери легитимности. Между тем в центре этого процесса находился актер, сыгравший важную роль в назревании революции, – немалая часть предпринимательского класса и техническая интеллигенция.*

Ключевые слова: *Октябрьская революция, причины революции, модель развития, источники роста, предпринимательская элита, военная экономика.*

На фоне 100-летия Октябрьской революции остается спорной природа процессов, которые привели к этому событию, а также тех, которые оно породило. Несмотря на то, что страсти XX в. в основном улеглись, революция по-прежнему вызывает полемику и вопросы. Советские экономика и общество просуществовали почти 75 лет и генерировали целый набор моделей – имплицитных или эксплицитных, – по отношению к которым большинство наблюдателей заняли ту или иную позицию [Sapir]. Свидетельством тому является умножение терминов, используемых для обозначения советских моделей: социалистическая экономика, реальный социализм, централизованная плановая экономика и др.

Между коммунистической историографией и антикоммунистическим видением революции 1917 г. существует невольное сходство. В коммунистической историографии она представлена как революция «рабочего класса», поддержанная крестьянством. Антикоммунисты, в свою очередь, считают революцию результатом «заговора», некоторые из участников которого были на иностранном содержании. Однако ни коммунистическая историография, ни антикоммунистические трактовки не объясняют, почему самодержавное государство утратило легитимность. Прежде всего, и те и другие иг-

Сведения об авторе: САПИР Жак (Sapir Jacques) – французский экономист, руководитель исследований в Высшей школе социальных наук (EHESS), директор Центра исследований индустриализации (CEMI-EHESS), Париж.

норируют экономические и политические причины потери легитимности. Между тем в центре этого процесса находился актер, сыгравший важную роль в назревании революции в 1915–1917 гг., – а именно значительная часть социальной группы, которую составляли предпринимательские круги и техническая интеллигенция. Целями этой группы были модернизация, но вместе с тем и преодоление унижения, которое постигло Россию на международной арене в результате войны 1904–1905 гг., то есть своего рода национальное самоутверждение. Все это весьма отличалось от тех целей, которые, как считается, обычно лежат в основе революционного движения.

Следовательно, необходимо пересмотреть некоторые представления об Октябрьской революции. Социальное неравенство в городе и деревне, несомненно, сыграло свою роль в революционных событиях. Но не забываем ли мы о национально-патриотическом факторе?

Каковы истинные истоки Октябрьской революции?

Вопреки трактовке, все еще широко распространенной в учебниках и даже историографии, советская экономическая система не берет свое происхождение ни в Октябрьской революции 1917 г., ни в идеологической традиции, связанной с именами Маркса и Ленина. Телеологических интерпретаций Русской революции было множество [см.: Besançon; Laqueur]. Нетрудно доказать, что «советский марксизм» был довольно далек от того, что писал Маркс [см.: Chambre; Rubel; Chavance]. Сама Октябрьская революция была вызвана в большей степени факторами, недоступными влиянию партии большевиков, чем ее волей. Генезис ее предпосылок в предреволюционном периоде прослеживается вполне отчетливо. Встает вопрос: была ли Октябрьская революция «социалистической», вписывается ли она в ряд восстаний, подобных Парижской Коммуне? Или это была национально-модернизационная революция [см.: Black et alii; Brugger and Hannan; Skocpol], схожая с многочисленными движениями, получившими развитие за пределами Европы, в доминионах с конца XIX в., а в колониях после войны 1914–1918 гг.? Или, быть может, следует говорить о смешении явлений двух типов?

Прочтение Октябрьской революции в Западной Европе и, шире, западном мире заметно отличается от того впечатления, которое она произвела на Азию, Африку и Латинскую Америку. Ее восприятие на Западе во многом предопределялось доминантным положением западного мира. Этот феномен затронул и Россию, где часть элиты настолько хотела быть «западной», что без сомнений приняла вестернизированную картину событий. За пределами Запада, в свою очередь, революция 1917 г. получила совсем иные прочтения, которые к тому же складывались в рамках политических движений, интегрированных в местные реалии. Поэтому сейчас, когда отмечается столетие Русской революции, неизбежны самые разные ее интерпретации, и их спектр намного шире, нежели противоположные версии «социалистов» и «консерваторов». Стоит обратить внимание на национально-модернизаторское измерение революции, или, по выражению одного исследователя, особый русский путь перехода к технократии» [Rowney]. Это измерение не менее важно, чем «социалистическое», наиболее распространенное прочтение тех событий.

Довольно удобно видеть в марксистском дискурсе Второго Интернационала истоки экономической доктрины будущих советских вождей [Bettelheim]. Такое видение небезосновательно. Действительно, большевистские лидеры, связанные с интеллектуальным сообществом, сложившимся вокруг немецкой социал-демократии, немало заимствовали из представлений о капитализме и гипотетическом социализме, характерных для каутских, гильфердингов и тем более парвусов [Zbynek and Scharlau]. Но этим проблема далеко не исчерпывается. Выстраивать прямую следственную связь между теорией, которая сама по себе эволюционировала и была внутренне противоречивой, и практикой столь же ошибочно, как и видеть в системе прямое отражение идей тех, кто этой системой руководит.

То обстоятельство, что у социалистов начала XX в. (в частности, русских большевиков) был конструктивистский взгляд на социальную действительность, не означает, что конструктивизм можно воплотить в реальность. Более того, само убеждение, что социальная реальность выводима из умозрительных, заранее составленных представлений о том, какой она должна быть, сходно с конструктивизмом, в котором можно упрекнуть большевиков. Это не значит, что системы постулатов не играют важной роли. Однако такие системы необходимо помещать в контекст и рассматривать как системы эволюционирующие, меняющиеся под воздействием неожиданных эффектов от совершаемых действий и вызываемых этими эффектами когнитивных диссонансов. В критике абсолютного конструктивизма главным представляется отрицание идеологического монизма. Считать идеологию, независимо от отношения к ее конкретному варианту, главной причиной явления – значит рассуждать в логике абсолютного конструктивизма. Если мы сопоставим революцию и порожденное ею советское общество, то обнаружим в последнем не больше элементов преемственности, чем инновационных отличий.

Русское наследие

В первую очередь стоит обратиться к модели развития, характерной для России с 1885 по 1914 гг. [Gerschenkron 1962a; Laue 1963; а также: Laue 1960; Talheim; Portal]. Именно она привела к тому, что монархическое государство утратило опору среди сельского населения и среди предпринимательского класса.

Эта модель сама по себе стала результатом трудностей, с которыми столкнулась страна после отмены крепостного права [Montlibert 2015; 2014]. Ее отличал сильный государственный контроль над экономической деятельностью [Anan'itch] – прямой, в форме государственных предприятий или оборонного бюджета, либо косвенный, осуществляемый посредством монетарной [Crisp] или фискальной политики. (Оппоненты С.Ю. Витте в связи с последней говорили о «государственном социализме» [см.: Tsyon].) Данная модель привела к заметному экономическому росту, который продолжался по меньшей мере до русско-японской войны 1904–1905 гг. [Лященко 1950; Gregory].

Однако рост был преимущественно несбалансированным. Дело не только в том, что наносился ущерб сельскому хозяйству, которое несло на себе значительное налоговое бремя [Laue 1963]. Данная модель развития российской экономики вряд ли могла

приблизить Россию к Западной Европе. Да, в России складывалась социальная группа предпринимателей, но сама эта группа была раздираема внутренними антагонизмами.

В первые годы XX в. нарастали противоречия между крупными компаниями (размещавшимися на Украине, а также в зоне между Польшей и Санкт-Петербургом), часто связанными с иностранным капиталом и зависимыми от государственной поддержки, и малыми и средними предприятиями в Московской губернии, на черноморском побережье и верхней Волге, владельцы которых были в открытом конфликте с властью – как по экономическим, так и по политическим причинам [Goldberg; West; Roosa; White J.D.]. Сговор между экономическими кругами, связанными с иностранным капиталом (очень крупными компаниями), и кругами, близкими к царю, позволял первым получить от вторых все средства, необходимые для доминирования. Это вызывало ярость у части малых и средних предпринимателей, полагавших, что они в гораздо большей степени, чем их связанные с иностранными инвестициями оппоненты, понимают нужды русских людей и что именно они способны осуществить «национальный» модернизационный проект.

В становлении этого местного капитализма большую роль сыграли религиозные меньшинства, в том числе притесняемые – прежде всего староверы [Blackwell 1974a], но также и евреи [White A.]. Однако царское правительство относилось к ним неблагоприятно. Итогом стал латентный конфликт, усиливший противоречия, связанные с моделью развития. В последние годы перед Первой мировой войной противостояние двух групп перешло в открытый конфликт, причины которого были как экономическими, так и политическими (влияние «православной реакции» начала XX в.).

Часть технической и предпринимательской элиты упрекала царское правительство в неспособности отстаивать интересы России (или то, что считалось этими интересами). Более того, после поражения в войне против Японии в 1905 г. часть элиты постоянно обвиняла царское окружение и самого Николая II в некомпетентности. Можно говорить о глубоком разрыве между элитой, близкой к царю и некоторым его советникам, с одной стороны, и предпринимательской и технической элитой, которую Уэст в своей работе 1975 г. назвал «москвовскими прогрессистами» (притом что далеко не все ее представители были москвичами) [West], – с другой. Организация промышленников и торговцев, созданная в 1906 г. на волне Первой русской революции [Goldberg] и под впечатлением от поражения в войне с Японией и Портсмутского мирного договора, стала символом консолидации этой модернизаторской экономической элиты, находившейся в резкой оппозиции к царскому режиму. Инерция и имперские настроения правящих кругов перевели эти оппозиционные настроения из экономической в политическую плоскость.

Значение националистической, а точнее, «патриотической» основы этих требований не стоит недооценивать. В теории она мало чем отличалась от тезисов Победоносцева [Riasanovsky]. Однако новая элита вскоре осознала, что экономическая модернизация, являющаяся необходимым условием для того, чтобы международные позиции России укреплялись и она могла избежать нового унижения, невозможна без политической модернизации.

Отсутствие внутреннего роста и бунт предпринимателей

Второй причиной дисбаланса стало то обстоятельство, что у экономического роста не было внутренних стимулирующих факторов. Впечатляющий рост 1885–1905 гг. не дал импульса процессу, когда обогатившиеся социальные группы создают внутренние источники дальнейшего развития экономики. После депрессии, которая началась в 1903 г. и усугубилась войной 1904–1905 гг., восстановление роста было достигнуто преимущественно государственным заказом на продукцию военного назначения [Шацилло]. Это заставляет усомниться в известном тезисе об автономном развитии капитализма в России [Portal]. Безусловно, происходило интенсивное развитие капиталистических отношений, но российский капитализм оставался зависимым от политической власти и распределения кредитов. Более того, денежно-рыночные отношения (если исключить фискальное давление) получили слабое распространение в сельском хозяйстве [Atkinson]. В России, в отличие от модели экономического развития Западной Европы XIX в., сельский сектор в большой степени остался в стороне от процессов роста, в основе которого лежали экспорт сырья и государственные, в первую очередь военные, закупки.

Банковская система по-прежнему не отвечала потребностям финансирования промышленного развития. Отчасти это связано с объемом сбережений, отчасти – с внутренней нестабильностью сектора, в котором можно было встретить банки совершенно различных типов и величины [Боровой]. Наряду с крупными депозитными банками, имевшими корпоративную структуру и часто связанными с мощными заграничными банками, существовали мелкие банки, которые нередко являлись порождениями промышленных компаний, осуществляя их финансирование. Такое положение дел не способствовало стабильности банковской системы. Нестабильность привела к тому, что прямая или косвенная роль Центрального банка в кредитных операциях стала решающей [Гиндин]. Центральный банк оставался главным источником рефинансирования для частных банков, хотя инструменты со временем менялись. Доля переучета в промежутке между 1895 и 1913 г. снизилась с 30 до 12%, а доля сделок РЕПО по государственным и частным ценным бумагам выросла с 7 до 23%. Доля кредитов в текущих операциях оставалась примерно одинаковой, колеблясь в диапазоне между 63 и 61% [Государственный банк, с. 54; Отчет за 1913 год, с. 14]. Стоит обратить внимание на большую роль прямого кредитования в рефинансировании. В 1920-е годы именно прямое кредитование стало одним из механизмов финансирования экономики. Таким образом, в этом плане советская власть всего лишь продолжила дело своих предшественников.

Следует подчеркнуть, что банковская система в целом очень зависела от финансовых операций, которые осуществляло само государство. Будь то размещение государственных или частных займов под государственные гарантии или управление субсидированными займами инвестиционного банка, выпущенными Центральным банком – налицо финансовые схемы, которые контролировались государством. В таких условиях говорить о независимости банковского дела от государства сложно. Безусловно, некоторые крупные банки (в особенности связанные с французскими, немецкими и бель-

гийскими банковскими домами), посредством которых солидные займы размещались вне России, могли на равных разговаривать с Центральным банком или министерством финансов. Однако к другим банкам это не относилось. Более того, оборот управляющих кадров, при котором лица, занимавшие высокие должности в правительственном аппарате, переходили на аналогичные посты в банковских институтах, а также прямое или косвенное кумовство весьма способствовали слиянию государства с частным сектором в сфере финансов.

Влияние Первой мировой войны

Еще одним источником происхождения и устройства советской экономической системы была мобилизация российской экономики в ходе Первой мировой войны [Siegelbaum]. Как и другие воюющие страны, прежде всего Франция, Великобритания и Германия, Россия столкнулась с ситуацией, когда война современного типа требовала жесткой реструктуризации всей экономики с целью скорейшего увеличения производства конкретной продукции. Но между экспериментами в области индустриальной мобилизации в России, с одной стороны, и Германией и Францией, с другой, обнаружилось существенное различие. В России реструктуризация стала фактором антиправительственных умонастроений. Она происходила в атмосфере квазимятежа со стороны мелких и средних предпринимателей против царской администрации [Zagorsky]. В этом прямо проявилась убежденность в некомпетентности власти, о которой говорилось выше.

Создание военно-промышленных комитетов (ВПК), управляемых Центральным военно-промышленным комитетом (ЦВПК) [Siegelbaum], дало возможность представителям отечественного капитализма, объединившимся вокруг московского отделения Организации промышленников и торговцев, попытаться заключить союз как с технической интеллигенцией, так и с рабочими [Волобуев, Дробижев]. Попытка организации рабочих групп при ВПК привела к открытому конфликту с царским правительством. Оно грозило арестовать лидеров ВПК и запретить эти организации [Siegelbaum]. Динамика конфликта станет более прозрачной, если учесть, что с 1914 г. ряд промышленников стали поддерживать подпольные оппозиционные движения, партии эсеров, меньшевиков и даже большевиков [см.: Исторический архив 1959а, с. 8–13; Исторический архив 1959b, с. 13–16; Розенталь]. В ЦВПК входили Леонид Борисович Красин – директор российского отделения AEG-Siemens, известный большевик, а также многие лидеры эсеров.

Впрочем, конфликт между царским правительством и военно-промышленными комитетами – не единственная особенность российской индустриальной мобилизации в годы войны. Именно тогда была заложена традиция управления экономикой на двойной территориально-отраслевой основе. Начало ей положила практика координации между министерствами и военно-промышленными комитетами [Сидоров]. Подобная практика была возобновлена после Октябрьской революции и продолжалась на протяжении практически всего периода существования СССР.

Пример Германии

Еще один источник – это, несомненно, опыт военной экономики в Германии. Здесь установилось гибкое, но в то же время, обладавшее принудительным характером прямое управление экономикой [Feldman]. Ядром этой системы стало подразделение стратегических ресурсов при военном министерстве – KriegsRohstoffAbteilung (KRA). Его руководители, например, Вальтер Ратенау, вскоре заговорили о «государственном социализме», а в 1918 г. даже сравнивали себя с русскими большевиками [Rathenau]. Лидеры большевиков, которые, в свою очередь, увидели в немецком опыте военной экономики эффективную модель планирования, также признавали сходство [Ленин]. Очевидно, что в 1915–1917 гг. мобилизация немецкой экономики оказала глубокое и сильное влияние на российских радикалов, будь то большевики, меньшевики или представители других политических партий. Эксперимент Германии убедил многих не только в результативности, но и в затратной оптимальности государственного контроля. Немецкий опыт в огромной степени усилил антилиберальный уклон, который и без того был распространен в России. Дополнительно укрепило этот тренд пребывание в России в начале 1920-х годов ряда сотрудников Ратенау.

Экономике Германии в период 1914–1918 гг. были присущи и другие черты, которые впоследствии стали характерными для советской экономики. В частности, это инвестиционные циклы, связанные с проблемой дефицита, и даже попытка коллективизации сельского хозяйства [Feldman]. Принципиально важно, что многие экономические постулаты, которые считаются «типично советскими», – например, негативное отношение к частному сектору в сельском хозяйстве или восприятие экономических дисфункций как следствия уровня развития – были еще раньше приняты в Германии начиная с 1916–1917 гг. Это доказывает, что они не обязательно являются производными от большевистской идеологии и, тем более, от марксистского догматизма. Заметим, что в немецкой экономике инвестиционные циклы имели место при преобладании частной собственности.

Политический кризис российского государства, таким образом, был вызван многими факторами: повальным недовольством на селе, недовольством рабочих, связанным с условиями их существования, а также – о чем говорят крайне редко – растущим разрывом между царским правительством, с одной стороны, и частью предпринимателей и технической интеллигенции, с другой. Комбинация этих факторов привела к революции. Главную роль, на наш взгляд, сыграл разрыв между властью и элитой, которая должна была поддерживать власть. Именно этот разрыв привел к утрате властью легитимности. Доверие к наиболее радикальному крылу оппозиции выросло именно из-за присоединения к нему части элиты. Царь, как и Людовик XVI в 1789 г., казался некомпетентным, глухим к страданиям народа, неспособным защитить интересы нации. Кто-то даже считал его иностранным агентом. Эта смесь настроений и представлений, во многом несправедливых, расшатала Россию так же, как это произошло в свое время во Франции.

Список литературы:

- Боровой С.И. Кредит и банки в России. М. 1958.
- Волобуев П.В., Дробижев В.З. Из истории госкапитализма в начальный период социалистического строительства СССР // Вопросы истории. 1957. № 9. С. 113–121.
- Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М. 1960.
- Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860–1910 годы / Под ред. Сланского И.Н. СПб. 1910.
- Исторический архив. №6.1959а.
- Исторический архив. №2.1959б.
- Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. 1973. Т. 36.
- Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М. 1956. Т. 2.
- Отчет за 1913 год. Издательство Государственного банка. СПб. 1914.
- Розенталь И.С. Русский либерализм накануне Первой мировой войны и тактика большевиков // История СССР. 1971. №6. С. 52–70.
- Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М. 1973.
- Шацлло К.Ф. О диспропорции в развитии вооруженных сил России (1906–1914) // Исторические записки. 1969. Т. 83. С. 123–136.
- Anan'itch B.V. The economic policy of the tsarist government and enterprise in Russia from the end of the nineteenth century through the beginning of the twentieth century // Guroff G. Carstensen F.V. Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton. 1983.
- Atkinson D. The end of the Russian land commune: 1905–1930. Stanford. 1983.
- Besançon A. Anatomie d'un spectre – l'économie politique du socialisme réel. P. 1981.
- Bettelheim C. Les Luttes de Classes en URSS, première période 1917–1923. P. 1974.
- Black C.E. (ed.) The transformation of the Russian society since 1861. Cambridge. 1960.
- Black et alii. The Modernization of Japan and Russia, a Comparative Study. N-Y. 1975.
- Blackwell W.L. "The Old Believers and the rise of the private industrial enterprise in early nineteenth century Moscow" // Blackwell W.L. Russian economic development from Peter the Great to Stalin, Praeger. NY. 1974a.
- Blackwell W.L. Russian economic development from Peter the Great to Stalin. Praeger, NY. 1974b.
- Brugger B., Hannan K. Modernisation and revolution. L. 1983.
- Cartensen F.V. (ed.) Entrepreneurship in the Imperial Russia and the Soviet Union. Princeton. 1983.
- Chambre H. L'évolution du marxisme soviétique – théorie économique et droit. P. 1974.
- Chavance B. Le Capital Socialiste. P. 1980.
- Crisp O. Russian financial Policy and the Gold Standard at the end of the nineteenth century" // Economic History Review. vol. VI. №2. December. 1953.
- Feldman G.D. Army, Industry and Labor in Germany: 1914–1918. Princeton. 1966.
- Gerschenkron A. Economic Backwardness in historical perspective // Gerschenkron A. Historical Backwardness in Historical Perspective – A book of essays. Cambridge, Mass. 1962a.
- Gerschenkron A. Historical Backwardness in Historical Perspective – A book of essays. Cambridge, Mass. 1962b.
- Goldberg C. The association of Industry and Trade: 1906–1917. Chicago. 1974.
- Gregory P.R. Russian National Income 1885–1913. Cambridge. 1985.

- Habakkuk J., Postan M. (ed.)* The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI, part. II. Cambridge. 1966.
- Katkov G., Oberländer E., Poppe N., Rauch von G. (ed.)* Russia enters the Twentieth Century. L. 1971.
- Laqueur W.* The dream that failed. London – NY. 1994.
- Laue Von T.H.* Sergeï Witte and the Industrialization of Russia. NY. 1963.
- Laue Von T.H.* The State and the economy // Black C.E. (ed.) The transformation of the Russian society since 1861. Cambridge. 1960.
- Montlibert de C.* Le combat pour l'émancipation des serfs de Russie 1830–1861. P. 2015.
- Montlibert de C.* L'émancipation des serfs de Russie – L'année 1861 dans la Russie impériale. Bruxelles. 2014.
- Portal R.* The industrialization of Russia // Habakkuk J., Postan M. (ed.) The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VI, part. II. Cambridge. 1966.
- Rathenau W.* La Mécanisation du Monde. P. 1972.
- Riasanovsky N.* Histoire de la Russie : des origines à 1984. P. 1987.
- Roosa R.A.* Russian Industrialists and 'State Socialism' 1906–1917 // Soviet Studies. 1972. Vol. 23. №2. Pp. 395–417.
- Rowney D.K.* Transition to Technocracy: The Structural Origins of the Soviet Administrative State (Studies in Soviet History and Society). Ithaca. 1989.
- Rubel M.* Marx critique du marxisme. P. 1974.
- Sapir J.* L'économie soviétique: origine, développement, fonctionnement // Historiens et Géographes. December 1955. №351. Pp. 175–188.
- Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge-London. 1979.
- Siegelbaum L.H.* The politics of industrial mobilization in Russia: 1914–1917. L. 1983.
- Talheim K.C.* Russia's economic development // Katkov G., Oberländer E., Poppe N., Rauch von G. (ed.) Russia enters the Twentieth Century. L. 1971.
- Tsyon E.* Les finances russes et l'épargne française. P. 1885.
- West J.L.* The Moscow Progressists: Russian Industrialists in Liberal Politics: 1905–1914, Ph.D. Princeton. 1975.
- White A.* The Jewish Question: How to Solve It // The North American Review. Janvier 1904. Vol. 178. № 566. P. 10–24.
- White J.D.* Moscow, Petersburg and the Russian Industrialists // Soviet Studies. 1973. Vol. 24. № 2. Pp. 414–420.
- Zagorsky S.* State control of the industry in Russia during the War. New Haven. 1928.
- Zbynek Z., Scharlau W. B.* Merchant of Revolution: Alexander Helphand, 1867–1924. L. 1965.

Перевод с английского
Станислава Минина.

УДК 1; 8; 93; 94; 321

Давид Фельдман

Революционная терминология террора: французская традиция и русские последователи¹

Аннотация. Якобинская терминология и мифология была усвоена поколениями русских интеллектуалов еще в XIX в. и составила своего рода тезаурус отечественных либералов. Большевистская терминология и идеология террора были непосредственно связаны с понятийной системой Великой французской революции и Парижской коммуны. Это не означает, что «красный террор», большевистские репрессии – результат исключительно иностранного влияния. Понятийная система эпохи Великой французской революции была использована большевиками по причине сходства задач. Будучи хрестоматийно известной в России, она стала основой возникшей после Октября 2017 г. понятийной системы.

Ключевые слова: Великая французская революция, якобинцы, неоякобинцы, большевики, терминология, террор, красный террор, репрессии, революционный трибунал.

В доореволюционной российской культурной традиции оценки *террора* были неоднозначны. Термин *террор* ассоциировался прежде всего с историей Великой французской революции, якобинским *террором*, якобинскими *репрессалиями*. Понятийная система Великой французской революции, ключевые события, имена лидеров, названия учреждений составили своего рода тезаурус отечественных либералов еще в XIX веке [См., напр.: Одесский, Фельдман, с. 126–153]. Якобинская терминология, таким образом, была усвоена поколениями русских интеллектуалов. Без пояснений – как общеизвестные символы – в работах историков, писателей, публицистов приводились имена якобинских лидеров, например, Жоржа Дантона или Максимилиана Робеспьера. Не нужно было описывать и функции учреждений, ассоциировавшихся с якобинской диктатурой [См. напр.: Поссе, с. 321–322].

Разумеется, к началу XX века далеко не все русские интеллектуалы, даже и оппозиционеры, считавшие борьбу с самодержавием вполне оправданной, принимали якобинские методы безоговорочно. Якобинский террор по-прежнему многих отпугивал. Однако термин революция был позитивно окрашенным, почему и якобинский террор, якобинские репрессалии рассматривались в качестве эксцессов, издержек, мер вынужденных, а потому отчасти извинительных.

Сведения об авторе: ФЕЛЬДМАН Давид Маркович – профессор факультета журналистики Института Массмедиа РГГУ, доктор исторических наук; dmfeld@inbox.ru.

¹ Краткая авторизованная версия главы «Новая старая терминология» монографии: Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ. 2006. 488 с. В данном виде публикуется впервые.

Что же касается большевиков, то для них якобинская традиция была весьма авторитетной, о чем Ленин задолго до создания советского государства неоднократно говорил и писал. Настаивая на неуместности полного отождествления с якобинцами, отвергая аналогии большевистских целей с якобинскими, он изначально признавал образцовой якобинскую готовность к использованию чрезвычайных средств – террора, репрессалий [См. напр.: Ленин, т. 5, с. 7; т. 11, с. 48]. Характерно, кстати, что оппоненты-социалисты именовали большевиков «якобинцами», а большевистского лидера – Максимилианом Лениным [См. напр.: Троцкий, с. 96; Мартынов, с. 8–11].

По мере размежевания большевиков с меньшевиками и другими социалистическими организациями Ленин, сопоставляя методы французских радикалов и возможную политику своих единомышленников в случае захвата власти, все чаще пользовался якобинской терминологией. Например, о необходимости чрезвычайных мер подавления Ленин писал на исходе сентября 1917 года в программной статье «Сумеют ли большевики удержать государственную власть?». Ссылка на якобинский опыт рассматривалась им как самый убедительный аргумент: «Гильотина только запугивала, только сламычала активное сопротивление. Нам этого мало. Нам надо не только «запугать» капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и пассивное, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломать какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационных государственных рамках» [См.: Ленин, т. 34, с. 310].

Более того, после захвата власти не прошло месяца, как аналогии с Великой французской революцией акцентировались уже и на законодательном уровне. «Декретом о суде», принятым 22 ноября 1917 года Советом народных комиссаров, были упразднены так называемые «общие судебные установления» [См.: Собрание узаконений... № 4, ст. 50. (далее – СУиР)]. В результате все ранее существовавшие суды были признаны ненужными. Они заменялись «судами, образуемыми на основании демократических выборов» [Там же].

Процедура выборов, правда, не описывалась. Зато отменялись все процессуальные ограничения, связанные со следствием, обвинением, защитой, надзором и контролем. Предварительное следствие возлагалось на судей, а в роли защитника или обвинителя мог выступать практически любой. Законы тоже не стесняли суд. В декрете указывалось: «Местные суды решают дела именем Российской республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию» [Там же].

Тем же декретом учреждались и революционные трибуналы – «для борьбы против контрреволюционных сил в виде принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний» [Там же]. Об административной практике якобинцев напоминало не только название новых судов, предсказуемо ассоциировавшееся с едва ли не самым одиозным символом якобинской диктатуры – Революционным трибуналом. «Декрет о суде»

актуализовал дополнительное значение термина революция и прилагательных, от него образованных.

В рамках общеевропейской культурной традиции прилагательное «революционный» ассоциировалось не только с революцией как событием – насильственным изменением режима, который считался несправедливым. После уничтожения французской монархии радикалы-республиканцы стали называть революцией не только событие, обусловившее смену политического режима, создание республики, но и длительный непрерывный процесс реорганизации общества, процесс борьбы за утверждение нового политического режима. В связи с этим современник Великой французской революции, философ Ж.А.Н. Кондорсе отмечал случаи использования прилагательного «революционный» в новом значении – «чрезвычайный». Будучи соотнесено с названием какого-либо государственного учреждения, это прилагательное свидетельствовало: учреждение борется, точнее, продолжает борьбу за революцию, почему и наделено чрезвычайными полномочиями. Слова «революционный» и «чрезвычайный» стали окказиональными синонимами, что подтверждено многочисленными примерами [Одесский, Фельдман, с. 64–84].

Именно такое понимание прилагательного «революционный» обусловило длительную полемику о создании Революционного трибунала в 1793 году. Так, 10 марта 1793 года Дантон потребовал в Конвенте немедленно учредить Революционный трибунал. Дантону возражали тогда многочисленные оппоненты якобинцев. По их мнению, слово «революционный» в данном случае было неуместным. И если не учитывать дополнительного значения прилагательного «революционный», спор этот выглядел вполне беспредметным. Действительно, трибунал как таковой уже существовал, а понятие «революция» считалось чуть ли не сакральным. Казалось бы, ничто не мешало именовать некий трибунал революционным, не о чем было спорить.

С учетом же дополнительного значения прилагательного «революционный» картина меняется. Трибуналом традиционно называли суд, наделенный чрезвычайными полномочиями, а прилагательное «революционный» еще раз подчеркивало установку на чрезвычайность. Потому словосочетание «Революционный трибунал» понималось как суд «чрезвычайно-чрезвычайный», да еще и действующий в чрезвычайных условиях – в условиях продолжающейся революции. Продолжение же революции означало отстранение от власти тех, кто в данный момент обладал властью, а в перспективе – предание их суду, полномочия которого не ограничены. Что и настораживало возражавших Дантону. Не без оснований они считали опасным для себя такой суд, контролируемый якобинцами. Даже название «Чрезвычайный трибунал» они считали не столь опасным.

Тем не менее якобинцы своего вскоре добились, и полномочия Революционного трибунала, изначально весьма широкие, постоянно расширялись, пока и впрямь не стали чрезвычайными, т. е. никакими законами не ограниченными.

Падение «робеспьеристского» правительства 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 года) обусловило изменение политической терминологии. Все Учреждения,

названия которых считались символами якобинизма, реформировались или упразднялись, реформирован, а затем упразднен был и Революционный трибунал.

Но далеко не все терминологические новации правительство могло отменить. Якобинское понимание терминов «революция» и «революционный» было уже общепринятым, это стало элементом культурной традиции. Причем впоследствии не только французской. Ее усвоили поколения интеллектуалов. К примеру, имя главного обвинителя Революционного трибунала – «кровожадного прокурора революции» А.К. Фукье-Тенвиля – стараниями нескольких поколений историков стало одним из символов эпохи «якобинского террора» [См., напр. Документы.. с. 275–277. Ср.: Робеспьер, с. 205–215].

Характерно, что бывший управляющий делами Совета народных комиссаров В.Д. Бонч-Бруевич приводит в мемуарах ленинскую фразу, услышанную им едва ли не сразу после образования нового правительства: «Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвиля, который привел бы в порядок расхоронившуюся контрреволюцию?» [Бонч-Бруевич, с. 197].

Упоминание о Фукье-Тенвиле в комментариях тогда не нуждалось. Современники и единомышленники не могли не понять, что речь идет об организации, функционально сходной с якобинским Революционным трибуналом. И эта идея была реализована менее чем через месяц.

Созданные по ленинской инициативе революционные трибуналы в аспекте организационной структуры и численности мало чем отличались от «местных судов». И задачи их формулировались весьма невнятно. Главной задачей, как уже упоминалось выше, была «борьба против контрреволюционных сил». При этом само понятие «контрреволюционные силы» декретом не определялось. В силу чего к пресловутым «контрреволюционным силам» можно было отнести всех, не выразивших лояльности новому режиму.

Кроме «борьбы с контрреволюционными силами» на ревтрибуналы – в соответствии с «Декретом о суде» – возлагалась задача «решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц» [Собрание узаконений... №4, ст. 50]. Но понятия «мародерство и хищничество» в декрете тоже не определялись. Правда, когда речь шла о «мародерстве», современники могли ориентироваться на традицию словоупотребления. Традиционно «мародерством» (от фр. *marauder* – грабитель) принято было называть присвоение на поле боя вещей, принадлежавших убитым или раненым, а также присвоение военными имущества мирного населения. Зато границы понятия «хищничество» не фиксировались и традицией словоупотребления.

Суть законодательных инициатив современникам подсказывал контекст: «мародерством и хищничеством» законодатели именовали массовые разграбления частных торговых учреждений – магазинов, лавок, государственных складов и т. и. Подобного рода преступления на городских улицах в ноябре 1917 года не встречали организован-

ного противодействия, как и мародерство на фронтах, ведь прежней полиции уже не было, а новую систему охраны еще не создали. Ревтрибуналам надлежало стать средством устрашения.

В контексте законодательных инициатив особый интерес представляет термин «саботаж» (фр. sabotage), восходящий к названию французской крестьянской обуви на деревянной подошве – сабо (фр. sabot). От названия обуви, соответственно, образован был глагол «саботировать» (фр. saboter – стучать башмаками). Во французской, а позже и европейской традиции, прежде всего социалистической, саботаж – имитация работы, вид необъявленной стачки, забастовки. Затем, в годы мировой войны 1914–1918 гг., термин получил дополнительное значение: саботажем именовали и сознательное неисполнение приказов персоналом военных заводов, транспортных и иных предприятий. Потому саботажем называли еще и диверсии.

Термин саботаж использовался новым правительством именно в традиционном значении, т. е. саботажем называли имитацию работы, форму необъявленной забастовки. К примеру, уже 26 октября 1917 года большевистская газета «Рабочий путь» опубликовала передовую статью, где сообщалось: «Мы будем расправляться железной рукой с врагами революции и саботажниками». В данном случае названо саботажем всего невыполнение распоряжений нового правительства служащими государственных или муниципальных учреждений и предприятий – банков, железных дорог и т. п.

Истолкование оборота «прочие злоупотребления торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц» в декрете опять же описано не было. Это позволяло отправлять в ревтрибунал практически любого гражданина, подозреваемого в нелояльности. А в «Инструкции Революционному Трибуналу», принятой 19 декабря 1917 года, определялось, согласно якобинскому аналогу, что «меру наказания Революционный Трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и революционной совестью» [Собрание узаконений... №12, ст. 170]. Инструкция не предусматривала соответствия ревтрибунальских приговоров законам, что, собственно, и подразумевалось прилагательным «революционный», т. е. чрезвычайный.

Для нового правительства создание ревтрибуналов было шагом принципиальным, и это неоднократно подчеркивалось основоположниками советской теории права. Например, в 1919 году был выпущен сборник «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», куда вошла статья Д.И. Курского «Народные суды», содержащая буквально панегирик ревтрибуналам. Автор, дипломированный правовед, выпускник юридического факультета Московского университета, возглавлявший с августа 1918 года Народный комиссариат юстиции, утверждал: «Первые моменты революционного переворота в области судоустройства отмечены, прежде всего, организацией Революционных Трибуналов. Созданные как органы борьбы с контрреволюцией, т. е. как организации не суда в полном смысле, а политической борьбы, Революционные трибуналы в городах, а нередко и в волостях в первое время оказались почти что фундаментом юридической надстройки пролетарской революции...» [Курский, с. 243–244].

Курский в 1919 году не видел нужды скрывать, что ревтрибуналы – «не суды». Тем не менее в ноябре 1917 года структура российской «юридической надстройки» не вполне соответствовала французским образцам. Не хватало важнейшего элемента – аналога Комитета общественной безопасности, т. е. следственной организации, наделенной почти неограниченными полномочиями. Сходного рода организация – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем – была создана согласно декрету Совнаркома 7 декабря 1917 года.

Выступая на заседании Совнаркома, председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский, если верить мемуарам Бонч-Бруевича, так описал свои задачи: «Не думайте, что я ищу сейчас форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. Теперь – борьба – грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть – чья возьмет! Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции» [Бонч-Бруевич, с. 199].

Под предлогом «расправы над деятелями контрреволюции» Дзержинский действительно не раз требовал расширить полномочия ВЧК. И если мемуарист корректно воспроизвел сказанное Дзержинским на заседании Совнаркома, ничего нового для слушателей тут не было. Дзержинский лишь подтвердил то, что слушателям было известно заранее: ВЧК задумана для проведения репрессий.

Будучи формально организацией следственной, ВЧК поначалу не имела права самостоятельно выносить смертные приговоры – все материалы передавались в ревтрибуналы, что вполне соответствовало якобинской модели: Комитет общественной безопасности – Революционный трибунал – гильотина.

Кстати, почти десять лет спустя Сталин в беседе с иностранной делегацией 5 ноября 1927 года использовал французскую аналогию, сказав: «ЧК есть карательный орган советской власти. Этот орган более или менее аналогичен Комитету общественной безопасности, созданному во время Великой французской революции» [См.: Сталин, с. 15]. Аналогия была, что называется, ходовой.

Отделения ВЧК – местные чрезвычайные комиссии – создавались по всем губерниям и уездам при местных советах. В силу чего деятельность чрезкомов, как и ревтрибуналов, должны были бы контролировать наркомат внутренних дел и наркомат юстиции. Но руководством ВЧК такая иерархия не признавалась. ВЧК постепенно добилась чуть ли не автономии, выполняла решения только Совнаркома, не подчиняясь ни наркомату юстиции, ни наркомату внутренних дел [См. напр.: Из истории... с. 78–90].

Ничем не ограниченный произвол ревтрибуналов и чрезкомов советскими пропагандистами обосновывался – опять же по-якобински – ссылками на чрезвычайные обстоятельства. Например, 16 января 1918 года газета «Правда» уведомляла читателей: «Среди буржуазии сейчас колоссальная ненависть, бешеная злоба против Советской власти». Подразумевалось таким образом, что противники советского правительства готовы к агрессивным действиям, а то и действуют уже. Соответственно и доказыва-

лось, что чрезвычайные меры, принимаемые правительством, – лишь ответ на агрессию «классовых врагов»: «Но пусть они помнят, за каждую голову наших они ответят сотней голов своих». Речь шла о *терроре* именно в якобинском понимании.

Впрочем, создавая аппарат подавления в якобинских традициях, советское правительство на рубеже 1917–1918 годов еще не настаивало на необходимости немедленного использования всех якобинских методов. Не настаивало на немедленном применении широкомасштабных репрессий. По крайней мере единого мнения тут еще не было.

Более того, 31 января 1918 года в газете «Известия ВЦИК» опубликована «Телеграмма Народного комиссара юстиции всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», где указывалось: «Ввиду упрочения Советской власти полагаем, наступил момент прекращения систематических репрессий против лиц, учреждений и печати».

Термин репрессии был использован в цитируемом документе вполне корректно – подразумевались внесудебные меры подавления, устрашения – массовые аресты и длительное содержание под стражей без суда. Другое дело, что термин, ранее считавшийся в России маркированным, негативно окрашенным, обозначающим меры незаконные, был употреблен наркомом для описания политики своего правительства – в официальном, подготовленном к публикации документе.

Употребление термина репрессии в официальном, предназначенном для публикации документе, пока не означало, что термин получил статус официального. Репрессии ассоциировались с якобинским террором, а вопрос об уместности официального определения государственной политики как террора, точнее, вопрос об открытом признании государственной политики террором, еще не был решен окончательно. Да и правовой базы пока не было [Ленин, т. 35, с. 311].

Ситуация изменилась 21 февраля 1918 года, когда, в связи с наступлением германских войск на Петроград, Ленин подписал вводивший чрезвычайное положение декрет («Обращение СНК») – «Социалистическое отечество в опасности!». В заглавии документа легко угадывался французский аналог – «Отечество в опасности!». Права ВЧК, согласно декрету, еще более расширились. Декрет гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» [Там же, с. 358].

Два дня спустя в «Известиях ВЦП К» было опубликовано «Объявление ВЧК о расстреле на месте врагов советской власти». К списку тех, кого, согласно ленинскому декрету, чрезкомам надлежало расстреливать на месте, были добавлены «саботажники и прочие паразиты» [Из истории... с. 95–96]. Критерий определения «прочих паразитов» не был описан в документе, что и предоставляло чрезкомам право применять расстрел без ограничений. Подразумевались именно репрессии.

Вскоре и сам термин репрессии – в традиционном его значении – стал вполне обиходным. К примеру, новый нарком юстиции Курский использовал термин репрессии

в официальном отчете. Отчет был опубликован в первом номере специализированного московского журнала «Пролетарская революция и право», выпущенном 1 августа 1918 года. Характеризуя деятельность ревтрибуналов, Курский настаивал на «необходимости усиления революционной репрессии в тот момент, когда контрреволюция подняла голову» [Курский, с. 38].

Прилагательное «революционная» указывало не только на чрезвычайность. Используя эпатирующий термин репрессия в сочетании с прилагательным «революционная», Курский подчеркивал: репрессии были беззаконием раньше, когда прежнее российское правительство подавляло революционное движение. А советское правительство подавляет агрессию врагов революции, потому репрессии – уже не беззаконие.

Речь шла о терроре в качестве государственной политики. И якобинская террористическая структура уже была создана. Полномочия ревтрибуналов и чрезвычайов не ограничивались. Сам термин террор, как и термин репрессии, постоянно использовался лидерами советского государства, хотя тоже еще не имел статуса официального. Например, 9 августа 1918 Ленин в телеграмме администрации Пензенской губернии требовал «провести беспощадный массовый террор» [Ленин, т. 50, с. 143].

Оставалось только решить вопрос о статусе термина. Признать открыто, что советская административная практика адекватно описывается термином террор – именно в якобинском его понимании. Формальными предложениями придания термину террор статуса официального стали убийство М.С. Урицкого, председателя Петроградской ЧК, 30 августа 1918 года и совершенное в тот же день покушение на Ленина. Принятое 5 сентября 1918 года «Постановление о красном терроре» гласило: «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью» [Еженедельник... с. 11].

В качестве конкретных мер Совнарком указывал, «что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовывать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [Документы... с. 265; см. также: Одесским, Фельдман, с. 68–74].

Критерий определения «классовых врагов» не был описан в цитированном документе. А это означало, что практически любого гражданина, коль скоро он не был рабочим или крестьянином, разрешалось без суда отправлять в концентрационный лагерь – на неопределенный срок. Не объяснялось в цитируемом документе и что такое «лица, прикосновенные к белогвардейским заговорам и мятежам». Практически любые организации, не признававшие законным советское правительство, именовались тогда «белогвардейскими». Значит, расстрелу подлежали не только те, чье непосред-

ственное участие в заговорах и восстаниях было доказано хоть как-нибудь, но и подозреваемые, уличить которых вообще не удалось.

Здесь, конечно, подразумевались якобинские аналоги. В частности, принятый Конвентом 17 сентября 1793 декрет «О подозрительных», согласно которому подавлению подлежали все, кто в силу происхождения или иных факторов имели даже не умысел, а хотя бы основания для действий, угрожавших Республике» [См.: Документы... с. 265; Одесский, Фельдман, с. 68–74].

Как и декретом Конвента, «Постановлением о красном терроре» предусматривались меры подавления, а не возмездия, меры устрашения, а не наказания. Предусматривались репрессии. Благодаря этому документу термин террор получил наконец статус официального. Вот почему совнаркомовское постановление – как документ программный – было опубликовано в первом же номере только что созданного чекистского журнала – «Еженедельника чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией». И все же меры, предписанные «Постановлением о красном терроре», в этом документе еще не именовались репрессиями, хотя по сути своей таковыми были.

Якобинцы и неоякобинцы

Официальный статус термин репрессии получил несколько позже. Когда советские лидеры воспользовались не только якобинскими образцами, но и примером тех, кого историки и публицисты издавна называли своего рода неоякобинцами. Тех, кто провозгласил себя наследниками якобинских традиций. Советские лидеры воспользовались примером лидеров Парижской коммуны 1871 года [Протоколы заседаний... т. 2, с. 20–24; Одесский, Фельдман, с. 153–156].

Именно коммунары значительно обогатили якобинский инструментарий, приняв 5 апреля 1871 года знаменитый закон о заложниках [Протоколы заседаний... т. 1, с. 103]. Лидеры города-государства, находившегося в осаде, утверждали, что новый закон должен предотвратить расстрелы пленных коммунаров. Заложников надлежало расстреливать при получении Парижской коммуной известий о гибели коммунаров. Причем расстреливать в количестве большем, нежели количество убитых коммунаров.

Вполне вероятно, что восходил этот закон к идеям теоретика якобинского террора – Ж.П. Марата, призывавшего арестовывать родственников всех известных и потенциальных противников, дабы угрозой казни родственников предотвратить возможное сопротивление. Спустя семьдесят лет маратовские идеи отчасти реализовались на законодательном и терминологическом уровнях – появился официальный термин «заложник парижского трудового народа». Согласно закону, «заложниками парижского трудового народа, при оказии подлежащими расстрелу, признавались «лица, уличенные в сообщничестве с версальским правительством». В итоге получалось, что новый закон – свидетельство гуманности Парижской коммуны. Она сохранила жизнь преступникам, а если заложники-контрреволюционеры погибали, то исключительно по вине осадивших Париж контрреволюционеров.

Правда, суть нового закона сразу проявилась при уточнении критериев: «заложников парижского трудового народа предписано было искать, прежде всего, среди тех, кем, по мнению лидеров Парижской коммуны, контрреволюционеры особенно дорожили: среди священников, полицейских и т. д. Вопрос о «сообщничестве с версальским правительством» тут уже не имел смысла [Там же, с. 293].

Лидеры Парижской коммуны использовали устрашение двунаправленно. Они не только запугивали осаждавших Париж, делая их соучастниками убийств. Главным объектом устрашения были парижане: любой мог стать жертвой обвинения в пресловутом «сообщничестве». Тем самым исключалась сама возможность неповиновения.

Разумеется, практика захвата заложников сама по себе новой не была. Новым было то, что заложников брали не из пленных солдат и офицеров неприятельской армии, даже не из неприятельских подданных, а из соотечественников, причем на своей же территории. Заложничество официально переносилось из области внешней политики, военно-административной политики (обычно колониальной) в область политики внутренней. Благодаря такому новаторству Парижская коммуна стала тогда символом террора.

Историки и литераторы, сочувствовавшие революционному движению, обычно избегали упоминаний о бесспорном новаторстве неоякобинцев. Но именно принцип заложничества, четко сформулированный лидерами Парижской коммуны, был сутью террора как метода управления обществом посредством превентивного устрашения. В дальнейшем споры об «уроках коммуны» европейских и отечественных теоретиков революции были спорами об эффективности террора. Точнее, об эффективности использования якобинского и неоякобинского опыта в конкретных ситуациях.

Принятое в сентябре 1918 года «Постановление о красном терроре» стало, можно сказать, манифестом, терминологически определившим деятельность советского правительства. Манифестом, вновь подчеркнувшим связь с якобинской традицией. Ну а связь с традициями Парижской коммуны, традициями неоякобинства, подчеркивалась специальным приказом наркома внутренних дел Г.И. Петровского, обязавшего сотрудников НКВД брать заложников на основании совнаркомовского «Постановления о красном терроре». [См.: О красном... с. 1].

Приказ Петровского опубликован и в первом номере чекистского еженедельника. Правда, в этом журнале документ озаглавлен иначе – «Приказ о заложниках» [Еженедельник... с. 11]. Нарком внутренних дел начал, как и обычно, с обоснования необходимости террора. Такая необходимость традиционно обосновывалась ссылками на аналогичные действия противников. Вот и в данном случае нарком заявил, что противники организовали не только покушения на советских лидеров в РСФСР, но и убийства за пределами советской территории – «массовые, десятками тысяч расстрелы наших товарищей».

Источники сведений о «массовых, десятками тысяч расстрелах» не приводились в цитируемом документе. Он и не предназначался для критического осмысления. До-

стоверность подтверждалась исключительно авторитетом наркома внутренних дел. А квазистатистические данные были нужны для создания фона истерии, без которой немыслима эффективная террористическая пропаганда.

Задав нужный эмоциональный тон, нарком перешел к основной теме. Так, самым важным фактором, обусловившим дерзость и масштабность действий врагов РСФСР, была, по мнению Петровского, нерешительность сотрудников НКВД и ВЧК, которые ограничивались лишь «постоянными словами о массовом терроре». Нарком же настаивал, что «этого террора на деле нет». Свидетельством нерешительности сотрудников НКВД и ВЧК было, как утверждал Петровский, «чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии». Упрекнув коллег, нарком заявил: «Расхлябанности и миндальничанью должен быть немедленно положен конец». После чего описал меры, соответствовавшие его представлению о «массовом терроре»: «Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках к сопротивлению или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочный массовый расстрел».

Критерий, позволявший определить принадлежность к «буржуазии», не был описан Петровским. Истолкования были здесь возможны те же, что и при определении «классовых врагов», о которых шла речь в совнаркомовском документе. Нарком требовал арестовать мирных жителей, на военной службе не состоявших, и бывших офицеров уже не существовавшей русской армии.

Суть предложенных наркомом мер – не реакция на правонарушения, не воздаяние правонарушителям. Имелось в виду устрашение, подавление, предотвращение любых попыток неповиновения представителям власти. Речь шла о репрессиях. И термин репрессии был наконец употреблен наряду с термином террор. Получив таким образом статус официального.

«Приказом о заложниках» нарком узаконил применение репрессий без каких-либо ограничений. Расстрелов без предварительного разбирательства, без всяких оговорок, без ссылок на возможную причастность к заговорам. Количество расстреливаемых должно было, по мнению Петровского, определяться каждый раз не результатами ревтрибунальского или чекистского разбирательства, а исключительно прагматикой устрашения. Такие меры нарком и называл «массовыми расстрелами». В этом и была суть его призыва: «Ни малейших колебаний, ни малейшей нерешительности в применении массового террора».

Речь шла об изменениях не только количественных, но и качественных. Упомянутые наркомом «серьезные репрессии», меры подавления, использовавшиеся ранее, подразумевали хотя бы гипотетическую связь с действиями или намерениями подавляемых. «Массовый расстрел», он же «безоговорочный массовый расстрел», не соотносился с действиями или намерениями расстреливаемых. Подавляли главным образом других. Это и провозглашалось с предельной откровенностью. Имелось в виду устраше-

ние, что называется, в чистом виде. Это и были репрессии. В традиционном понимании термина.

Традиция и прагматика

Петровский констатировал, что до его приказа применялись и меры, названные им «серьезными репрессиями», и то, что он называл «безоговорочным массовым расстрелом», хотя и в «ничтожном», по его выражению, количестве».

Такие меры применялись до принятия «Постановления о красном терроре», равным образом и до «Приказа о заложниках». И о применении этих мер представители «власти на местах» официально извещали руководство ВЧК и НКВД.

К примеру, в первом же номере чекистского еженедельника опубликован доклад Нижегородской ЧК: «Вчера, 31 августа, по получении известий об убийстве тов. Урицкого и ранении тов. Ленина, Комиссия решила ответить на эту буржуазную провокацию террором и расстрелом 41 чел<овека> из лагеря буржуазии и повальными обысками и арестами буржуев» [См.: Доклад о деятельности... с. 22].

Термина заложники в докладе нижегородских чекистов нет. Но расстреляли они именно заложников. Вопрос о причастности расстреливаемых к «убийству тов. Урицкого и ранению тов. Ленина» даже не ставился. Нижегородская ЧК по собственной инициативе провела акцию устрашения, не согласовав ее заранее с руководством. Аналогичным образом действовали и другие чрезвычайы. Логика террора обусловила действия «власти на местах». А «Приказ о заложниках» санкционировал «инициативу на местах».

Цитировавшиеся документы вполне отражают специфику пропагандистского оформления репрессий. Подход акцентированно якобинский. Такое же осмысление терминов террор и репрессии характерно для большинства публикаций в чекистском еженедельнике. Например, в том же номере журнала, где напечатан «Приказ о заложниках», помещена и редакционная статья «К вопросу о смертной казни», где указывалось: «Пора, пока не поздно, не на словах, а на деле провести самый беспощадный, стройно организованный массовый террор. Принеся смерть тысячам праздных белоручек, непримиримых врагов социалистической России, мы спасем миллионы трудящихся, мы спасем социалистическую революцию» [Там же, с. 6].

Якобинская традиция тут сама собой подразумевалась. Непосредственно на эту традицию сослался чекистский публицист Г.Л. Шкловский. Его статья «Историческая параллель» была опубликована во втором номере еженедельника. Массовые расстрелы заведомо невиновных заложников в советской России он сопоставил с пресловутыми репрессалиями эпохи Великой французской революции. Конкретно – с массовыми убийствами арестованных во французских тюрьмах, «знаменитыми сентябрьскими убийствами» 1792 года: «Избиения продолжались несколько дней, и легко понять, что при подобной народной расправе нечего и говорить о жестокости и дикости. Особенно

это относится к Бисетру, где в толпу арестованных стреляли картечью. Число роялистов, павших во время этой народной расправы, определяют около тысячи. Такие массовые расправы произошли и в других местах» [Шкловский, с. 7].

Объяснения массовых убийств давались со ссылкой на мнения неких непоименованных очевидцев. По словам Шкловского, предложения провести «более тщательную проверку виновных» отвергались громившей тюрьмы «толпой», т. е. «народом». Отвергались на том основании, что враги Французской республики, если они победят, не пощадят никого, значит, нужно прямо в тюрьмах истребить всех вражеских пособников, включая потенциальных. Далее автор статьи переходил к выводам: «Таков был террор Великой французской революции в сентябре 1792 года. Никто не может радоваться пролитию крови, но при практическом разборе исторических событий для каждого станет ясно, что французский народ вынужден был прибегнуть к тому ужасному средству. Применяемый пролетариатом теперь, но истечению ста двадцати шести лет, красный террор к врагам Русской революции так же, как и во Франции, говорит, что не пролетариат виновник этому – таковы объективные условия русской революции» [Там же]. Якобинские и неоякобинские методы, якобинская законность объявлялись соответствующими «объективным условиям русской революции», а значит, единственно возможными.

Следует специально оговорить: связи с историей, точнее, «мифологией» Великой французской революции, равным образом Парижской коммуны 1871 года, приводятся вовсе не для обоснования того, что «красный террор», репрессии – результат исключительно иностранного влияния, французской традиции. Вопрос о подобного рода детерминированности весьма сложен. И вряд ли нужно доказывать, что сходные задачи, в том числе административные, обычно решаются сходными методами – даже при отсутствии знаний об историческом опыте. Понятийная система эпохи Великой французской революции была удобна изначально – по причине сходства задач. И она была хрестоматийно известна в России. Вероятно, поэтому она и стала основой возникшей после Октября 2017 г. понятийной системы, которая затем развивалась по мере надобности.

Список литературы:

- Бонч-Бруевич В.Д.* На боевых постах февральской и октябрьской революции. М. 1930. С. 197.
Д.С.П.: Материалы к Русскому словарю общественно-политического языка. М., 2003.
Доклад о деятельности Нижегородской губернской чрезвычайной комиссии. 1918 г. 31 августа // Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1.
Документы истории Великой французской революции. М. 1990. Т. 1.
Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1.
Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии 1917–1921. М. 1958.
Курский Д. Отчет отдела судоустройства Народного комиссариата юстиции. Апрель – май – июнь 1918 г. // Пролетарская революция и право. 1918. № 1.

Ленин В.И. Собрание сочинений. М., 1960. Т. 5; 1962: Т. 11; Т. 34; Т. 35; Т. 50.

Мартынов А. Две диктатуры. Женева. 1905.

О красном терроре // Вестник Народного комиссариата внутренних дел. 1918. № 21–22.

О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового // Пролетарская революция и право. 1918. № 5.

Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. М. 1997.

Поссе В. А. Мой жизненный путь. М.; Л. 1929.

Протоколы заседаний Парижской коммуны 1871 года. М., 1959. Т. 1,2.

Робеспьер М. Революционная законность и право: Статьи и речи. М. 1959.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 4. Ст. 50.

Сталин И. Беседа с иностранными рабочими делегациям 5 ноября 1927 г. М.; Л. 1927.

Троцкий Л. Наши политические задачи. Женева. 1907.

Шкловский Г. Историческая параллель (к вопросу о красном терроре) // Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 2.

УДК 32; 93; 94

ИРИНА ВАСИЛЕНКО

Революция 1917 года как отражение кризиса русской культуры

Аннотация. В статье дается социокультурный анализ причин и следствий русской революции 1917 года в контексте общего кризиса русской культуры начала прошлого века. Автор подчеркивает, что, помимо социально-экономических факторов, огромную роль в развитии русской революции 1917 года сыграл духовно-нравственный надлом общества, который стал мощным катализатором революционных процессов в России. Обосновывается вывод о том, что главным уроком революции является осознание опасности, таящейся в духовных расколах общества и потере культурной памяти народа.

Ключевые слова: русская революция 1917 г., причины революции, кризис русской культуры, историческая память, духовно-нравственный раскол общества.

Сто лет, минувших после русской революции 1917 г., не только не сгладили остроты связанных с ней политических дискуссий, но, напротив, сделали их особенно актуальными. Спустя столетие мы снова пытаемся ответить на «вечные вопросы» русской интеллигенции: какова же подлинная роль революции в нашей политической и культурной истории? Каковы ее основные исторические и социокультурные уроки?

было бы наивно утверждать, что именно с революции 1917 г. начались все беды России в XX столетии. Историки написали тома об объективных причинах русской революции, разложили по полочкам накопившиеся социально-экономические противоречия в русской жизни начала XX в., привели многочисленные факты, свидетельствующие о росте социального напряжения, расслоении общества и социальном неравенстве, об экономических и внешнеполитических предпосылках и пр. Но все перечисленные условия свидетельствуют только о «поверхностных», «внешних» в определенном смысле причинах революции.

Если мы внимательно рассмотрим жизнь европейских стран начала XX в., то увидим там почти аналогичную картину: те же социально-экономические противоречия, тот же рост социального напряжения, то же расслоение общества и вопиющее социальное неравенство... При этом Россия накануне Первой мировой войны была четвертой экономикой мира. На Парижской Всемирной выставке 1900 г. знаменитый Павильон русских окраин – городок в стиле Московского и Казанского кремлей, демонстрировавший наши достижения в разных областях промышленности и сельского хозяйст-

Сведения об авторе: ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна – профессор кафедры российской политики Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук; vasilenko.irina@mail.ru.

ва, – был самым большим и привлек всеобщее внимание. Жан Кокто писал: «Париж пьян Россией» [Кокто, с. 108].

В целом в начале прошлого столетия, согласно свидетельствам современников и мировой статистике, Россия, при всех ее социальных противоречиях, была на экономическом подъеме. Почему же именно в России и именно тогда произошла революция?

Многие современники тех революционных событий справедливо полагали, что духовные и культурные причины, которые привели в 1917 г. к революции, были уникальными и чисто русскими. Именно они, в конечном счете, вызвали русский бунт – «бессмысленный и беспощадный». Как справедливо заметил Н.Бердяев, «смысл революции есть внутренний апокалипсис истории и культуры...И на русской революции, быть может, больше, чем на всякой другой, лежит отсвет Апокалипсиса» [Бердяев, 108–109].

Действительно, русская революция 1917 г. имела онтологический смысл, и этот смысл был проникнут глубоким пессимизмом. Он был направлен против тех, кто думает, что общество может бесконечно существовать мирно и спокойно, даже если в нем накопилось много зла. Бердяев сформулировал главное онтологическое и культурное противоречие революции: в ней происходит суд над злыми силами, но судящие силы сами творят зло; в революции и добро осуществляется силами зла, так как добрые силы были бессильны реализовать свое добро в истории [Там же, с. 108].

Революция как коренной слом традиционного уклада жизни и культурной традиции стала возможна в России только потому, что из повседневной жизни людей ушли традиционные устои, их расшатал нигилизм, который захватил вначале интеллигенцию, а потом и народ. Успехи науки и промышленности, хозяйственный подъем – все эти внешние достижения скрывали глубокий духовный и нравственный кризис русского общества, распад традиций.

О симптомах этого кризиса в начале XX в. писали крупнейшие русские философы и писатели: С. Франк и Н. Бердяев, И. Ильин и С. Булгаков, П. Новгородцев (а еще ранее – И. Тургенев и Ф. Достоевский). Современники русской революции, они хорошо видели, как накануне революции в среде русской интеллигенции произошел глубокий нравственный надлом: она колебалась между невольной и нарочитой слепотой. Одни упивались просветительским скептицизмом, другие – богоненавистничеством, третьи – анархизмом; четвертые принимали эту духовную пустоту за руководящую «идею» и планировали революцию.

Во многом нигилизм русской интеллигенции был уходом из мира, лежащего во зле, сопровождался разрывом с семьей и традиционными ценностями. Он был направлен против самих основ русской жизни: отрицалось государство, право, традиционная мораль, ибо в них виделось оправдание порабощения человека и народа. Стремясь к освобождению личности, нигилисты объявили восстание против всех верований, всех норм, низвергали религию, философию, искусство, мораль, отрицали дух и духовную

жизнь. Как отмечали современники, русские люди, получившие нигилистическую форму, легко шли на жертвы, на каторгу и на виселицу.

Известно, что Чернышевский, который был настоящим подвижником в жизни, говорил, что он проповедует свободу, но для себя никакими свободами никогда не воспользуется, чтобы не подумали, что он отстаивает свободы из эгоистических целей. Не случайно утопический роман Чернышевского «Что делать?» становится катехизисом русского нигилизма, настольной книгой русской революционной интеллигенции. Все это позволило Н. Бердяеву увидеть в русском нигилизме религиозный феномен в превращенной форме [См. там же, с. 39–40].

Нельзя не сказать также о разъедающем вирусе анархизма в культуре интеллигенции начала прошлого века. Этот вирус имеет глубокие исторические корни: это та самая «русская вольница» – склонность русского народа к бунту и анархии, символами которой были Емельян Пугачев и Степан Разин. Эта вольница начинает культивироваться в слоях революционной интеллигенции анархического толка. Хорошо известно, что русская интеллигенция никогда не любила государство и не считала его своим. Но народники уже совсем отказывались понимать значение государства в жизни общества, и идеальное будущее всегда представлялось им безгосударственным. Анархические настроения, культ ниспровержения власти и бунтарства становятся одной из центральных тем русского предреволюционного дискурса и благодаря известному «хождению в народ» проникают в гущу народных масс, многократно усиливая архетипические томления по «русской вольнице».

Нигилизм, анархизм и богоборчество русской интеллигенции во многом изменили тип русской культуры. О том, что культура так называемых шестидесятников – Добролюбова, Чернышевского, их предшественника Белинского и др. – была значительно ниже по сравнению с дворянской культурой Чаадаева, Хомякова, Герцена и т.д.), писали многие русские философы и писатели той эпохи. С яркой художественной выразительностью это показал И. Тургенев в «Отцах и детях».

Изменение типа культуры образованного сословия прежде всего, отразилось в изменении направленности сознания: если «идеалисты» 40-х годов интересовались, главным образом, гуманитарными науками, философией, искусством, литературой, то нигилисты 60-х годов интересовались уже только естественными науками и политической экономией. Потом это стало культурным приоритетом коммунистического поколения, необычайно сузив гуманитарный и гуманистический кругозор русской интеллигенции.

Именно интеллигенция сыграла трагическую роль той разрушительной культурной силы, которая, как писал П. Новгородцев, «в борьбе с догматизмом старых основ отвергла и вовсе конкретные и реальные основы истории, заменив их отвлеченной пустотой начал безгосударственности, безрелигиозности и интернационализма» [Новгородцев, с. 280]. Эти нигилистические, анархические и богоборческие настроения постепенно проникали в народное сознание, становясь общественными настроениями, а потом, в условиях революции, – реальной движущей силой истории. Как отмечал И. Ильин,

русская революция начинается с неверия и заканчивается преступностью и хаосом [Ильин, с. 405].

Ф. Достоевский в своих «Дневниках писателя» очень ярко описывал духовный кризис современного ему общества: «Что-то носится в воздухе полное материализма и скептицизма; началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно, убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана» [Достоевский, с. 132]. Наверное, наиболее образно и глубоко он раскрыл этот духовный надрыв русской интеллигенции в своих пророческих романах «Бесы» и «Братья Карамазовы».

На примере персонажей романа «Бесы» мы видим, как принцип вседозволенности (Если Бога нет, значит, все позволено!), который исповедовало революционное подполье в России, ведет к полной аморальности и беспринципности в политике. Революционер Петр Верховенский становится в романе выразителем хаоса и разрушения: «...Мы сначала пустим смуту... Мы проникнем в самый народ... Мы пустим пьянство, сплетни, доносы; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве... Мы провозгласим разрушение... Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал. Затуманится Русь...».

В романе «Братья Карамазовы» зловещая фигура Великого Инквизитора, наряду с другими аспектами этого образа, олицетворяет призрак грядущей русской революции как революции в умах и сердцах людей. Страшный и умный дух – «дух самоуничтожения и небытия» – подсказывает Великому Инквизитору, что есть единственные три силы на Земле, способные навеки победить и пленить человечество: чудо, тайна и авторитет. Ибо все, что ищет человек, – это перед кем поклониться, кому вручить совесть и как устроиться всемирно.

Так Достоевский раскрывает идею символического капитала мировой власти Великого Инквизитора: знамя хлеба земного, символ Рима и меч Кесаря. Но главная тайна этой власти – тайна обретения хлеба земного из камней, тайна овладения Римом и мечом Кесаря: служение силам зла под видом добра.

Достоевский, по-видимому, предвидел, что проект Великого Инквизитора в мировой политике могут реализовать социалисты. Они перевели аллегории символического капитала мировой власти Великого Инквизитора – *чудо, тайну и авторитет* – в категории вполне земной политической идеологии. Революционеры хорошо понимали, что идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами (К. Маркс); в этом заключается вечный «идеализм» политики, невозможной без символического капитала культуры.

На знамени Коммунистического Интернационала были начертаны слова: «социальная справедливость», «всемирная революция» и «коммунистический идеал». Знамя хлеба земного превратилось в идеал уравнительного распределения – социальную справедливость; авторитет был подкреплён «научно доказанной» теорией коммуни-

стического общества, а «тайна» превратилась в лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – лозунг «всемирной революции рабочего класса», призванной освободить всех трудящихся.

Только в действительности речь шла о завоевании всемирной власти, а идеалы гуманизма прикрывали истинную цель, и во имя этих гуманных идеалов было разрешено использовать любые средства. «Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата», – настаивал В. Ленин [Ленин, с. 309]. И эта нравственная деградация, дегуманизация самих основ русской культуры стала основой деморализации реальной политики, которая перестала стесняться в средствах завоевания и удержания власти.

Действительно, в процессе русской революции совершается огромный социальный и культурный переворот: она низвергает господствующие классы и поднимает народные слои, ранее угнетенные и униженные. И здесь, с одной стороны, в русском народе обнаружилась огромная витальная сила, но с другой – естественно произошло понижение уровня культуры, ибо высокая культура всегда создается путем длительного отбора. Как горько подчеркнул Н. Бердяев, «большевики пришли к господству в революции уродливо, с уродливым выражением лица, с уродливыми жестами. Это определилось не только тем, что они не принадлежали к тому слою, в котором выработалась культурная форма и манеры, более соответствующие понятию о прекрасном, но и тем, что у них было много ненависти, мстительности, *ressentiment*, которые всегда уродливы, у них не было еще никакого стиля, не произошло еще оформления. В революциях всегда есть уродливая сторона» [Бердяев, с. 112].

Нельзя не сказать и о том, что культурный стиль русского коммунизма и русской революции во многом определился также в условиях жестокости и ненависти Первой мировой войны. Эта война, в силу использования новых средств вооружения, впервые в человеческой истории породила неслыханные массовые жертвы и страдание, море крови и слез. Человеческая жизнь резко обесценилась, и эта незащищенность личности перед лицом грубой силы была свидетельством и фактором дегуманизации культуры.

Русские по характеру своему склонны к максимализму, и максималистский характер русской революции – ее яркая черта. Именно атмосфера войны создала в русской революции особый тип победоносного большевизма и завершила перерождение типа и культуры русской интеллигенции. Методы и стиль войны во многом были перенесены внутрь страны. Как отмечали современники, появился новый культурный тип милитаризованного молодого человека, который имел образ завоевателя, не стеснялся в средствах и всегда был готов к насилию, был одержим волей к власти и могуществу [Бердяев, с. 113]. Именно этот большевик-завоеватель и совершил революцию: ведь революции не совершаются мечтательными интеллигентами.

Во время Первой мировой войны Россия столкнулась со всеми ужасами, сопутствующими поражению разлагающейся многомиллионной армии. В условиях всеобщего

хаоса и анархии пришедшее к власти после февральского переворота либерально-демократическое правительство начинает провозглашать отвлеченные гуманные демократические принципы, которые не понимали и не могли понять революционные массы народа. Либерал Керенский с его идеей Учредительного Собрания, пусть и весьма прогрессивной для того времени, совсем не подходил для революционной эпохи. К тому же временное правительство стремилось «из благородного чувства» продолжать войну до победного конца, в то время как солдаты готовы были бежать с фронта.

Таким образом, основная причина падения Временного правительства и государственного разгрома была в том, что интеллигенция совершенно не понимала ни природы русского человека, ни движущих им мотивов. Перед революцией интеллигенция пользовалась народом как орудием борьбы с самодержавием. Но когда в условиях войны русская монархия рухнула, интеллигенция вынуждена была немедленно из оппозиции перестроиться в органы власти. И здесь ее постигло настоящее банкротство.

Современник русской революции А.С. Изгоев писал: «Все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа. В роли критиков выступили не те или иные литераторы, а сама жизнь. Нет высшего авторитета. На критику жизни нет апелляции. Большевики и их господство и воплотили в себе всю эту критику жизни. Напрасно интеллигенция пытается спасти себя отводом, будто она не отвечает за большевиков. Нет, она отвечает за все их действия и мысли. Большевики лишь последовательно осуществили все то, что говорили и к чему толкали другие. Они лишь поставили точки над *i*, раскрыли скобки, вывели все следствия из посылок, более или менее красноречиво установленных другими» [Изгоев, с. 41].

Оказалось, что только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. И проект этой диктатуры был подготовлен и предложен большевиками во главе с В. Лениным. В условиях деморализации армии, всеобщего хаоса и анархии только большевики оказались способными справиться с ситуацией, взять ее под контроль и повести за собой народ. Ленин воспользовался бессилием либерально-демократической власти, непониманием и неприятием ее культурной и политической символики со стороны взбунтовавшегося народа. Как стратег и тактик революции он оказался на высоте: увидев откровенное нежелание солдат продолжать войну – он предложил им мир; осознав всю вековую глубину стремления крестьян к земле – он передал им землю. За ним пошли массы, и он, вместо культуры никому не понятной в России демократии, воспользовавшись русскими традициями векового монархического правления, предложил народу большевистскую диктатуру, гораздо более похожую на монархию.

В условиях культурного слома общества, всеобщего попираания старых традиций большевики начали культивировать стиль диктатуры и насилия. Они воспользовались вечным стремлением русской души к исканию правды, справедливости и царства Божьего на земле, предложив идею коммунизма как новое царство всеобщего равенства и справедливости. В условиях жестокости и страданий первой мировой войны

жестокости новой диктатуры не показались народу чрезмерными: народ никогда не знал свободы и не стремился за нее бороться. Архетип перехода в русской культуре от одной целостной веры к другой целостной вере, к другой ортодоксии, охватывающей всю жизнь, оказался чрезвычайно сильным.

Как отмечал Н. Бердяев, Россия перешла от старого средневековья – минуя пути новой истории с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства – к новому средневековью: «Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия. Произошло удивительное превращение. Марксизм, столь не русского происхождения и не русского характера, приобретает русский стиль, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству» [Бердяев, с. 116].

Так русская культура воспринимает и преобразует марксизм в духе своих традиций. Но это было неслыханное падение великой русской культурной традиции, отброшенной назад, в новое средневековье, с культом беспрецедентной жестокости и насилия. Современник русской революции философ С. Франк горько заметил: «Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной воли столь безнадежной, как в наши дни; и на ум приходят в качестве единственно подходящих примеров грозные, полные библейского ужаса мировые события внезапного разрушения великих древних царств. И ужас этого зрелища усугубляется еще тем, что это есть не убийство, а самоубийство великого народа, что тлетворный дух разложения, которым зачумлена целая страна, был добровольно, в диком, слепом восторге самоуничтожения, привит и всосан народным организмом» [Франк, с. 121].

Но, с другой стороны, этот кризис культуры, обнаруживший все язвы и надрывы русского общества, парадоксальным образом в исторической перспективе послужит и добру. Тяжело «переболев» революцией, общество и культура способны освободиться от своих надрывов и язв. В этом проявляется двойственный характер русской революции: с одной стороны, она наиболее полно обнажает зло, с другой стороны, косвенно указывает обществу путь освобождения от него. Другими словами, в революциях, как в грозе, культура способна очищаться и просветляться. Как пророчески писал С. Аскольдов, взрывы злых сил в процессе революции являются провозвестниками новых духовных подъемов и, быть может, даже преображений [Аскольдов, с. 12].

Однако потребовалось целое столетие, чтобы наше общество и наша культура сумели восстановить и возвысить традиции гуманизма, которые на протяжении многих веков культивировались в русской философии, литературе и искусстве. Потребовалось целое столетие, чтобы традиционные гуманные ценности русской культуры вновь оказались востребованными народом и властью в России. Мы, наконец, начали восстанавливать нашу историческую память, вспоминать подвиги наших героических предков, ценить соборность, единство и согласие в обществе.

От лица духовной власти в современной России Патриарх Кирилл справедливо назвал русскую революцию «трагедией русского народа», вспоминая о нападениях и репрессиях, которым подверглись верующие, о гонениях на Русскую Церковь, о разрушении храмов, о глумлении над святынями, об убийстве множества людей и заключении их на длительные сроки в тюрьмы и концентрационные лагеря [Доклад... с. 3].

Однако главная трагедия России в революции 1917 г. заключалась в том, что, одурманенный сомнительными популистскими идеями, русский народ позволил оболгать национальную историческую память, надругался над своей традицией, веками создававшейся усилиями предков, позволил разделить себя на враждующие лагеря и поставить политические и социальные различия выше национального единства и культурной общности.

Необычайно актуально сегодня звучат слова П. Новгородцева: «Каждый народ, образовавший из себя духовное целое, имеющий свою историю, свою культуру, свое призвание, носит в себе живую силу, которая сплавливает воедино его отдельных членов, которая из этих атомов, из этой пыли людской делает живой организм и вдыхает в него единую душу. Это – та великая сила духовного сцепления, которая образуется около святынь народных; это – сила того Божьего дела, которое осуществляет в своей истории народ... Лишь целительная сила, исходящая из святынь народной жизни и народной культуры, может снова сплотить воедино рассыпавшиеся части русской земли. Вот то общее дело, в котором интеллигенции и народу надлежит быть вместе и в котором самое противопоставление интеллигенции и народа должно исчезнуть или по крайней мере утратить свою остроту» [Новгородцев, с. 281].

Несомненно, трагический опыт русской революции 1917 г. показал необходимость глубокого осознания всеми политическими, общественными и культурными силами страны уроков этих исторических событий. И главный из этих исторических и социокультурных уроков в том, чтобы хранить национальную историческую память, ценить высокую духовную культуру народа, укреплять нравственные основы жизни общества, не допуская духовных расколов и катастроф.

Литература:

- Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М. 1990.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизводство издания 1955 г. М. 1990.
- Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXV Международных Рождественских образовательных чтений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: patriarchia.ru/db/text/4789256.html (дата обращения: 20.03.2017).
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М. 2012.
- Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. 1990.

Ильин И.А. Николай Ставрогин (Достоевский. «Бесы») // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 тт.: Т. 6. М. 1997.

Кокто Ж. Портреты-воспоминания: 1900–1914. М. 1968.

Ленин В.И. Задачи союзов молодёжи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. 1967. Т. 41.

Новгородцев П.И. О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. 1990. 298 с.

Франк С.Л. De Profundis // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М. 1990.

Феномен революции в документах эпохи

В год столетнего юбилея революции 1917 г. вышел в свет сборник архивных документов и материалов, подготовленный при участии Фонда исторической перспективы и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Книга состоит из двух разделов. В первый – «Голоса современников (1914–1918 гг.)» вошли статьи политиков, общественных деятелей, публицистов того времени. Второй раздел «Свидетельствуют документы» представляет архивные материалы из фондов РГАСПИ. Опубликованные тексты и графические материалы в большинстве своем малоизвестны. «Перспективы. Электронный журнал» публикует две рецензии на это уникальное издание.

УДК 32; 93; 94

РОМАН СОКОЛОВ

От фальсификаций – к документам

*Рецензия на книгу: **Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов, П.Ю. Савельев. М.: ИПК «Астрея-центр», 2017. 716 с.***

Аннотация. Рецензируемый сборник проливает свет на ряд важнейших вопросов, которые нередко ускользают от внимания не только широкой аудитории, но и исследователей. Помимо документов из фондов РГАСПИ, в книге собраны тексты политиков и публицистов 1914–1918 гг. Каждый из них обозначает определенный аспект социальных установок, которые существовали и заявляли о себе в те годы. В то время как вокруг Великой Русской революции не утихают политизированные споры, это документальное издание помогает избежать вольного додумывания и фальсификаций в оценке и трактовках политической драмы 1917 г.

Ключевые слова: Великая Русская революция, феномен революции, Фонд исторической перспективы, РГАСПИ, историческая достоверность, фальсификация истории, исторические источники, истоки революции.

Столетний юбилей революции 1917 г. способствовал актуализации общественной дискуссии вокруг происходивших век назад драматических коллизий, оказавших самое серьезное воздействие на историю как нашей страны, так и всего мира. Этому, конечно, способствовало то, что споры вокруг Великой Русской революции (полагаю, что именно такая утверждающаяся в последнее время дефиниция наиболее верна), как исторического события, почти всегда отражают политическую позицию того или иного участника незатихающей полемики. В значительной степени этот фактор оказывает воздействие на трактовку 1917 г. в современных масс-медиа, а также в произведениях искусства и культуры, деятели которой вновь обратились к тематике, которую в советское время называли бы историко-революционной. Другое дело, что в современных условиях отношение к этой тематике значительно (а иногда и радикально) изменилось.

Открывшиеся возможности свободного творчества безусловно пошли на пользу классическим художественным произведениям, которые современники в каждую эпоху как бы прочитывают заново. Одним из удачных примеров подобного «прочтения» стал поставленный в петербургском театре «Балтийский дом» спектакль-диспут «Как закалялась сталь» (режиссер А. Праудин) [См.: Шеромова].

Сведения об авторе: СОКОЛОВ Роман Александрович – профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук; romansokolow@mail.ru.

Значительно хуже (и эта тенденция уже стала традиционным явлением) обстоит дело с попыткой воссоздания исторической канвы революционного движения 1917 г. на экране телевидения в уже привычном для зрителя сериальном формате. Главная беда в данном случае одна – слишком уж вольное обращение с фактами. И эту ситуацию вряд ли могут переломить негативные рецензии высококлассных специалистов-историков, справедливо указывающих, что историческая достоверность, например, ленты «Демон революции», мягко говоря, оставляет желать лучшего [См.: Калашников]. Единственным средством может быть планомерная работа по историческому просвещению, которое должно подразумевать даже не столько представление различных точек зрения, сколько введение в оборот документальных источников. Разумеется, это не позволит достичь полного взаимопонимания у тех, кто спорит по поводу 1917 г. и последовавшей за ним гражданской войны. Важно другое: знакомство человека с материалом (а лучше – его изучение!) поспособствует построению собственной документально аргументированной позиции, которая, возможно, станет отличаться от мнений других людей, но уж точно не будет содержать вольного «додумывания». Прямые фальсификации в таких условиях превратятся просто в маргинальное явление.

Одним из шагов, направленных на решение этой задачи, как раз и стало, на наш взгляд, издание в юбилейном году сборника документов «Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории». Книга была подготовлена Аналитическим центром инновационных проектов и технологий при участии Фонда исторической перспективы, а также Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Следует отметить, что этот солидный том рассчитан на подготовленного читателя, осведомленного относительно идеологического брожения в Российской империи накануне Февраля и общего хода развивавшегося в 1917–1918 гг. революционного процесса. Тем не менее книгу предваряет небольшое введение «От составителей», в котором обозначаются ключевые проблемы, обусловившие подборку материалов для публикации.

Собранные под обложкой тексты проливают свет на ряд важнейших вопросов, которые зачастую ускользают от внимания не только широкого круга читателей, но и специалистов-исследователей. Материалы разделены на два раздела: в первый вошли статьи политиков, публицистов и общественных деятелей 1914–1918 гг., во второй – документы из фондов РГАСПИ. Такое распределение полностью оправданно как с точки зрения археографии, так и чисто логически. При этом между обеими группами исторических источников, конечно, имеется непосредственная смысловая связь.

Обращает на себя внимание, что каждая статья первого раздела показывает какой-то новый аспект социальных установок, которые существовали или заявляли о своем праве на существование в те годы.

Так, И. А. Сикорский (первая статья раздела) старался в год начала Первой мировой войны обосновать, с одной стороны, различность геополитических целей России

и Германии, равно как и методов достижения этих целей, а с другой – схожесть того и другого в отношении нашей страны и ее союзников по Антанте, Великобритании и Франции. Политическая подоплека такого «разделения» очевидна. Целью было дополнительное интеллектуально-идеологическое обоснование политической позиции России. Справедливости ради надо заметить, что геополитические проблемы в те годы действительно серьезно волновали российских ученых. Примером может быть работа В. П. Семенова-Тян-Шанского, предложившего собственную концепцию исторического развития нашей страны, которая во многом актуальна и в наши дни [См.: Семенов-Тян-Шанский].

Дальнейшие публикации, вошедшие в книгу, показывают истоки ряда других тенденций, ставших характерными признаками русской революции. Это, в частности, позиция национальных окраин, среди которых в условиях войны особое место занимала Польша. Ее население вовсе не было, как принято считать, исключительно негативно настроено к России. Именно поэтому В.В. Шульгин указывал на двойственность настроений поляков и даже на «любовь» к русским, которая, впрочем, «не очень давнего происхождения». Объединение Польши было одной из целей России в Первой мировой войне [Подымов, с. 85]. Парадоксально, но эта задача с помощью русского оружия была решена, хотя сама Российская империя устоять не смогла, и польские исследователи, говоря об обретении независимости, теперь охотно вспоминают «чудо на Висле» [Подымов, с. 86].

Еще один идеологический вектор, обозначившийся даже раньше 1917 г. – негативный взгляд на духовенство. Свидетельством того, что репрессии по отношению к последнему, развернувшиеся с особенной силой в постоктябрьский период, имели определенные предпосылки, служит приведенное в книге мнение консервативно и национально настроенного М.О. Меньшикова: «Никаких особенных заслуг у духовенства я не вижу...». К сожалению, в последующем такая тенденция возобладала, более того, была возведена советской властью в абсолют и привела к тому, что сохранившие верность своему долгу представители этой социальной группы должны были совершить мученический путь.

Февральская революция и крушение старого порядка означали полную переоценку существовавших ранее ценностей. Это немедленно и самым непосредственным образом сказалось на жизненном укладе многих тысяч и даже миллионов людей, многие из которых вовсе не были избалованы прежней властью. В книге представлены материалы, иллюстрирующие переменившееся в один момент положение тех, кто стоял на страже общественного порядка – жандармов. С горечью читаются строки очерка Н.Е. Каменского, в котором автор с юмором (!) описывает провод по городу арестованных полицейских, их шельмование и совершенную здесь же безнаказанно (ловить-то некому) кражу. Пока что это всего лишь воровство булки, но очень скоро в стране начнется настоящий разгул преступности. Этому вторят строки опубликованных в газете «Рабочий путь» покаянных писем одного из жандармов, а также человека, оказавшегося замешанным в сотрудничестве с полицией и принявшего из-за этого решение свести счеты с жизнью. Эти, в общем-то, бытовые моменты невольно заставляют за-

думаться о верности истины, согласно которой история повторяется: как не вспомнить в данном случае судьбы последних защитников законной украинской власти, свергнутой майданом 2014 г. Кстати, подобные параллели оказываются буквально прямыми, когда речь идет о принудительной украинизации образования. Строки, опубликованные в мае 1917 г. в газете «Киевлянин», можно практически не меняя помещать на газетные страницы и в наши дни: «Самый лояльный протест <...> против насильственной украинизации школы <...> вызывает вдруг бурное негодование: <...> предлагают уезжать в Россию и заводить там хоть турецкую школу». Комментарии, как говорится, излишни.

Книга показывает, как на историческую сцену выходили новые лица, предлагали новые лозунги. Из них все более актуальным становилось требование мира. С этим требованием выступали различные политические партии, не только одни большевики, оно же было близко и «солдатской массе», а потому с течением времени стремление «покончить с войной» лишь набирает силу.

Итогом развития революции стал октябрьский переворот. Кстати, именно так именовали события 25 октября те, кто считался рядовыми участниками штурма Зимнего. Свидетельством тому служат их стенографированные воспоминания, изложенные в 1927 г. на встрече со съемочной группой кинофильма «Октябрь» [ЦГА... Л.1]. Вскоре после свержения Временного правительства новая, советская власть в целях самосохранения вынуждена была разогнать созванное незадолго до этого Учредительное собрание. Подборка материалов в сборнике достаточно хорошо освещает это важнейшее событие. Оно должно было произвести большое впечатление на современников, ведь именно созыв этого органа был подлинной мечтой нескольких поколений революционеров. Впрочем, люди, обладавшие способностью трезво оценивать ситуацию, сомневались в результативности собрания еще задолго до начала его первого (оказавшегося единственным) заседания. Не случайно И.А. Ильин еще накануне Октября писал: «Вера в работоспособность русского «революционного» Учредительного собрания <...> может жить только в совершенно наивной душе».

Развернувшиеся в ходе 1917 г. потрясения привели к заключению Брестского мира. Составители сборника представили материалы, которые показывают отношение к этому акту разных слоев общества. Разумеется, в первую очередь это было негодование по поводу действительно «похабного» мира, однако стремление окончить войну любой ценой становилось к тому моменту в значительной степени определяющим. Именно об этом свидетельствует один из приведенных документов – «Информационная сводка о настроении рабочих на разных предприятиях Петрограда» (начало марта 1918 г.). Судя по его тексту, среди работников предприятий столицы единства по этому вопросу не было. Более того, не было четкой определенности, иногда при голосованиях по важнейшим резолюциям большая часть рабочих воздерживалась, что являлось весьма красноречивым показателем.

Однако все это было лишь началом подлинной трагедии, которая развернется в ходе братоубийственной войны последующих лет. Что же стало тому причиной? Думается,

что в данном вопросе можно опереться на мнение, высказанное И.А. Ильиным: за все время коренных потрясений 1917 г. так и не удалось «выковать новую верховную власть, создать «правительство государственного самосохранения», правительство народной самостоятельности». Однако даже этот крупнейший мыслитель не мог в ту пору предвидеть, сколько испытаний суждено пройти стране до создания того «патриотического единовластия», о котором он грезил в ноябре 1917 г. Да и само это «единовластие» обошлось весьма дорогой ценой. Впрочем, это уже совсем другая история.

Подводя итог, остается еще раз подчеркнуть, что вышедшая из печати книга «Феномен революции в России: истоки и уроки» может стать неоценимым подспорьем для читателей, которые на основе документов захотят тщательнее разобраться в непростых и трагических хитросплетениях политической драмы 1917 г., главным героем которой стал российский народ.

Список литературы:

Шеромова А. Гость из будущего Павка Корчагин // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 15 ноября.

Калашников В. «Демон революции» – путь к народному единству? // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 24 ноября.

Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. Пг. 1915.

Подымов А. В. Польский вопрос накануне и во время Первой мировой войны // Партитура Второй Отечественной. Великая война 1914–1918 гг. М. 2015.

ЦГА ИПД СПб. Фонд 4000. Оп. 6. Д. 65.

УДК 32; 93; 94

НАТАЛЬЯ НИКИТИНА

Право на исторический выбор

*Рецензия на книгу: **Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов, П.Ю. Савельев. М.: ИПК «Астрея-центр», 2017. 716 с.***

Аннотация. Рецензируемая книга показывает сложную картину процессов, которые привели к событиям 1917 г. Архивные документы и публицистика столетней давности позволяют ощутить нерв эпохи, увидеть революцию 1917 г. как сложное и противоречивое историческое явление. Яркие и точно подобранные материалы характеризуют позиции различных сил и групп, взаимоотношения между различными социальными слоями, центром и окраинами, психологическое состояние российского народа накануне и в ходе революции.

Ключевые слова: российская революция 1917 г., феномен революции, Фонд исторической перспективы, РГАСПИ, документы, психологические мотивы, карикатуры.

В год столетия российской революции 1917 г. Аналитическим центром инновационных проектов и технологий во взаимодействии с Фондом исторической перспективы и Российским государственным архивом социально-политической истории подготовлено и опубликовано уникальное издание о феномене революции в России. Оно осуществлено в рамках социально значимого проекта «Россия и Революция: 1917–2017».

Книга дает развернутую картину событий 1917 г. и показывает многовекторность воздействия на русское общество внутренних и внешних процессов, которые и привели к событиям столетней давности.

Сборник состоит из двух основных разделов, дополненных краткой справочно-биографической информацией.

Первый раздел охватывает события с 1914 по 1918 г., что позволяет подробно изучить обстановку в стране накануне революции, связь между Первой мировой войной и революционными событиями, начало гражданской войны. В этом разделе под названием «Голоса современников» представлены статьи политиков, мыслителей и публицистов различных направлений. Наряду с широко известными именами Н.А. Бердяева,

Сведения об авторе: НИКИТИНА Наталья Никитична – доцент кафедры истории Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат исторических наук; nikay85@yandex.ru.

М. Горького, И.А. Ильина, В.И. Ленина, Ю.А. Мартова, Г.В. Плеханова, Л.Д. Троцкого, В.В. Шульгина мы видим здесь Т.В. Локотя, М.О. Меньшикова, И.А. Сикорского. С ними соседствуют воспоминания писателей и журналистов А.Т. Аверченко, А.В. Амфитеатрова, В.А. Кадашева, В.В. Князева, Б.С. Мирского.

Второй раздел озаглавлен «Свидетельствуют документы». В нем собраны преимущественно архивные документы из фондов РГАСПИ, которые демонстрируют позиции различных политических и общественных сил.

Особый интерес представляют фотокопии документов из фондов РГАСПИ (ф.622; ф.588). На них представлены, например, Обязательное постановление Петроградского Центрального Продовольственного Комитета о запрете изготовления и продажи в Петрограде кондитерских изделий от 20 мая 1917 г.; подписи пассажиров plombированного вагона, подтверждающие, что они ознакомлены с условиями проезда по территории Германии до Швеции (экземпляры на русском и немецком языках от 9 апреля 1917 г.); номера газет «Искра», «Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов».

Составители сборника предлагают взглянуть и на карикатуры тех лет, героями которых были А.Ф. Керенский, П.Н. Милюков, В.И. Ленин и другие. Фотографии, стихи на злобу дня дополняют картину событий. Собранные в сборнике документы подробно освещают взаимоотношения между различными социальными слоями, центром и окраинами, психологическое состояние российского народа накануне и в ходе революции.

Трудно переоценить значение опубликованных в сборнике писем представителей разных слоев населения. С их помощью исследователь может понять психологические мотивы перерастания войны в революцию. В этих письмах звучит «голос народа», отражены живые эмоции, передающие умонастроения людей.

Представленные публицистика и архивные документы дают возможность непосредственно ощутить нерв эпохи. Прислушиваясь к голосам ее современников, внимательный и вдумчивый читатель сможет увидеть революцию 1917 г. как сложное и многоплановое историческое явление, затронувшее все социальные группы и слои российского общества, сломавшее отлаженный механизм общественного регулирования, круто изменившее образ жизни, разрушившее до основания привычный мир для представителей всех сословий.

Н.А. Бердяев писал об этих событиях: «В русской революции обнаружилась темная реакционная стихия, враждебная историческому прогрессу, враждебная всякой культуре большого стиля». Результатом для всех и каждого в отдельности стало тотальное разрушение основ взаимодействия граждан и государства. Именно этот деструктивный образ революции возникает перед читателем сборника. Воспоминания современников позволяют показать, что пожар революции и гражданской войны коснулся каждой семьи, каждого гражданина бывшей Российской империи, и в этом пожаре сгорали целые семьи и роды, веками честно служившие России. Каждый голос в этом хоре добавляет свою трагичную ноту в революционную партитуру.

Яркие и точные характеристики событий 1917 г. подводят читателя к философскому осмыслению революции как исторического феномена, убеждают в том, что «революция есть варварская форма прогресса», основанная на насилии и разрушении.

В качестве неоспоримых достоинств сборника можно выделить тот факт, что составителям удается не допустить формирования взгляда на революцию 1917 г. как на фарс. Такая неверная в корне тенденция стала ясно прослеживаться в ряде современных публикаций, кинофильмов и телепередач. Положительный результат достигается благодаря принципиальной позиции научных руководителей проекта, сформулированной доктором исторических наук Н.А. Нарочницкой: «Масштабы происшедшего в 1917 году события и затем невиданного в истории социального и цивилизационного эксперимента, изменившего мир, не позволяют рассматривать Русскую Революцию 1917 года как фарс. Она потрясла не только Россию, но и Европу, международные отношения, пробудила незападные миры, и эти тектонические сдвиги во многом определили ход всего двадцатого столетия»¹.

Следует отметить, что составители ориентируются не только на исследователей и советского читателя, знакомого с именами и событиями 1917 г. со школьной скамьи, но и на родившихся в девяностые, нулевые и десятые годы. Сегодня именно представители этих поколений занимают школьные и студенческие скамьи. Именно им предстоит в ближайшие годы определять судьбу страны. На страницах сборника читатель может найти обращение к потомкам, выраженное в словах Н.В. Устрялова: «И если суждено опять возродиться России, она прежде всего должна принять правду петербургского периода своей истории, принять его «идею», его «душу». Не бояться великодержавия должна она, а смело став под его знамя, идти в мир как великое и единое государство, как нация, многоплеменная по своему составу, но целостная по своим державным устремлениям и по своему культурному облику... Какова бы ни оказалась организация государственной власти в России в результате переживаемого сейчас хаоса – ясно одно: основною задачей этой власти будет задача воссоздания великого русского государства, потрясенного и расколотого войною и революцией... Опять, и на этот раз уже окончательно, будет преодолен старый русский бунт творческими силами русской души».

К сожалению, современные учебные пособия и Интернет предлагают молодежи неполную информацию, часто лишь перекладывая большевистскую доктрину на новый лад. Работа с источниками для многих представителей этого поколения – редкое явление, подобные навыки у них практически отсутствуют. А для пытливого и интересующегося историей школьника и студента возможность знакомства с источником часто сопряжена с большими трудностями из-за отсутствия публикаций, заслуживающих внимания.

Рецензируемый сборник в этом ряду является приятным исключением. В ближайшее время он, хочется надеяться, займет важное и достойное место в библиотеке учи-

1 Российская государственность в горниле истории. Истоки смуты, возрождение / Сост. Бондарева Е.А., Рудая Е.Н. М. 2017. С. 8.

теля, школьника и студента, так как позволяет учащим и учащимся самостоятельно познакомиться с событиями и фигурами революционной эпохи, приобрести навыки анализа источников, научиться формулировать собственное мнение о событиях прошлого и настоящего.

В современном мире остаются актуальными вопросы манипуляции массовым сознанием, восприятия российским обществом самого себя и своей истории. В ближайшие годы молодому поколению предстоит отстаивать свое право на исторический выбор, оставаясь собой. Книга «Феномен революции в России: истоки и уроки», безусловно, помогает подготовиться к решению этой важной задачи.

УДК 323; 327; 332; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Унесенные кризисом: глобальная экономика через 10 лет после ипотечного краха

Аннотация. Десятилетие назад в США произошел обвал на рынке ипотечного кредитования, который не только больно ударил по интересам миллионов американцев, но и послужил точкой отсчета самого глубокого за послевоенный период мирового кризиса. Кризисные потрясения, в свою очередь, оказали сильнейшее воздействие на всю систему мирохозяйственных связей, разделили историю глобализации на «до» и «после». В этот десятилетний период произошли количественные и качественные перемены в глобальной экономике, перегруппировка мировых сил, изменилась роль отдельных стран.

Ключевые слова: США, ипотечный кризис, глобальный кризис, рецессия, мировая торговля, посткризисный подъем, Россия, стратегии роста.

В настоящее время процесс глобализации в его неолиберальной версии находится в точке бифуркации, переживает кризис функционирования. Ситуация нестабильности и огромных дисбалансов в мировом хозяйстве требует переосмысления результатов и перспектив глобального развития. Остро стоит вопрос о будущем характере и основных чертах вошедшей в режим трансформации системы международных торгово-экономических и финансовых отношений. По существу, речь идет о том, какими путями пойдет развитие человечества в предстоящие десятилетия.

Сторонники глобализации делают акцент на ее очевидных прошлых достижениях, в том числе в производственной и социальной сферах. Действительно, в период с начала 1990-х годов произошла подлинная технологическая революция, появились принципиально новые товары и услуги, открылись дополнительные каналы финансирования. В большинстве стран мира сократилась бедность, вырос средний класс, ощутимо улучшилось здравоохранение, десятки миллионов молодых людей впервые получили доступ к высшему образованию. Стала популярной концепция «экономики просачивания» (*Trickle Down Economy*), которая обосновывает целесообразность низких налогов на богатство: как считают адепты этой теории, часть сэкономленных таким образом средств «просачивается» к бедным слоям населения [Amadeo].

Однако в последние годы прогресс на международном уровне явно застопорился. В фокусе внимания оказались негативные стороны неолиберальной модели. Мировой

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

кризис 2008–2009 гг. остудил оптимизм и усилил позиции критиков неолиберальной глобализации, которые считают, что она во все большей степени служит элитам и осуществляется за счет интересов большинства граждан. По их мнению, в логике нынешней модели невозможно решить стоящие перед человечеством (и постоянно нарастающие) глобальные проблемы. Не дают внятных и убедительных ответов на острые вопросы современности и созданные по итогам Второй мировой войны многосторонние институты: Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, региональные экономические организации. В сложном положении оказалась Всемирная торговая организация (ВТО), поскольку значительное количество стран все чаще нарушают установленные правила международной торговли, вводят режимы санкций в отношении отдельных государств [Alonzo].

Нельзя сказать, что поставлен окончательный диагноз, но многие факты, явления и тенденции последнего времени вызывают сомнения в «светлом будущем» неолиберальной глобализации.

Как все началось

Роль триггера глобальных кризисных потрясений сыграл крах рынка недвижимости в США в 2007–2008 гг. По разрушительным последствиям его нередко сравнивают с Великой депрессией тридцатых годов прошлого века [Kotler, с. 172]. Поскольку Соединенные Штаты занимают особое место в глобальной экономике и торговле, а от состояния их финансовых и фондовых рынков во многом зависит международная стабильность, ипотечный кризис очень быстро «перешел национальные границы» и стал первым звеном в длинной цепи мирового хозяйственного обвала. Десятки стран, включая Россию, вплоть до настоящего времени переживают негативные последствия глобального кризиса 2008–2009 гг., не могут полностью оправиться от пережитого шока и вернуться к докризисным показателям социально-экономического развития.

Что в действительности произошло на американском рынке недвижимости? Почему некоторые экономисты называют ипотечный кризис в США «аферой века», считают его финальным аккордом существования системы «классического капитализма», сформировавшейся после Второй мировой войны?

В начале 2011 г. специально созданная по указанию Вашингтона Комиссия по расследованию финансового кризиса (*Financial Crisis Inquiry Commission*) опубликовала доклад о причинах ипотечного краха. В документе, основанном на показаниях более чем 700 свидетелей, был сделан вывод, что к кризису, который, по мнению экспертов, можно было избежать, привела проводившаяся американскими властями на протяжении трех десятилетий политика постепенной отмены механизмов по защите финансовых интересов граждан и разрушения инструментов регулирования банковской деятельности. Авторы доклада указали на «ошеломляющие случаи безответственности правительства» и многочисленные «ошибки в корпоративном управлении и управлении рисками» в деятельности «капитанов финансового сектора» – целого ряда крупнейших банков и страховых компаний. Не случайно на слушаниях комиссии известный

инвестор Уоррен Баффет назвал ипотечный кризис «самым большим спекулятивным рыночным пузырем из когда-либо им виденных» [Financial...].

Ослепляющая жажда легкой наживы создала невероятную (с точки зрения здравого смысла) ситуацию, при которой малоимущий или даже безработный гражданин США мог сравнительно легко оформить в ипотеку дорогостоящую недвижимость, нередко необоснованно рассчитывая на ее продажу в будущем по более высокой цене. Такие необеспеченные должным образом (так называемые субстандартные) ипотечные кредиты получили наименование «мусорных», так как сами банкиры в глубине души понимали, что никто не будет платить по своим обязательствам. Но парадоксальным образом никого это не заботило. Финансовая заинтересованность банков, выдававших «мусорные» кредиты, лежала совсем в другой плоскости: как правило, на каждую ипотеку продавалась долговая бумага, которую на бирже охотно приобретали многочисленные инвесторы, искавшие прибыльные вложения капиталов (ставки по ипотекам составляли 3–4%, тогда как значительно более надежные казначейские облигации давали только до 1% в год). Другими словами, из «мусорных» ипотечных кредитов в спекулятивных целях создавались обращавшиеся на бирже ценные бумаги – деривативы, долговые обязательства, которые никто и никогда не мог оплатить и которые в скором времени зажили собственной жизнью, переходя из рук в руки и практически полностью оторвавшись от реальной экономики [Lewis].

Разумеется, такая ненормальная ситуация не могла сохраняться до бесконечности. Первым сигналом надвигавшегося кризиса можно считать заявление крупнейшей американской ипотечной компании *New Century Financial Corporation (NCFC)*, объявившей 7 февраля 2007 г. о том, что она ожидает по итогам 2006 г. зафиксировать значительные убытки. Уже 13 марта того же года акции *NCFC* покинули листинг Нью-Йоркской фондовой биржи, а 5 апреля компания объявила о своем банкротстве и подала заявление о защите от кредиторов, среди которых фигурировали такие первоклассные международные банки, как *Morgan Stanley* (долг *NCFC* – 2,5 млрд долл.), *Credit Suisse Group* (900 млн долл.), *Bank of America* (600 млн долл.) и другие [Кашин]. Звучит невероятно, но отчетливый тревожный сигнал, поданный *NCFC*, был услышан далеко не всеми игроками финансового рынка, продолжавшими в широких масштабах совершать сверхрискованные операции с «мусорными» ипотечными кредитами.

В результате общая сумма задолженности по ипотечным кредитам в США неотвратимо росла и к концу 2007 г. превысила астрономическую цифру в 10 трлн долл., а средний размер долга по этим заимствованиям одного домашнего хозяйства за семь докризисных лет увеличился почти на 65% и составил около 150 тыс. долларов [Ипотечный...]. Для миллионов американских семей это были неподъемные суммы.

В этой гигантской афере приняли самое деятельное участие ключевые финансово-экономические игроки: коммерческие и инвестиционные банки, страховые компании, крупные хедж-фонды, а также ведущие международные рейтинговые агентства, в розовых тонах рисовавшие картину гиперфинансовой глобализации [Яковлев Фактор...]. Причем каждый «выжимал» из ситуации максимум прибыли, не заботясь о драмати-

ческих последствиях, которые наступили, когда выяснилось, что около миллиона американцев не в состоянии обслуживать кредиты и многие из них вынуждены оставлять жилье банкам-кредиторам. На рынок выбросили огромные фонды уцененной недвижимости, не находившей платежеспособного спроса: в начале 2008 г. количество непроданных объектов увеличилось многократно [Ипотечный...].

Ипотечный пузырь лопнул и дал старт финансовому и воспроизводственному кризису, затронувшему все сферы экономики США. Сначала «просел» строительный сектор, он потянул за собой машиностроение, металлургию, транспорт, деревообработку, химическую промышленность и т.д. В 2008–2009 гг. произошло ухудшение всех основных макроэкономических показателей. В том числе сократился ВВП, упали валовые инвестиции и накопления, сжалась внешняя торговля товарами и услугами, значительно (почти на 11%) уменьшились поступления в бюджет, что резко увеличило его дефицит: с 414 млрд долл. в 2007 г. до 1,9 трлн долл. в 2009 г., или в 4,6 раза. Падение производства и торговли неизбежно повлекло за собой снижение занятости и существенный рост безработицы (табл. 1).

Таблица 1

США: макроэкономические показатели

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009
ВВП (изменение в % к предыдущему году)	3,4	2,7	1,8	-0,3	-2,8
Валовые инвестиции (% ВВП)	23,2	23,3	22,4	20,8	17,5
Валовые накопления (% ВВП)	17,9	19,1	17,3	15,4	14,3
Импорт товаров и услуг (изменение в % к предыдущему году)	6,3	6,3	2,5	-2,6	-13,7
Экспорт товаров и услуг (изменение в % к предыдущему году)	6,3	9,0	9,3	5,7	-8,8
Безработица (% рабочей силы)	5,1	4,6	4,6	5,8	9,3
Число занятых (млн человек)	141,7	144,4	146,1	145,4	139,9
Доходы бюджета (трлн долл.)	4,013	4,372	4,585	4,511	4,099
Расходы бюджета (трлн долл.)	4,423	4,655	4,999	5,494	5,995
Госдолг (трлн долл.)	8,497	8,818	9,268	10,722	12,405
Госдолг (% ВВП)	64,9	63,6	64,0	72,8	86,0

Источник: IMF. World Economic Outlook Database. April 2016. – <http://www.imf.org/>

В разгар кризиса разорились такие всемирно известные банки, как *Bear Stearns* и *Lehman Brothers*. *Bank of America* поглотил *Merrill Lynch*. Другие компании, включая *General Motors* и крупнейшие ипотечные агентства *Fannie Mae* и *Freddie Mac*, а также гиганта страхования *AIG* вынуждено было спасать государство, на плечи которого лег основной груз борьбы с кризисом [Яковлев Эффект...].

По мнению большинства зарубежных аналитиков, главной целью вашингтонской администрации в хозяйственной сфере стало предотвращение в Соединенных Штатах «экономического Армагеддона» [Palacio], спасение от краха финансового сектора с помощью, в частности, крайне низких процентных ставок Федеральной резервной системы (ФРС) и увеличения государственных расходов, позволивших закачать в экономику

США триллионы долларов. Но так называемая «операция Уолл-стрит» («разбрасывание денег с вертолета», по выражению тогдашнего главы ФРС Бена Бернанке [Bernanke]) имела и обратную сторону, поскольку в значительной степени была оплачена деньгами рядовых американцев, многие из которых лишились своих жилищ, в докризисные времена приобретенных с помощью ипотеки. Парадокс заключался в том, что федеральные антикризисные программы, вместо того чтобы наказать действительных виновников кризиса 2007–2009 гг. – зарвавшихся банкиров, финансовых спекулянтов и безответственные рейтинговые агентства, – предъявили счет за «разбитые горшки» миллионам жертв кризисных потрясений. Ответом гражданского общества стали массовые протесты – например, движение «Захвати Уолл-стрит» (*Occupy Wall Street*), имевшее целью привлечь внимание к преступлениям финансовой элиты [Осциру...].

Глобальный масштаб кризиса

Разрушительные эффекты ипотечного краха в Соединенных Штатах по принципу домино перекинулись на десятки развитых и развивающихся стран на всех континентах, теснейшим образом связанные с американскими финансовыми и товарными рынками.

Не будет преувеличением сказать, что именно неолиберальная глобализация, вероятно усилив международные торгово-экономические и финансовые связи, создала оптимальные условия для трансграничной трансмиссии кризисных явлений, способствовала их стремительному распространению по всему миру. 8 октября 2008 г. все ведущие центральные банки мира, за исключением центробанков Японии и России, приняли беспрецедентное решение об одновременном снижении процентных ставок. Ключевая ставка ФРС была снижена с 2 до 1,5%; на те же 0,5 процентного пункта были уменьшены ставки Банка Канады, Банка Англии, Банка Швеции, Национального банка Швейцарии и Европейского центрального банка (ЕЦБ). Такое решение было расценено аналитиками как откровенное признание глобального характера кризиса, что требовало безотлагательных и скоординированных действий экономик ведущих стран. На следующий день (9 октября) этому примеру последовали центробанки Южной Кореи, Тайваня и Гонконга, также снизившие основные учетные ставки [Мау, с. 22].

Сейчас можно констатировать, что принятые монетаристские меры, по большому счету, никого не уберегли от неотвратимо надвигавшихся кризисных потрясений. Полностью провальным для большей части мировой экономики стал 2009 г., когда глобальный ВВП впервые со времен Второй мировой войны показал отрицательную динамику (-0,1%), а совокупный ВВП развитых государств сократился на 3,4%. Особенно сильно пострадали страны-члены зоны евро (-4,5%) и Япония (-5,4%). Крайне неравномерное воздействие кризис оказал на развивающиеся страны. Самые большие потери понесла Латинская Америка (падение ВВП на 1,8%) – в частности, в силу максимально жесткой торгово-экономической и финансовой привязки многих государств региона к Соединенным Штатам. Характерный пример – Мексика, образующая с США и Канадой зону свободной торговли NAFTA. Мексиканский ВВП «просел» почти на 5%, что стало (наряду с аргентинским кейсом) одним из самых ощутимых экономических провалов к югу от Рио-Гранде (табл. 2).

Таблица 2

Мировой ВВП в % к предыдущему году (1999–2008 гг. – среднегодовой показатель)

Страны и регионы	1999–2008	2009	2010	2011	2012
Весь мир	4,2	-0,1	5,4	4,3	3,5
Развитые государства	2,5	-3,4	3,1	1,7	1,2
США	2,6	-2,8	2,5	1,6	2,2
Зона евро	2,1	-4,5	2,1	1,6	-0,9
Япония	1,0	-5,4	4,2	-0,1	1,5
Развивающиеся страны	6,2	2,8	7,4	6,4	5,4
Азия	8,0	7,5	9,6	7,9	7,0
Китай	10,1	9,2	10,6	9,5	7,9
Индия	6,9	8,5	10,3	6,6	5,5
Индонезия	4,9	4,7	6,4	6,2	6,0
Европа	4,3	-3,0	4,6	6,5	2,4
Турция	4,0	-4,7	8,5	11,1	4,8
Польша	4,1	2,6	3,7	5,0	1,6
Латинская Америка	3,3	-1,8	6,1	4,7	3,0
Бразилия	3,4	-0,1	7,5	4,0	1,9
Мексика	2,6	-4,7	5,1	4,0	4,0
Аргентина	2,6	-5,9	10,1	6,0	-1,0
Ближний Восток и Северная Африка	5,2	1,1	4,7	4,5	5,2
Египет	5,1	4,7	5,1	1,8	2,2
Саудовская Аравия	3,2	-2,1	4,8	10,3	5,4
Иран	4,4	0,3	5,8	3,5	-7,7
Африка к югу от Сахары	5,6	3,9	7,0	5,1	4,4
Страны СНГ	7,2	-6,4	4,7	5,3	3,6
Россия	6,9	-7,8	4,5	5,1	3,7

Источник: IMF. World Economic Outlook. October 2017. Washington, 2017, p. 242–247.

Весьма ощутимые экономические потери понесли страны, зависящие от экспорта сырьевых и продовольственных товаров, спрос на которые (а соответственно, и цены) в условиях кризиса снизился. К их числу относятся, наряду с уже упомянутой Аргентиной, крупнейшие экспортеры углеводородов – Российская Федерация и Саудовская Аравия. Причем экономический откат России был наиболее сильным из-за высокого уровня зависимости от европейских рынков (в страны Евросоюза направлялось порядка 50% российского экспорта) [Федеральная...], которые оказались в эпицентре мирового кризиса. Именно суровые уроки глобальных потрясений 2009 г. акцентировали жизненно важную необходимость расширения круга внешнеэкономических партнеров, диверсификации товарного экспорта, в том числе укрепления взаимодействия с Китаем и другими азиатскими государствами.

Конечно, глобальный кризис не обошел Азию стороной. В этой огромной части мира также было зафиксировано торможение экономического роста. Но именно тормо-

жение, а не отрицательное значение динамики показателей ВВП и ключевых производственных отраслей. Характерно, что даже в провальном для многих стран 2009 г. китайская экономика выросла на 9,2%, индийская – на 8,5%, вьетнамская – на 5,4%, бангладешская – на 5,3%, индонезийская – на 4,7%. Это дало повод многим экспертам говорить об «экономическом чуде» формирующихся рынков [Sharma]. Как отмечала итальянская журналистка Лоретта Наполеони, азиатский лидер – Китай сумел успешно «адаптировать марксизм к процессу глобализации» и создать уникальную по эффективности модель экономического развития (так называемую *Maonomics*), которая лучше других выдержала удары мирового финансового кризиса [Napoleoni, p. 67].

Вместе с тем даже наиболее успешные в хозяйственном отношении страны не избежали резкого падения внешнеторгового оборота, что явилось прямым следствием свертывания глобальной деловой активности.

В 2009 г. при стоимостном сокращении совокупного мирового товарного экспорта на 22% (с 16,2 до 12,6 трлн долл.) вывоз российских товаров упал на 36%, канадских – на 31%. Экспорт продукции европейских стран «сжался» на 23%, американской – на 18%, а поставки за рубеж китайской продукции в денежном выражении снизились на 16% (табл. 3).

Таблица 3

Мировой экспорт товаров (млрд долл.)

Страны и регионы	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Весь мир	12131	14023	16160	12555	15301	18338
Канада	388	421	457	316	388	451
США	1026	1148	1287	1056	1278	1482
Латинская Америка	449	514	617	474	592	761
Мексика	250	272	291	230	298	350
Европа	4979	5803	6483	5021	5650	6654
Германия	1108	1321	1446	1120	1258	1474
Африка	371	437	562	394	521	611
ЮАР	58	70	81	62	91	109
Ближний Восток	376	497	604	512	581	680
Саудовская Аравия	211	233	314	192	251	365
Азия	3576	4141	4725	3891	5036	5975
Китай	969	1220	1431	1202	1578	1898
Страны СНГ	431	520	703	450	589	786
Россия	304	354	472	303	401	522

Источник: WTO. World Trade Statistical Review 2016. Geneva, 2016, p. 134–137.

Главной причиной отмеченного явления стало вызванное замедлением роста ВВП падение цен на многие товары (в первую очередь, сырье и продовольствие). Отсюда – наибольшие финансовые потери у стран, специализирующихся на производстве и экспорте сырьевой продукции.

Таким образом, мировой кризис 2008–2009 гг., начавшийся в результате безответственной политики многих игроков финансового сектора, перегрева кредитного рынка и ипотечного краха в США, вскрыл целый ряд структурных проблем, дисбалансов, противоречий и узких мест глобальной экономики, которые не были устранены с помощью антикризисных мер (главным образом монетаристского характера), принятых на национальном и международном уровне. Это послужило детонатором новых трудностей и конфликтов в системе мирохозяйственных связей.

Тренды посткризисного этапа: региональные и страновые особенности

Завершение острой фазы кризиса знаменовало переход глобальной экономики к новой парадигме развития, отмеченной качественно иными явлениями и характеристиками. В их числе: пониженная динамика роста (так называемая «новая норма» – *New Normal Economy*); грянувший как гром среди ясного неба *Brexit* – процесс выхода из состава Евросоюза одного из его ключевых членов, Великобритании; неожиданный поворот правящих кругов США в сторону протекционизма («эффект Трампа»); отказ Вашингтона от участия в трансатлантическом и транстихоокеанском интеграционных мегапроектах, которые он же инициировал; пересмотр соглашения о Североамериканской зоне свободной торговли (*NAFTA*); угрозы трансграничных торговых войн; резкие перепады цен на сырьевые товары; миграционный кризис и т.д. В целом глобальное положение стало характеризоваться повышенной неустойчивостью и почти полной непредсказуемостью [Яковлев Эффект...].

Посткризисный отскок мировой экономики – увеличение глобального ВВП на 5,4% в 2010 г. и на 4,3% в 2011 г. – в последующие годы сменился снижением темпов прироста до уровня 3,2 – 3,6%, а у развитых государств – до 1,2 – 2,2%, что существенно ниже докризисных показателей (табл. 4).

Таблица 4

Мировой ВВП в % к предыдущему году (2017–2018 гг. – оценка и прогноз)

Страны и регионы	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Весь мир	3,5	3,6	3,4	3,2	3,6	3,7
Развитые государства	1,3	2,1	2,2	1,7	2,2	2,0
США	1,7	2,6	2,9	1,5	2,2	2,3
Зона евро	-0,2	1,3	2,0	1,8	2,1	1,9
Япония	2,0	0,3	1,1	1,0	1,5	0,7
Развивающиеся страны	5,1	4,7	4,3	4,3	4,6	4,9
Азия	6,9	6,8	6,8	6,4	6,5	6,5
Китай	7,8	7,3	6,9	6,7	6,8	6,5
Индия	6,4	7,5	8,0	7,1	6,7	7,4
Индонезия	5,6	5,0	4,9	5,0	5,2	5,3
Европа	4,9	3,9	4,7	3,1	4,5	3,5
Турция	8,5	5,2	6,1	3,2	5,1	3,5
Польша	1,4	3,3	3,9	2,6	3,8	3,3

Страны и регионы	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Латинская Америка	2,9	1,2	0,1	-0,9	1,2	1,9
Бразилия	3,0	0,5	-3,8	-3,6	0,7	1,5
Мексика	1,4	2,3	2,6	2,3	2,1	1,9
Аргентина	2,4	-2,5	2,6	-2,2	2,5	2,5
Ближний Восток и Северная Африка	2,5	2,6	2,6	5,1	2,2	3,2
Египет	3,3	2,9	4,4	4,3	4,1	4,5
Саудовская Аравия	2,7	3,7	4,1	1,7	0,1	1,1
Иран	-0,3	3,2	-1,6	12,5	3,5	3,8
Африка к югу от Сахары	5,3	5,1	3,4	1,4	2,6	3,4
Страны СНГ	2,5	1,1	-2,2	0,4	2,1	2,1
Россия	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,8	1,6

Источник: IMF. World Economic Outlook. October 2017. Washington, 2017, p. 242–247.

Но главная системная проблема сводилась даже не к пониженной траектории экономического роста, а к тому, что в мировой экономике и трансграничной торговле воцарились нестабильность и непредсказуемость, вошли в норму периодические шоки, до основания потрясавшие международные финансовые и товарные площадки. Эти явления многие эксперты начали рассматривать в качестве оборотной стороны глобализации, которая вступила в полосу турбулентности и глубоких, во многом болезненных трансформаций. Как отмечалось на страницах британского журнала *The Economist*, череда финансово-экономических шоков продемонстрировала хрупкость мировой экономики и «выпустила на свободу монстров глобальной нестабильности» [Who's...].

Широкое распространение получил тезис, что глобализация не была выгодна всем, что есть выигравшие и проигравшие. Причем парадоксальным образом в число проигравших все чаще записывали США и Великобританию – главных авторов неолиберальной парадигмы развития мировой экономики. Сейчас правящие круги этих стран, похоже, не вполне довольны полученными результатами. По их мнению, основными бенефициарами явились отдельные развивающиеся страны (Китай, Индия, Мексика и др.), стремительно нарастившие в условиях глобализации производственный и внешнеторговый потенциал.

Знаковые трансформации произошли с экономикой и экономической политикой США. Например, с начала 1980-х годов страна стала чистым международным должником, хотя с момента окончания Первой мировой войны она была чистым международным кредитором. Под влиянием потрясений, начавшихся в американской экономике в 2007 г., власти поставили под более жесткий контроль финансовый сектор, залили кризис деньгами и довели федеральный долг до колоссальной суммы почти в 21 трлн долларов [U.S. ...]. При этом около 20% американского долга (порядка 4 трлн долл.) находится в руках Китая. В итоге американским гражданам приходится в растущих масштабах выплачивать проценты странам-кредиторам, то есть переводить часть своего дохода за границу. Одна из причин такого положения дел – огромное отрицательное

сальдо торгового баланса, размер которого в 2016 г. составил около 800 млрд долл. [WTO, p. 148, 152].

Президент Д. Трамп не устает утверждать, что в основе внешнеторгового дефицита Соединенных Штатов лежат «недобросовестные торговые практики» отдельных стран. Действительные же причины этого явления значительно сложнее, а ситуация в сфере международных транзакций далеко не такая однозначная. В частности, в торговле услугами американские компании уже много лет имеют значительное положительное сальдо (табл. 5).

Таблица 5

США: внешняя торговля услугами (млрд долл.)

Показатель	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Экспорт	606	634	679	723	731	733
Импорт	405	424	436	457	467	482
Оборот	1011	1058	1115	1180	1198	1215
Сальдо	+201	+210	+243	+266	+264	+251

Источник: WTO. World Trade Statistical Review 2017. Geneva, 2017, p. 156, 160.

Данные статистики свидетельствуют, что США были и остаются крупнейшими мировыми экспортерами коммерческих услуг, а их совокупный профицит во внешней торговле услугами в 2011–2016 гг. составил свыше 1,4 трлн долл. Тем не менее Вашингтон упорно продолжает настаивать на своем. В ноябре 2017 г. Д. Трамп совершил 12-дневную поездку по пяти странам Азиатско-Тихоокеанского региона и везде подчеркивал намерение «изменить вредные для США нынешние правила торговли» [Inside...].

В Маниле на саммите Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) Д. Трамп предупредил партнеров, что Вашингтон готов прибегнуть к протекционистским мерам, если этого потребуют интересы американского бизнеса. Такое заявление прозвучало резким диссонансом по отношению к повестке дня, главным вопросом которой было как раз противодействие протекционизму.

На саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам) Д. Трамп обрушился с резкой критикой на проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП). В ответ 11 стран, подписавших соглашение о создании этого межрегионального мегаблока, заявили о намерении реализовать проект без США под новым названием – *Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства* (ВПТТП). В итоговой декларации саммита была подчеркнута приверженность его участников идее создания Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли, выражалась готовность «добиваться дальнейшего прогресса на этом треке» и отмечалась важность «недискриминационных, взаимных и взаимовыгодных торгово-экономических форматов», что прямо противоречило курсу Белого дома на сворачивание всякого рода планов по формированию многосторонних интеграционных объединений [Декларация...].

Д. Трамп неоднократно заявлял: «Глобализм перестал быть решением проблем, а сам стал проблемой». Давая такого рода оценки, американский президент явно стремится придать США лидирующую роль. Соединенные Штаты вновь становятся страной-триггером, на этот раз – крайне рискованного процесса перестройки экономического миропорядка по вашингтонскому сценарию, что идет вразрез с ясно выраженными устремлениями большинства стран мира.

Во всем мире вызывает беспокойство сохраняющееся замедление роста (по сравнению с докризисным периодом) китайской экономики. Эксперты объясняют это обострением внутренних системных противоречий. И прежде всего – беспрецедентным совмещением в одном государстве двух экономических укладов: социализма, в верности которому вновь поклялась КПК на своем XIX съезде в октябре 2017 г., и стремительно растущего капитализма, порождающего колоссальное различие в благосостоянии «верхних» и «нижних» социальных групп. (То, что китайские руководители определяют формулой «одна страна, две системы», а Л. Наполеони назвала «марксизмом под неолиберальным соусом») [Napoleoni, p. 67]. Другая проблема, угрожающая социально-экономической стабильности Китая, – нарастающий разрыв между прибрежными и внутренними районами страны, что при малейшем ослаблении центральной власти неизбежно усилит сепаратистские настроения, вызовет цепную реакцию внутриполитических конфликтов.

Кризис 2008–2009 гг., последовавшая вслед за ним рецессия, *Brexit* и противоречия с США на атлантическом треке подорвали глобальные торгово-экономические позиции Европейского союза. Усугубили ситуацию неконтролируемые потоки мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также сепаратистские движения (особенно в Каталонии) [Яковлев *Brexit...*], активизация противников европейской интеграции по правилам Брюсселя и так называемый «правый крен» во внутренней политике. В этих непростых условиях руководство Евросоюза и ЕЦБ приложили значительные усилия для восстановления экономического роста, сделав акцент на реализации программы количественного смягчения (*Quantitative easing – QE*). В рамках данной программы ЕЦБ в течение трех лет (с марта 2015 г. до конца 2017 г.) выкупал активы европейских коммерческих банков на сумму около 60 млрд евро в месяц, «впрыскивая» тем самым крупные денежные средства в экономику стран-членов ЕС [European...].

Стимулирующая политика ЕЦБ принесла плоды и способствовала некоторому ускорению экономического роста, прежде всего в зоне евро, но не решила имеющихся структурных проблем. В странах Евросоюза сохраняются достаточно высокие риски очередного замедления прироста ВВП, что неизбежно усилит отставание европейских стран не только от США, но и от новых лидеров глобальной экономики – Китая и ряда других азиатских государств. Понимая это, президент Франции Эммануэль Макрон выдвинул план основательного реформирования Европейского союза на основе укрепления оси Париж – Берлин. «Мы не можем бездействовать, это разрушит Европу», – подчеркивает французский лидер и призывает к 2024 г. полностью объединить рынки стран зоны евро, применяя одни и те же правила ко всем компаниям и банкам, независимо от их национальной принадлежности [Werly...]. Как отмечалось в европей-

ской прессе, речь, по существу, идет о возможном «перезапуске проекта Евросоюза» [Sartorius].

Размышляя о будущем европейской интеграции (и шире – о месте и роли Европы в формирующемся экономическом и политическом миропорядке), французский политолог, обозреватель газеты *Le Figaro* Рено Жирар заметил, что одним из факторов, препятствующих более динамичному и сбалансированному развитию Европы, является «абсурдный разлад» между Евросоюзом и Россией. «Этот разлад, – подчеркивает Р. Жирар, – абсурден с точки зрения нависших угроз: над их цивилизацией – в виде радикализации ислама, над их экономиками – в виде китайской стратегии «новых шелковых путей». Евросоюз нуждается в России, чтобы лучше противостоять стремлению Китая к торговой гегемонии, Россия нуждается в Европе, чтобы построить у себя то, чего ей так ужасно недостает: правовое государство» [Girard...].

Между тем экономика России вплоть до настоящего времени не может полностью восстановиться после кризисного провала 2009 г. и рецессии, начавшейся на рубеже 2013–2014 гг. и усугубленной обвальным падением мировых цен на углеводороды. Траектория роста российской экономики остается нестабильной, а серьезных предпосылок для ускорения хозяйственного развития пока не просматривается. В преддверии президентских выборов, с которыми связывают надежды на давно назревшие структурные реформы, обсуждаются три ключевые макроэкономические стратегии:

– Министерство экономического развития во главе с министром М.С. Орешкиным предлагает сделать ставку на рост инвестиций, увеличение несырьевого экспорта и повышение производительности труда;

– Центр стратегических разработок под руководством А.Л. Кудрина связывает главные ожидания с ростом совокупной факторной производительности и оживлением инвестиционного процесса в наиболее перспективных отраслях;

– «Столыпинский клуб» бизнес-омбудсмена Б.Ю. Титова ратует за сохранение и поддержание умеренно слабого валютного курса рубля (выгодного предприятиям-экспортерам) и обосновывает необходимость стимулирования потребительского спроса, в том числе с помощью дополнительной денежной эмиссии [Ломская].

Безусловно, дискуссии по стратегическим вопросам социально-экономического развития весьма полезны, даже необходимы. России критически нужна радикально обновленная макроэкономическая политика, способная вывести страну на траекторию устойчивого и динамичного роста. Но проблема в том, что в нынешних нестабильных и трудно предсказуемых мирохозяйственных условиях даже тщательно выверенная национальная стратегия может разбиться о неожиданные изменения на глобальных финансовых и товарных рынках. Перспективы развития российской экономики как никогда прежде зависят от внешних факторов, от способности отечественных предприятий обращать в свою пользу перемены в мировом хозяйстве и международной торговле.

Какое будущее ждет глобальную экономику?

Итоги 2017 г. показали, что фаза подъема мирового экономического цикла, начавшаяся во второй половине 2016 г., продолжает набирать силу, понемногу изменяя картину текущего состояния системы мирохозяйственных связей в лучшую сторону. В то же время, как отмечают эксперты МВФ, происходящее восстановление глобальной экономики является неполным и не охватывает многие страны мира, что неизбежно ослабляет трендовый рост и является потенциальным источником дестабилизирующих шоков [World...]. В частности, серьезные трудности продолжают испытывать экспортеры энергоресурсов, а также государства, пережившие в период кризиса и рецессии сильные политические волнения, катаклизмы и вооруженные конфликты на различной почве (страны Ближнего Востока и Северной Африки, Украина, отдельные азиатские и латиноамериканские государства).

Острой проблемой является то, что отмеченное «неполное» экономическое развитие в должной мере не обеспечивает рост ключевых социальных показателей. В частности, аналитики обращают внимание на «удивительно медленный в последний период рост номинальной заработной платы» [World...]. Другими словами, кризис неолиберальной модели повернул вспять тенденцию к улучшению материального положения среднего класса и акцентировал колоссальный разрыв в доходах различных слоев населения. В настоящее время, по данным международного объединения «Oxfam», каждый третий житель нашей планеты – бедняк, а восемь богачей аккумулировали такое же состояние, как 50% населения Земли [One...].

Серьезные социальные последствия может иметь неконтролируемое стремительное развитие технологий. Например, по оценке специалистов Оксфордского университета, автоматизация индустриального производства грозит оставить без рабочих мест до 47% занятых в мировой обрабатывающей промышленности. Широкое внедрение достижений биотехнологии уже в обозримом будущем сократит занятость в сельском хозяйстве, а 3D-принтеры лишат работы миллионы продавцов. Страсти подогревают тренды и форматы развития сервисного сектора: *Uber* (транспорт), *Airbnb* (аренда жилья), *Deliveroo* (доставка еды). Все эти компании предлагают новые гибкие модели ведения бизнеса, способные оказать сильное воздействие на экономику и рынок труда, потеснить традиционных конкурентов [Alonzo].

Сложившуюся ситуацию некоторые эксперты определяют, как «холостой ход» существующей модели глобализации (*backlash against globalization*) и отмечают, что ее кризис воскрешает худшие призраки XX в.: правый и левый экстремизм, сепаратизм, терроризм, ксенофобию, популизм.

Вместе с тем на ряде направлений глобализационные процессы продолжают развиваться.

Несмотря на торможение в годы кризиса и рецессии, международная торговля в период 2000–2015 гг. заметно возросла, а ее объем по отношению к мировому ВВП вырос

с 51,5% до 58,2%. Особенно интенсивно наращивается экспорт коммерческих услуг, причем в ближайшие 15 лет, как ожидается, его размер утроится. Существенно увеличились прямые иностранные инвестиции, их *сток* (накопленный объем) за последние 10 лет удвоился, достигнув в 2016 г. почти 27 трлн долл. [UNCTAD, p. 226]. Есть веские основания считать, что транснациональная экспансия капитала продолжится.

Новый импульс развитию глобальной экономики призвана придать реализация амбициозного проекта «Один пояс, один путь», продвигаемого Пекином. Этот проект предполагает инвестиции порядка 1 трлн долл. в создание инфраструктурных объектов и способен оживить предпринимательскую деятельность на огромных пространствах Азии и Европы. При этом финансирование будет осуществляться преимущественно через Азиатский инфраструктурный банк и Банк развития БРИКС, то есть финансовые институты, альтернативные МВФ и Всемирному банку. Таким образом, глобализация утрачивает преимущественно атлантический характер, а ее центр тяжести перемещается в другие районы мира.

Главный вопрос заключается в том, может ли глобальная экономика приобрести новое качество и преодолеть, как писал Р.И. Хасбулатов, «жесткие конструкции неолиберал-монетаристской политики» [Хасбулатов, с. 18]. Думается, что в том или ином виде процессы глобализации будут развиваться, поскольку контрпродуктивно тормозить научно-технический прогресс, разрывать сформировавшиеся плотные международные торгово-экономические связи. В логике здравого смысла речь идет не о том, чтобы «выплеснуть с грязной водой ребенка», а о том, чтобы с учетом уроков ипотечного краха в США и кризиса 2008–2009 гг. переосмыслить и скорректировать глобализационные механизмы, поставить их на службу обществу, а не узким элитным слоям.

Необходима не хаотичная и беспорядочная гонка к деглобализированному миру, **чреватая** десятилетиям социально-экономического застоя, а новая инклюзивная модель когнитивной глобализации, адаптированная к решению стоящих перед человечеством долгосрочных стратегических задач.

Литература:

Декларация 25-й встречи лидеров экономик АТЭС. 11 ноября 2017 года. – URL: kremlin.ru/supplement/5253 (date of access: 16.12.2017).

Ипотечный кризис в США. 21.08.2014. – URL: forexchief.com/ru/analytics/economic-articles/mortgage-crisis-usa/ (date of access: 11.12.2017).

Кашин В.А. Мировой финансовый кризис: причины и последствия // Финансы. 2009. № 1. С. 14–19.

Ломская Т. Реформы следующего президента устаревают уже сейчас // Ведомости. 05.12.2017.

Май В.А. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2.

Федеральная таможенная служба. Экспорт-импорт России важнейших товаров в 2009 году. 08.02.2010. – URL: goo.gl/u6хаue (date of access: 11.12.2017).

Хасбулатов Р.И. Закат рыночного фундаментализма. Теории, политика, конфликты. М. 2015.

- Яковлев П.П. Brexit по-испански: причины и последствия каталонского кризиса // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 3. С. 36–51.
- Яковлев П.П. «Фактор Трампа» и меняющийся облик глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 7. С. 5–14.
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017. С. 83–84.
- Alonzo Arroba Á. Globalización, ¿eterno retorno o crisis sistémica? // Política Exterior. Madrid. Septiembre-Octubre de 2017. № 179.
- Amadeo K. Why Trickle Down Economic Works in Theory But Not in Fact. April 29, 2017. – URL: thebalance.com/ (date of access: 10.12.2017).
- Bernanke B. How the Fed saved the economy // The Wall Street Journal. October 4, 2015.
- European Central Bank. How quantitative easing works. – URL: ecb.europa.eu/explainers/show-me/html/app_infografic.en.html (date of access: 17.12.2017).
- Financial Crisis Inquiry Commission. The Report. – URL: fcic.law.stanford.edu/ (date of access: 17.11.2017).
- Girard R. L'absurdité du divorce Europe – Russie // Le Figaro. Paris. 21.11.2017.
- Inside President Trump's Trip to Asia. November 15, 2017. – URL: whitehouse.gov/articles/president-trumps-trip-asia/ (date of access: 11.12.2017).
- Kotler Ph. Confronting Capitalism: Real Solutions for a Troubled Economic System. NY. 2015.
- Lewis M. The Big Short: Inside the Doomsday Machine. NY. 2010.
- Napoleoni L. Maonomics. La amarga medicina china contra los escándalos de nuestra economía. Barcelona. 2011. P. 67.
- OccupyWallStreet. NYC Protest for World Revolution. – URL: occupywallst.org/ (date of access: 10.11.2017).
- One person in three in the world lives in poverty. – URL: oxfam.org/ (date of access: 13.12.2017).
- Palacio V. Después de Obama. Estados Unidos en tierra de nadie. Madrid. 2016. P. 41.
- Sartorius N., De Espinosa E.L., Jordi Bacaria E.C. Relanzar la Union Europea // El País. Madrid. 23.03.2017.
- Sharma R. Breakout Nations: In Pursuit of the Next Economic Miracles. NY. 2012.
- UNCTAD. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. Geneva, United Nations. 2017.
- U.S. National Debt Clock: Real Time. – URL: usdebtclock.org/ (date of access: 18.12.2017).
- Werly R. Emmanuel Macron met l'UE au défi de se réinventer d'ici à 2024 // Le Temps. Lausanne, 26.09.2017.
- Who's afraid of cheap oil? Jan 23rd 2016. – URL: economist.com/node/21688854/print (date of access: 11.12.2017).
- World Economic Outlook. October 2017. Seeking Sustainable Growth: Short-Term Recovery, Long-Term Challenges. Washington: International Monetary Fund. 2017. P. xiii.
- WTO. World Trade Statistical Review 2017. Geneva. 2017.

УДК 323; 327; 336

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ, АЛЕКСАНДР САЛИЦКИЙ

ХІХ съезд КПК: китайская специфика новой эпохи

***Аннотация.** Статья посвящена анализу состояния китайского общества и китайской экономики в связи с решениями, принятыми на прошедшем в октябре 2017 года XIX съезде КПК. Рассматриваются также вопросы внешней политики КНР, в особенности современных российско-китайских отношений, включая некоторые мифы и узловые проблемы в этой сфере. Значительное внимание уделяется внешнеэкономической экспансии Китая и оценке этого процесса с точки зрения интересов России.*

***Ключевые слова:** Китай, XIX съезд КПК, китайская экономика, китайское общество, социальные вопросы, внешняя политика, КНР, РФ, российско-китайские отношения.*

В преамбуле отчетного доклада Си Цзиньпина XIX съезду КПК отмечается, что октябрьский форум китайских коммунистов созван на решающей стадии построения среднезажиточного общества и в ключевой момент вступления социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Если убрать патетику, то речь, на наш взгляд, идет о нескольких крупных социально-экономических процессах, сложное переплетение которых составляет суть происходящих перемен.

Во-первых, в хозяйстве Китая продолжается переход с экстенсивных на *интенсивные факторы* роста и развития. Здесь, в отличие от этапа форсированной модернизации, пришедшейся на годы десятой и одиннадцатой пятилеток (2001–2010), решающими факторами успеха являются рост производительности труда, экономия сырья и ресурсов, внедрение инноваций. В целом экономика страны справляется с новыми задачами.

Во-вторых, страна переживает этап бурной *урбанизации*, которую долгое время сдерживали административными мерами. Похоже, что и на этом направлении КНР удастся в основном справиться с рядом негативных последствий процесса роста городов, выявляя его положительную роль в деле модернизации и расширения спроса.

В-третьих, вслед за успешной индустриализацией в стране развернулась *потребительская* и затем *экологическая революция* – как ответ на возросшие потребности все более взыскательного населения.

***Сведения об авторе:** САЛИЦКИЙ Александр Игоревич – главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, доктор экономических наук; sal.55@mail.ru. ВИНОГРАДОВ Андрей Олегович – ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, кандидат исторических наук; vinangr@mail.ru.*

Наконец, на новом этапе начался массовый *экспорт капитала*, в том числе частного, что само по себе является индикатором перехода на интенсивные факторы развития. Инициирован проект Шелкового пояса и пути – долгосрочная программа роста участия Китая в международных делах.

Все это, вместе с вызовами информационного века, накладывается на неравномерность развития огромной страны, диктуя высокие требования к реформам и преобразованиям, на которых сосредоточен доклад Си Цзиньпина.

Благосостояние населения

Содержательно центральное место в докладе заняли социальные вопросы. Но перед тем как к ним перейти, коснемся одного существенного экономического факта.

Привычным клише комментариев на китайскую тему за рубежами страны стало «замедление экономики Китая». Такого рода комментарии, по нашему мнению, носят поверхностный характер. Действительно, годовые темпы прироста ВВП в 2012–2017 гг. понизились с 7,8 до 6,8% (то, что годовой показатель 2017 г. окажется не ниже этой отметки, не вызывает сомнений). Но поквартальная динамика ВВП (за три квартала она составила, соответственно 6,9, 6,9 и 6,8%) позволяет с полным основанием рассматривать 2017 г. как период некоторого *ускорения* экономического роста, поскольку в 2016 г. он составил 6,7% [Preliminary...].

Противоположная «замедлению» картина выявится более рельефно, если сравнить приросты ВВП в 2012 и 2017 г. в абсолютном выражении. Так, в 2012 г. прирост ВВП (почти достигшего тогда 52 трлн юаней в номинальном выражении) составил **4 трлн юаней**. В 2017 г., когда ВВП Китая оказался равным примерно 80 трлн юаней, его годовой прирост (почти 5,5 трлн) существенно перевесит базовый показатель. Суть дела не изменится, если учесть инфляцию (весьма умеренную) и изменение курса юаня к доллару (тоже умеренное) – скорректированный показатель 2017 г. все равно будет выше **5 трлн юаней**.

Тезис о «замедлении китайской экономики» не вполне соответствует действительности еще по одной важной причине. Средневысокие (по китайской терминологии) темпы экономического роста в 2015–2016 гг. были достигнуты в условиях застоя (или даже кризиса, если считать в долларовом выражении) международной торговли, который ослабил экономическую динамику в самом Китае и заметно ослабил – во многих соседних странах. Иными словами, в плохие для всех времена КНР продолжает приближаться к наиболее развитым странам и по уровню развития экономики, и по уровню доходов.

Но вернемся к докладу Си Цзиньпина. Основным противоречием эпохи в нем признано «противоречие между потребностями народа в хорошей (или даже «прекрасной» – мэйхао, 美好) жизни» и «неравномерностью и неполнотой развития» (вспомним советское определение основного противоречия социализма – между постоянно рас-

тущими потребностями народа и недостаточным уровнем развития производительных сил) [Отчетный...]. Идеи Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой новой эпохи» на прошедшем съезде были включены в Устав КПК как идейная основа партии (наряду с идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, важными идеями тройного представительства и научной концепцией развития – последние два положения отражают вклад в идейные основы КПК предыдущих лидеров, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао). При этом впервые в китайской истории вклад Си Цзиньпина отмечен не только его именем и не только при жизни, но и не дожидаясь его ухода с поста лидера КПК, после первого срока пребывания у власти. Это говорит, конечно, об авторитете нынешнего китайского лидера, но также и о повышенном внимании руководства компартии Китая к социальным проблемам развития общества.

В докладе предлагаются десять мер по решению вышеуказанной проблемы (противоречия).

Во-первых – увеличение доли населения со средним уровнем доходов, то есть того самого среднего класса, доля которого в последнее время в развитых странах постоянно снижается. Увеличение доли среднего класса представляется в Китае «ключом» к «всестороннему построению среднезажиточного общества» и одним из главных путей стимулирования спроса и расширения рынка сбыта товаров внутри страны. Условия для перемещения большего числа людей с низким уровнем доходов в группу населения со средним уровнем доходов предполагается создать путем «оптимизации экономической, производственной, отраслевой и должностной структуры». При этом упор должен делаться на реальный сектор экономики (в рамках широко рекламируемой «реформы сферы предложения»).

Во-вторых – повышенное внимание к уровню жизни так называемых миньгун – рабочих-мигрантов из сельских районов, то есть тех, кто приезжает на заработки из сел в города. По признанию китайских СМИ, склонных занижать соответствующую статистику, число таких людей в последнее время увеличилось с 263 млн человек в 2012 г. до 282 млн – в 2016 г. (рост, на наш взгляд, объясняется не столько ухудшением положения в деревне, сколько либерализацией режима прописки – хукоу – в соответствии с решениями III Пленума ЦК 18-го созыва, прошедшего в 2013 г., и большим охватом этой категории граждан статистикой).

По отношению к рабочим-мигрантам главное – это не столько обеспечить уровень занятости, сколько распространить на них тот уровень социальной защиты, которым пользуются остальные горожане (в сельской местности он намного ниже). То есть обеспечить их медицинским и социальным обслуживанием, предоставить доступ к образованию, включить в рамки пенсионной системы. И таким образом побудить больше тратить, меньше откладывая «на черный день». Это тоже значительный резерв увеличения внутреннего спроса.

Заметим, что в настоящее время минимальная заработная плата в Китае, несмотря на то, что она существенно отличается в различных провинциях, автономных районах

и городах центрального подчинения (соответствующее постановление было издано в 2004 г.), вполне сопоставима с уровнем МРОТ в РФ. А в центральных городах – Пекине, Тяньцзине и Шанхае – она даже выше, чем в Москве и Московской области со всеми надбавками (после последнего повышения – более 2000 юаней, или примерно 20 тыс. рублей; в Шанхае – более 2300 юаней).

В-третьих, на съезде вновь был поднят разговор о том, чтобы ускорить темпы перехода на систему всеобщего пенсионного страхования (в данное время система обязательного пенсионного страхования охватывает лишь работников бюджетных учреждений и государственных предприятий). Старение населения – серьезная проблема, которую в Китае усугубляют стремительная урбанизация (с 2011 г. численность городского населения здесь официально превысила численность сельского) и последствия политики ограничения рождаемости, проводившейся с середины 1970-х годов вплоть до ее фактической отмены на III и V Пленумах ЦК при Си Цзиньпине. Согласно статистике, в конце 2015 г. в Китае проживало 222 млн человек в возрасте 60 лет и старше, на эту возрастную группу приходилось 16,1% населения страны. Понятно, что решение этой проблемы также будет способствовать повышению внутреннего спроса и социальной стабильности.

В-четвертых, в рамках решения Съезда предусматривается полная ликвидация системы зависимости доходов медучреждений от продажи лекарств. Комментаторы подчеркивают, что после отмены действовавшей в течение более 60 лет практики наценок на продаваемые в больницах лекарственные средства доля личных расходов населения в общих расходах на услуги здравоохранения сократилась и составила менее 30%.

В-пятых, предусматривается обеспечение доступа к среднему образованию для большей части новой рабочей силы в городах (имеются в виду уже упомянутые рабочие-мигранты – миньгун).

В-шестых, к 2020 г., когда должно быть построено общество среднего достатка, в Китае предполагается полностью ликвидировать бедность.

В-седьмых – решение экологических проблем, таких как загрязнение воздуха, воды и почвы. Экологические проблемы, как известно, в последние два десятилетия превратились в Китае в серьезную социально-экономическую проблему, представляющую угрозу для стабильности.

В-восьмых – ускоренное строительство жилья с диверсифицированным предложением и страхованием в целях обеспечения каждого жителя страны жильем. Заметим, что уже в 2012 г. Китай по количеству метров жилой площади на человека обогнал Российскую Федерацию. При всех разговорах о приблизительности статистики и относительности измерения «средней температуры по больнице» этот фактор представляется значимым.

В-девятых – осуществление стратегии продовольственной безопасности. Для этого, с одной стороны, предполагается ужесточить контроль и повысить стандарты, с другой – максимально понизить уровень загрязнения для улучшения качества сельскохозяйственного производства.

В-десятых – создание системы услуг по уходу за детьми, матерями и пожилыми людьми.

Перечисленные меры, несмотря на всю сложность их претворения в жизнь и на то, что они отчасти имеют пропагандистский характер, в целом направлены на повышение социальной стабильности и уровня жизни общества. Китай, декларирующий строительство «социализма с китайской спецификой на новом этапе» и «всестороннее построение среднезажиточного общества», является в большей мере социально ориентированным государством, чем сегодняшняя Россия или некоторые государства, которые принято называть «развитыми». И этому не мешает серьезное усиление авторитарности руководства и некоторое «закручивание гаек», предпринимаемое Си Цзиньпином.

Благосостояние населения включает в себя в современном Китае экологию – область, унаследовавшую немало проблем, в том числе от форсированной индустриализации и химизации сельского хозяйства. В отчетном докладе предлагается подходить к решению этих проблем с помощью уже оправдавшего себя принципа «цивилизованного создания окружающей среды». Выделены четыре главных направления работы: развитие «зеленой» экономики, экономия природных ресурсов, защита природных экологических систем и укрепление соответствующей институциональной среды. В стране развернута настоящая экологическая революция, на которую не жалеют средств.

Только в минувшей двенадцатой пятилетке (2011–2015) на экологические цели было выделено 5 трлн юаней (без малого 800 млрд долл.), причем в 2015 г. объем расходов почти в два с половиной раза превысил уровень 2011 г. В декабре 2013 г. сообщалось о новом масштабном плане улучшения качества воздуха в китайских городах. На реализацию этой программы в 2014–2017 гг. ассигновано 1,75 трлн юаней (почти 300 млрд долл.) [China faces...]. Цифры говорят сами за себя.

Внешняя политика

В сравнительно небольшом по объему внешнеполитическом разделе (чуть более двух страниц китайского текста) доклада Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина основное внимание было уделено строительству «сообщества единой судьбы человечества» и характеристике международной обстановки в целом. Что касается межгосударственных отношений, то здесь Си Цзиньпин повторил в кратком виде формулировку, предложенную еще на предыдущем съезде его предшественником - Ху Цзиньтао. В соответствии с этой формулировкой, все страны мира делятся для Китая на три вида: крупные страны (даго 大国), сопредельные страны (чжоубянь гоцзя 周边国家) и развивающиеся (фачжаньчжун гоцзя 发展中国家). Изменился только перевод, предлагающийся китайской стороной для первой группы стран. Если в русскоязычной версии

доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК (2012) это были «развитые страны», то теперь их перевели как «ведущие страны». В отношении них предусматривается, во-первых, «продвигать координацию и сотрудничество», а во-вторых, «установить такие рамки отношений, в которых они бы развивались в целом стабильно и сбалансированно». Заметим, что задача построения с этими странами «нового типа отношений» больше не ставится. То есть она, видимо, считается выполненной.

В отношениях с двумя другими группами стран формулировки, по сути, не изменились, добавилась только концепция «亲诚惠容» (цинъ чэн хуэй жун) по отношению к сопредельным странам, которая переводится как «доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность». Заметим, что она содержит тот же иероглиф 惠, что был использован для характеристики этих отношений и в докладе Ху Цзиньтао. Он означает «милость, благодетельствовать, оказывать честь, пожаловать, удостоить», что не совсем равноценно переводу «взаимовыгодность». Кстати, и первый иероглиф, переведенный как «доброжелательность», имеет значение «родственный», так что перевод тоже не совсем точный.

Хотя тематика российско-китайских отношений на съезде не затрагивалась, он дает лишний повод непредвзято взглянуть на современное состояние двустороннего взаимодействия. Откровенные обсуждения с российскими и китайскими коллегами проблем российско-китайских отношений и внешней политики Китая в свете решений XIX съезда КПК показали, что во взаимодействии двух стран, помимо очевидных достижений, существует немало проблем. При этом несомненно, что отношения с Китаем сегодня – главное направление внешней политики РФ. Китай является ведущим партнером России как в экономической, так и в политической области.

Происходящее в последние несколько лет определенное приукрашивание состояния, характера и существа российско-китайских отношений, возникшее, по нашему убеждению, прежде всего с подачи китайской стороны, мешает видеть существующие проблемы и находить пути и возможности для их решения. Мифологизация российско-китайских отношений, попытка представить их исключительно в безоблачном свете отнюдь не способствует их развитию в направлении долгосрочного сотрудничества.

Один из примеров подобной мифологизации – характеристика нынешнего этапа как «наилучшего в истории отношений» двух стран, которая одно время присутствовала и в заявлениях высшего руководства РФ. Напомним, что в российской историографии «наилучшим периодом» в отношениях наших стран всегда было принято считать первую половину и середину 50-х годов XX в., когда Советский Союз и Китайская Народная Республика были связаны Договором о дружбе, союзе и взаимопомощи. И Советский Союз, в соответствии с буквой и духом этого договора, такую помощь Китаю всемерно оказывал (в КНР она тогда с полным основанием называлась «братской помощью»). Нам кажется, что об этом периоде отношений не стоит забывать (а тем более интерпретировать характер советско-китайских отношений в тот период в духе последующих высказываний Мао Цзэдуна).

Второй миф относительно российско-китайских отношений – это заявления о том, что в 2000-х годах стороны окончательно решили (или «закрыли») вопрос о российско-китайской границе. Действительно, в результате заключения Договора 2001 г. двум сторонам удалось договориться о линии прохождения границы на всех участках, кроме двух островов у Хабаровска. В 2004 г., после проведения размежевания в районе этих островов (имеются в виду острова Тарабаров и Большой Уссурийский), была решена и эта проблема. Однако характер размежевания вызвал неоднозначную реакцию не только со стороны российского населения (посчитавшего, что Россия отдала свои исконные территории китайцам), но и со стороны китайской общественности, до сих пор уверенной, что оба острова должны полностью принадлежать Китаю.

Не стоит забывать и том, что в китайской историографии по-прежнему исходят из позиции, заявленной Мао Цзэдуном в 1964 г., в соответствии с которой Россия в свое время захватила 1,5 млн кв. км китайской территории. Несмотря на то, что в процессе нормализации отношений между нашими странами в 1989 г. было принято решение начать, по словам Дэн Сяопина, «с чистого листа», факт «захвата» Россией огромной территории, которую КНР считает исторически своей, преподносится китайскому населению как «непреложный». И именно в таком ключе изучается в школах и вузах Китая.

Возможно, решению данного вопроса (и снятию соответствующих подозрений российской стороны) могло бы помочь заключение специального договора о границе между нашими двумя странами, в котором стороны заявили бы о том, что существующая граница является окончательной, и подтвердили отсутствие претензий друг к другу. Трактовка российской стороной определенных исторических событий, отличная от позиции китайской стороны, также должна быть зафиксирована документально.

Еще один широко распространяемый миф, часто повторяющийся и с китайской, и с российской стороны, касается совпадения стратегических позиций и интересов России и Китая, вплоть до предложений о заключении военного союза. Тут нужно четко разделять две вещи. Действительно, существует объективное совпадение долгосрочных глобальных интересов наших народов, нуждающихся в мире и развитии, а также в установлении более справедливого порядка в международных делах (включая борьбу за изменение сложившейся мировой финансовой и экономической системы). Однако нельзя не замечать и того, что существуют конкретные (и иногда довольно существенные) различия в позициях двух стран по ряду международных проблем, объясняющиеся их положением и различным местом в системе международных отношений, в том числе в структуре мировой экономики. Не одинаковы и подходы сторон к решению некоторых международных вопросов.

Необходимо не поддаваться магии слов, не заниматься самоуспокоением, а видеть конкретные различия и тщательно с ними работать в пользу сближения позиций и нахождения точек соприкосновения.

Например, когда мы говорим, что «Россия и Китай выступают против попыток отрицания, искажения и фальсификации истории Второй мировой войны и отстаивают ее

итоги» [Российско-китайский... с. 7], не стоит забывать, что не только в ряде западных стран, но и в Китае сегодня активно осуществляется пересмотр истории Второй мировой войны в попытках доказать, что именно Китай понес в ней наибольшие жертвы и внес наибольший вклад в победу над фашизмом и милитаризмом.

Точно так же, когда мы говорим, что «стратегическим консенсусом» двух стран является противодействие международному терроризму, мы не всегда учитываем тот факт, что Россия и Китай вкладывают в понятие международного терроризма разное содержание. В то время как для России это прежде всего ИГИЛ, для Китая главным противником является Исламское движение Восточного Туркестана и другие уйгурские националисты.

То же касается и сотрудничества в сфере безопасности в целом. Например, в опубликованной в январе 2017 г. Белой книге КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР в перечне важных для Пекина механизмов в сфере безопасности ШОС занимает предпоследнее место, а структура ШОС по борьбе с терроризмом – РАТС – не упомянута вообще. А одну из первых строчек по важности в списке занимает новый антитеррористический механизм с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана, который не включает Россию и не связан с ШОС [Российско-китайский... с. 67].

Подобных примеров можно приводить много – серьезные разногласия существуют и по ситуации на Украине и вопросу принадлежности Крыма, и по событиям в Сирии, и по поводу путей и способов «сопряжения» проектов ЕАЭС и Шелкового пояса и пути и др. В очень многих случаях можно обнаружить различия и в подходе сторон, и в понимании причин и следствий происходящих процессов.

Повторим, это не мешает искать точки соприкосновения, совсем наоборот: только при фиксации различий можно находить то общее, главное, что нас сближает. Китай сегодня – наиболее важный партнер РФ на международной арене, что обусловлено не только ухудшением отношений России со странами Запада, но и сложившейся международной ситуацией в целом. Однако не следует забывать, что это крайне сложный партнер, преследующий в мировой политике свои собственные интересы и умеющий их жестко отстаивать. И эти интересы далеко не всегда и не во всем совпадают с интересами России.

Экономическая экспансия

Официальный Пекин обычно негативно воспринимает понятие «экспансия» применительно к собственной политике. Но факт есть факт: интенсификация экономического роста в Китае, как и в других странах, сопровождается массивным вывозом капитала, вольной или невольной китаизацией окрестностей Поднебесной. В текущем десятилетии вслед за государственными корпорациями на внешние рынки устремились частные инвесторы: их доля в прямых зарубежных инвестициях выросла с 10% в 2010 г. до 40% в 2016 г., когда КНР превратилась в нетто-экспортера капиталовложений, составивших свыше 170 млрд долл.

В этом есть свои минусы: массовый отток капитала из КНР в середине десятилетия нарушил высоко ценимую в Пекине стабильность. После проседания биржевых показателей весной – летом 2015 г. началось снижение курса юаня к доллару, в свою очередь усилившее вывод денег из китайского хозяйства. В 2015–2016 гг. значительно, на 800 млрд долл., сократились валютные резервы, в результате в ноябре 2016 г. регулятор прибег к дополнительным ограничениям движения капитала. Ситуация постепенно выровнялась, летом 2017 г. возобновился рост курса юаня, стали вновь увеличиваться валютные резервы.

Видимо, сознавая неизбежность крупных транснациональных перемещений китайского капитала, Пекин старается сделать их более плавными и географически более диверсифицированными. Именно в таком контексте можно трактовать инициирование в 2013 г. программы Шелкового пояса и пути. Движение на запад, в том числе в западные регионы самого Китая, являющиеся внутренней, пока еще мало освоенной периферией страны, хорошо укладывается и в геополитические представления, в том числе связывание римленда и хартленда. Понятно желание Пекина сократить разрывы и диспропорции между континентальными и прибрежными регионами, виден и расчет на реализацию мощного потенциала строительного комплекса Поднебесной за пределами страны. Разумеется, в этом движении заметно желание стабилизировать внешнее окружение Китая.

Шелковая программа постепенно набирает темпы: китайская официальная печать с удовлетворением отметила, что за первые восемь месяцев 2017 г. взаимная торговля Китая и ведущих евроазиатских стран «пояса и пути» увеличилась на 40% – до 84 млрд долл., а прямые зарубежные инвестиции КНР на этом направлении составили 9,6 млрд долл., причем их рост был выше предыдущих показателей в Камбодже, Лаосе, Малайзии и России [Сайт Шелкового...].

Успешная внешнеэкономическая экспансия и экспорт капитала в наши дни невозможны без соответствующего информационного и политического сопровождения. В этом отношении КНР несколько отстала за годы терпеливого, расчетливого и скромного накопления сил. Вывозу капитала из Китая способствует структурная перестройка экономики страны: в частности, широко развернувшаяся экологическая революция ведет к переносу за рубеж грязных, энергоемких и материалоемких производств, а также отдельных видов трудоемкой промышленности.

Период накопления сил в начале нынешнего века вывел Китай в число мощных производителей строительно-подрядных работ за рубежами страны. Особенно заметно это в странах Африки, где происходил своеобразный обмен доступа к местным источникам сырья на новую инфраструктуру. Железные дороги, автомагистрали, аэродромы, спортивные, медицинские, образовательные и культурные объекты, каналы и линии коммуникаций, портовые сооружения и топливные хранилища, электростанции, шахты и прииски – все это и многое другое возводится китайскими организациями в сжатые сроки, за умеренную плату. Немалую роль в китайских программах играет подготовка местных кадров средней квалификации – строителей, техников, механизаторов и т.д.

Вузы Китая, в свою очередь, предоставляют бесплатные места выходцам из африканских государств.

Одной из несущих идейных конструкций разворачивающейся китайской экспансии является давно укорененное в международной стратегии этой страны представление о полицентричном мире. Здесь уместно вспомнить теорию «трех миров», в том или ином виде предлагавшуюся Мао Цзэдуном начиная с середины 1940-х годов (в полном виде она была сформулирована Мао в 1973 г. и изложена Дэн Сяопином на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1974 г.). Тенденция к полицентризму мира, образовавшегося после холодной войны и выглядевшего тогда скорее монополярным, была признана зигзагообразной на XVI съезде КПК (2002 г.) и определена как *необратимая* на следующем форуме китайских коммунистов в 2007 г. В нынешнем же десятилетии Китай с полным основанием рассматривает себя как сложившийся мощный центр силы. Об отношениях Пекина с Вашингтоном можно говорить как о зародившейся основе биполярности в полицентричной международной политике [Барский, с. 28]. Полицентризм же в трактовке XIX съезда «всесторонне развивается» [Отчетный...].

Странам, вовлеченным в различные форматы совместного развития с КНР, стоит понять, что альтернативных путей активизации международного делового сотрудничества не так уж много. Связи с Китаем, их своевременная критика и совершенствование перспективны уже ввиду набравшего силу научно-технического комплекса Поднебесной, способного преподнести своим партнерам технологии самого высокого уровня, а также по причине умения китайских финансистов изыскивать «длинные» деньги, позволяющие осуществлять долговременные проекты развития, в том числе создания дорогостоящей инфраструктуры.

Включенность России в значительную часть китайских международных проектов, в числе которых, разумеется, «пояс и путь», представляется в целом весьма благоприятным фактором для народнохозяйственных и политических интересов нашей страны. Налицо многочисленные ситуации взаимного интереса и стимулирования – и далеко не только в традиционной топливно-сырьевой области. Перспективное двустороннее сотрудничество охватывает высокотехнологичные проекты в транспортной сфере и логистике, крупные перерабатывающие производства, комплексные схемы взаимодополняющего характера. Помогает и адресность китайской программы: например, регионы верхнего и среднего течения Янцзы ориентируются на сотрудничество с поволжскими регионами РФ [Vision..., с. 32]. Приток китайского капитала в Россию, который теперь вписывается еще и в инфраструктурные проекты Шелкового пояса и пути, только начинается. Несмотря на многочисленные и часто противоречащие друг другу цифры, приводимые официальными чиновниками, прежде всего с российской стороны, реальные китайские инвестиции в РФ продолжают оставаться крайне незначительными. Адаптация этого капитала, его привлечение и контроль на соответствие стратегическим задачам развития России – важное и многообещающее направление, отвечающее развитию интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе. Приобщить китайский фактор к числу интегрирующих в этом объединении – соблазнительная, но отнюдь не простая задача.

Литература:

- Барский К.М., Салицкий А.И.* Полицентризм современного мира и новая биполярность как возможный сценарий глобального развития // Мир и политика. 2012. № 7 (70).
- Отчетный доклад ЦК КПК на XIX съезде // Russian.china.org.cn. 04.11.2017. – URL: russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752.htm (дата обращения: 25.12.2017).
- Российско-китайский диалог: модель 2017 / Лузянин С.Г. (рук.) и др.; Чжао Х. (рук.) и др. Российский совет по международным делам. М. 2017.
- Сайт Шелкового пояса и пути: eng.yidaiyilu.gov.cn/qwyw/rdxw/40156.htm (дата обращения: 25.12.2017).
- China faces \$176bn bill to clean up air // The Guardian. 20.12.2013. – URL: theguardian.com/environment/2013/dec/20/china-bill-clean-air-pollution (date of access: 25.12.2017).
- National Economy Sustained the Momentum of Stable and Sound Development in the First Three Quarters of 2017 // National Bureau of Statistics of China. 19.10.2017. – stats.gov.cn/english/PressRelease/201710/t20171019_1543772.html (English); stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201710/t20171019_1543751.html (Chinese) (date of access: 12.12.2017).
- Preliminary Accounting Results of GDP for the Second Quarter and the First Half of 2017 // National Bureau of Statistics of China. 18.07.2017. – URL: stats.gov.cn/english/PressRelease/201707/t20170718_1514198.html (English); stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201707/t20170718_1513926.html (Chinese) (date of access: 12.12.2017).
- Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. Beijing: Foreign Languages Press. March 2015.

УДК 327; 323

Борис ДОЛГОВ

Страны Магриба после Арабской весны. Тунис и Алжир

Аннотация. В статье рассматриваются итоги протестных движений Арабской весны (2011–2013) на примере наиболее значимых стран Магриба – Алжира и Туниса. Анализируются предпосылки протестов, развитие и итоги этих событий. Автор приходит к выводу, что феномен Арабской весны, одним из результатов которого стало значительное укрепление исламистских сил, ознаменовал собой начало нового этапа в социально-политическом развитии арабо-мусульманского мира. Несмотря на военное поражение радикального исламизма в Сирии и Ираке в 2017 г., исламистская идеология, в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса во многих арабо-мусульманских странах, продолжит оказывать значительное влияние на социально-политические процессы.

Ключевые слова: Арабская весна, Магриб, Тунис, Алжир, мусульманский мир, исламистское движение, исламизм, радикальный исламизм, экономический кризис.

Алжир

В Алжире существовали социально-экономические проблемы, аналогичные тем, что явились причинами возникновения протестных движений в других странах арабского мира. А именно: низкий уровень жизни значительной части населения, коррупция властей, высокий процент безработных, особенно среди молодежи, и как следствие – невозможность для значительной ее части занять достойное место в обществе и создать семью. Безработица, хотя и существенно снизилась по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около 29%), в 2010 г. – 2013 гг. достигала 10% [Mehdi, p.125]. Это цифра в среднем по Алжиру, в ряде регионов она была выше. Среди молодых людей до 25 лет доля безработных поднималась до 50%. Жилищно-коммунальное хозяйство во многих городах находилось в кризисном состоянии. По ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) Алжир занимал 126-е место в мире. Ниже уровня бедности (доход менее 2 долл. США в день), по официальным данным, жило 15% населения (по другим данным – 23%). Продолжался рост цен (инфляция, по официальным данным, составляла 3,5%), за которыми явно не успевало повышение зарплаты, гарантированный минимум которой был равен примерно 120 евро в месяц. Наблюдался рост преступности. В некоторых районах Алжира криминальные банды смыкались с радикальными исламистскими группировками. Продолжалось расслоение общества.

Сведения об авторе: ДОЛГОВ Борис Васильевич – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доктор исторических наук; dolgov.boris@list.ru.

Нерешенность социально-экономических проблем наряду с воздействием начавшейся Арабской весны стали катализаторами протестных выступлений. Уже в 2010 г. они имели место в таких крупных городах, как Алжир, Оран, Беджая. В основном в них участвовала молодежь, в наибольшей степени страдавшая от кризисных явлений.

В январе 2011 г. манифестации начались в квартале Баб аль-Уэд алжирской столицы, населенном в основном представителями неимущих слоев, и были направлены против прогрессирующей дороговизны жизни, безработицы, нехватки жилья. Вскоре они распространились на другие регионы страны. Волнения, сопровождавшиеся столкновениями с полицией, охватили 20 из 48 вилай (областей) Алжира. В 2010–2011 гг. Главным управлением национальной безопасности Алжира было зарегистрировано более тысячи «уличных манифестаций протеста, многие из которых принимали форму столкновений с силами правопорядка» [Securite...].

Алжирские власти достаточно оперативно отреагировали на «обеспокоенность общества и желание реформ» (так описывала протестные выступления алжирская официальная пресса). С 1 января 2012 г. минимальная гарантированная заработная плата увеличивалась до 18 тыс. алжирских динаров (примерно 175 евро) в месяц. С 2008 по 2012 г. зарплата госслужащих была увеличена в два раза. В апреле 2011 г. президент Бутефлика отменил режим чрезвычайного положения, действовавший в Алжире почти 20 лет, с момента начала вооруженного противостояния радикальных исламистов с властями, и провозгласил план реализации «глубоких политических реформ, имеющих целью ускорить движение по демократическому пути» [Le Plan...]. Правительству поручалось выработать новые редакции законов о выборах, о статусе политических партий, о месте женщины в выборных органах власти, – для дальнейшей их передачи на рассмотрение парламента. Наряду с этим были подготовлены законы об ассоциациях (с целью расширить представительную демократию), о статусе вилайи (областной орган власти) для расширения прав органов местного самоуправления и о СМИ. Что касалось поднимавшегося некоторыми партиями вопроса о светском государстве, то он был снят с повестки дня подтверждением статьи 2 действующей конституции, провозглашавшей ислам государственной религией.

По самым важным аспектам намеченных реформ во всех регионах Алжира были организованы обсуждения, которые транслировались по национальному телевидению. Они сыграли позитивную роль, подробно ознакомив алжирское общество с новыми концепциями.

В то же время осуществлялись меры, направленные на расширение системы местного самоуправления и улучшение социально-экономической ситуации. В частности, существенным образом повышалась роль местных органов власти. На основании разработанных Министерством внутренних дел поправок к статусу баладий и вилайи (районных и областных органов власти) их бюджет увеличивался почти в десять раз [Le Ministère...]. В ходе реализации Программы социально-экономического развития Алжира (2009–2014 гг.) к середине этого периода было построено около 500 тыс. единиц жилья (из запланированных 1100 тыс.), улучшено снабжение населения природ-

ным газом, электроэнергией, питьевой водой, повышено качество здравоохранения, всех уровней образования, профессиональной подготовки и обустройства территорий городов и деревень. В рамках дальнейшего решения жилищной проблемы в области Митиджа (40 км к западу от столицы) продолжалось строительство нового города Сиди Абдалла, рассчитанного на 200 тыс. жителей. В этом же районе планировалось строительство еще трех городов. Финансирование данных проектов намечалось осуществить, в частности, за счет увеличения добычи углеводородных энергоносителей на 50%.

Для дальнейшего развития мусульманского образования и повышения роли мечетей в достижении гражданского согласия была проведена реформа подготовки имамов. Ее задачей было не допустить превращения мечетей в инструмент пропаганды радикального исламизма (как это произошло в 1990-е годы) и продолжить интеграцию умеренного исламистского движения в действующую политическую систему.

Перечисленные мероприятия властей способствовали уменьшению социального напряжения в алжирском обществе. Оппозиционным силам (партиям системной оппозиции, диссидентам из внесистемной оппозиции и радикальным исламистским группировкам), пытавшимся использовать социально-экономические проблемы для реализации алжирского варианта Арабской весны, сделать это не удалось. Большинство алжирских граждан отвергло исламистскую идеологию и лозунг создания «исламского государства» – притом что в 1990-х годах «исламский проект» пользовался известной популярностью. Курс руководства Алжира, направленный на восстановление национального согласия, решение социально-экономических проблем и развитие демократических процессов, был поддержан значительной частью населения.

Президентская кампания 2014 г. явилась важным этапом в общественно-политическом развитии Алжира и своеобразным испытанием для алжирского истеблишмента. В связи с преклонным возрастом действовавшего президента Абд аль-Азиза Бутефлики (род. в 1937 г.) и состоянием его здоровья (в 2013 г. он перенес инсульт) для правящей группировки и для него самого возникла дилемма: идти на четвертый президентский срок или выдвинуть нового лидера. Решение реализовать первый вариант принял сам президент, продолжавший оставаться, пожалуй, единственной харизматичной фигурой на алжирской политической авансцене. В результате прошедших 17 апреля 2014 г. в Алжире президентских выборов руководитель правящей партии «Фронт национального освобождения» (ФНО) Абд аль-Азиз Бутефлика получил четвертый президентский мандат (2014–2019 гг.), будучи поддержан 81,53% голосов избирателей [Puchot]. Он намного опередил остальных пятерых претендентов на президентский пост. Али Бенфлис, бывший премьер-министр и бывший генеральный секретарь ФНО, получил 12,18%, Абдель Азиз Белаид, председатель партии «Фронт Мустакбаль» («Фронт будущего», ФМ) – 3,36%, Луиза Ханун, генеральный секретарь «Партии трудящихся» (ПТ) – 1,37%, Али Фавзи Ребаян, президент партии «Ахд 54» («Клятва 54») – 0,99%, Муса Туати, президент партии «Национальный алжирский фронт» – 0,56% [Ibid].

Президентские выборы, признанные наблюдателями Европейского союза (ЕС), Лиги арабских государств (ЛАГ) и Организации исламского сотрудничества (ОИС) соответству-

ющими международным демократическим нормам, укрепили государственность Алжира. В то же время они выдвинули на политическую авансцену новые фигуры. Это прежде всего Али Бенфлис, занявший второе место, и Абдель Азиз Белаид, завоевавший третье.

Али Бенфлис (род. в 1945 г.) участвовал в президентских выборах 2004 г. и получил примерно такое же число голосов избирателей. А вот Абдель Азиз Белаид (род. в 1963 г.) явился настоящим феноменом выборов 2014 г. Он создал свою партию ФМ всего за два года до них, в 2012 г. Тем не менее в том же году на муниципальных и парламентских выборах его партия сумела получить 890 мест в местных выборных органах власти, два депутатских кресла в нижней палате алжирского парламента (Национальной народной ассамблеи) и одно место в верхней палате (Сенате).

Абдель Азиз Белаид еще в юношеские годы начал свою политическую карьеру, вступив в Национальный союз алжирской молодежи и вскоре став его генеральным секретарем. Затем он руководил Национальным союзом алжирских студентов. По воспоминаниям его коллег, уже тогда Белаид вынашивал амбициозные планы стать президентом. В 1986 г., в возрасте 23 лет, он по рекомендации Али Бенфлиса был избран в Центральный комитет правящей партии ФНО, став самым молодым его членом. Дважды (в 1997–2002 и 2002–2007 гг.) Белаид избирался депутатом парламента от партии ФНО. Он – доктор юридических наук, женат, имеет пятерых детей.

В 2011 г. Белаид вышел из ФНО и сформировал свою партию «Фронт Мустакбаль», программа которой во многом схожа с программой ФНО. Она провозглашала развитие Алжира как демократического суверенного государства, верного принципам национально-освободительной революции 1954 г. Значительную часть сторонников Белаида составляла молодежь. Их проблемам ФМ уделял особое внимание, учитывая, что более половины населения Алжира – молодые люди моложе 30 лет.

Несмотря на то, что Али Бенфлис и Абдель Азиз Белаид выступали оппонентами Бутефлики на президентских выборах, идеологически они являются преемниками политического курса руководства ФНО.

Что касается политической оппозиции, после завоевания блоком партий президентской коалиции (ФНО и «Национально-демократическое объединение» – НДО) на парламентских выборах 2012 г. подавляющего большинства депутатских мест (291 из 462) она теряла свое влияние. Легально действовавшие исламистские политические силы, не прошедшие в парламент, представляли собой конгломерат из немногочисленных партий и группировок, зачастую враждовавших между собой и не имевших общей программы. Попытка лидера наиболее влиятельной умеренно-исламистской партии «Движение общества за мир» (ДОМ) Абд ар-Разака Мокри объединить политические силы и выдвинуть единого кандидата на президентских выборах не увенчалась успехом ввиду личных амбиций многих кандидатов.

В 2010–2017 гг. Алжир восстановился в роли важного субъекта мировой политики. Он был непостоянным членом СБ ООН и ассоциированным членом Европейского сою-

за (ЕС). Алжир занимал лидирующие экономические и военно-политические позиции в Магрибе и являлся региональным центром силы, одной из ведущих стран арабского мира и одним из наиболее влиятельных членов Лиги арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Африканского союза (АС), стран ОПЕК.

Отношения Алжира с ЕС, особенно с Францией, несколько ухудшились после начала Арабской весны, к которой руководство страны относилось достаточно настороженно. Алжир также осудил военную акцию НАТО в Ливии и высказывался против иностранного военного вмешательства в Сирии. Однако после визита в Алжир в мае 2012 г. президента Франции (итогом этого визита стало подписание Декларации о стратегическом сотрудничестве между двумя странами) и поддержки, оказанной Алжиром военной операции, предпринятой Францией против экстремистских исламистских группировок в Мали в январе 2013 г., франко-алжирские отношения заметно улучшились. Поддерживался позитивный настрой и в отношениях с другими странами ЕС, а также с США, со спецслужбами которых Алжир взаимодействовал в борьбе с международным терроризмом. В свою очередь страны Запада, заинтересованные в поставках углеводородных и иных ресурсов из Алжира, не поддерживали здесь (как это имело место в Ливии и Сирии) какие-либо оппозиционные движения, считая алжирский правящий режим лояльным. Это также было важно для устойчивости алжирской власти в условиях негативного влияния Арабской весны.

Что касается отношений Алжира с Россией, они традиционно носили дружественный и партнерский характер. Наряду с совместными проектами в нефтегазовой сфере продолжалось сотрудничество в космической области, металлургии, электроэнергетике, информационных технологиях и военно-технической сфере. В рамках подписанной в 2001 г. между Алжиром и РФ Декларации о стратегическом партнерстве осуществлялась работа совместной алжирско-российской группы по борьбе с терроризмом и по вопросам безопасности. Для России продолжение и углубление курса на сотрудничество с Алжиром в данных областях было стратегически важным направлением внешней политики.

Арабская весна оказала значительное влияние на общественно-политическую ситуацию в Алжире. Но эта ситуация существенно отличалась от ситуации в других странах, затронутых Арабской весной (например, в Тунисе и Египте).

Прежде всего, Алжир уже пережил свою «весну» в 1990-х годах, и ее негативным результатом стало многолетнее противостояние с радикальными исламистскими группировками, которые продолжали террористическую деятельность. Поэтому алжирское общество в большинстве настороженно относилось к «революционным» изменениям, могущим привести к повторению «черного десятилетия» исламистского террора 1990-х.

Далее, если в Тунисе и Египте значительная часть общества поддержала движения социального протеста, которые затем использовали исламистские силы для прихода к власти, то в Алжире этого не произошло. Одна из причин – слабость и разобщенность оппозиции. Силы, провозглашавшие светские лозунги и требовавшие демократизации и смены правящего режима – партия «Объединение за культуру и демократию» (ОКД)

и ее сторонники, – не пользовались широкой поддержкой населения. Большая часть умеренных исламистов была представлена в парламенте и поддерживала президентский курс. Все легально действующие умеренные исламистские партии провозгласили приверженность демократическим принципам и исключили из политических программ пункт о создании «исламского государства».

Наконец, если в Тунисе, Египте, а также в Йемене и на Бахрейне протестующие выступали против коррупции правящей верхушки, nepотизма, произвола властей и отсутствия реальных демократических свобод, то Алжир эти проблемы затрагивали в меньшей степени. По инициативе президента Бутефлики проводились кампании по борьбе с коррупцией, имевшие определенные результаты и положительный резонанс в обществе. С конца 1980-х годов в стране существовали система многопартийности и альтернативных выборов на всех уровнях, а также достаточно свободные, по сравнению с другими арабскими странами, СМИ.

Что касается радикального исламизма, к началу 2010-х годов его силы в Алжире были представлены достаточно немногочисленными группировками, способными совершать лишь отдельные террористические акты и не пользовавшимися сколь-нибудь значительной поддержкой населения. Однако в результате событий Арабской весны, вмешательства в ее процессы внешних сил, приведших к краху режима Каддафи в Ливии, и распространения радикального исламизма на соседние государства произошло его усиление и в Алжире. Вооруженные исламистские группировки стали одним из главных вызовов для алжирских властей. Нельзя отрицать и наличия в алжирском обществе диссидентски настроенной части, особенно среди молодежи, которая составляла половину населения Алжира и в наибольшей степени страдала от нерешенности социально-экономических проблем.

Политическая оппозиция попыталась объединить свои силы на конференции, прошедшей в столице Алжира в апреле 2016 г. Почетным президентом конференции стал ветеран алжирского национально-освободительного движения Али Яхья Абденнур (род. в 1921 г.), экс-министр в правительстве президента Хуари Бумедьена. Наиболее значительными политическими силами, представленными на конференции, были партия «Авангарды свобод» (руководимая упоминавшимся Али Бенфлисом) и умеренно-исламистская партия «Движение общества за мир» (ДОМ) во главе с Абд ар-Разаком Мокри, которая покинула президентскую коалицию и перешла в оппозицию.

В результате прошедших в мае 2017 г. парламентских выборов правящие партии президентской коалиции (ФНО и НДО), хотя и получили большинство в парламенте, завоевав, соответственно, 164 и 100 депутатских мест (из 462), потеряли по сравнению с выборами 2012 г. 24 места. Партия ДОМ, выступая в оппозиции, сумела сохранить прежний уровень поддержки избирателей, получив 33 места. Потери понесли «Партия трудящихся» (11 мест против 20 на выборах 2012 г.) и «Фронт социалистических сил» (14 против 21). С учетом снижения явки с 42,90% в 2012 г. до 35,37% в 2017 г. [Les resultants...] результаты парламентских выборов продемонстрировали определенную потерю доверия избирателей к политическим силам, представленным в парламенте.

Серьезной проверкой зрелости алжирского политического истеблишмента, как и общества в целом, могут стать президентские выборы 2019 г., в которых достаточно проблематично участие действующего президента Абд аль-Азиза Бутефлики. В этом случае властной группировке необходимо будет выдвинуть нового лидера, харизма которого будет сопоставима с харизмой Бутефлики.

Тунис

Если ретроспективно сравнить ситуацию в Тунисе перед началом Арабской весны 2010–2011 гг. с ситуацией «алжирской весны» конца 1980-х годов – антиправительственных протестов, приведших к подъему исламистского движения, – то можно отметить, что в обеих странах главной составляющей движущих сил в протестных акциях являлась в основном безработная молодежь.

В Алжире это были так называемые «хиттисты»¹, безработные и частично безработные, протестовавшие в связи с нерешенностью острых социально-экономических проблем и коррупционным характером правящего режима. Они в массе поддерживали исламистское движение во главе с Исламским фронтом спасения (ИФС), ставшее главной оппозиционной силой в Алжире в 1990-е гг. Протест был облачен в религиозную форму, с лозунгом создания «исламского государства». Как заявляли лидеры ИФС, в таком государстве, созданном на основе справедливых исламских законов, будут решены все социально-экономические проблемы. Радикализация ИФС привела к длительному вооруженному противостоянию исламистов с властями.

В Тунисе диссидентская молодежь на первом этапе манифестаций Арабской весны также протестовала против нерешенности социально-экономических проблем и коррумпированного «полицейского государства». Но она, в отличие от алжирской, выступала за создание демократической государственно-политической системы. Исламизм в протестных манифестациях в Тунисе в 2010–2011 гг. не являлся главной движущей силой.

Тем не менее влияние исламистской идеологии в этот период в Тунисе, как и в других арабских странах, усиливалось. Это проявлялось в самых разных формах. Например, в появлявшихся на улицах Туниса девушках в *хиджабе* (мусульманский платок) часть тунисских исследователей видела «облачка, предвещающие грозу» [Долгов Динамика... с. 20]. Профессор-политолог Калифа Шатер, вице-президент тунисской «Ассоциации международных исследований», назвал в беседе с автором этих строк данное явление «спящим исламизмом, который может в какой-то момент проснуться» [Беседа...].

Социальный протест, вылившийся в массовые демонстрации и столкновения с полицией в ряде городов Туниса (в основном в них участвовали безработная молодежь

1 Термин «hittiste», означавший на алжирском диалекте «подпирающий стену», произошел от слияния арабского слова «хит» (стена) и французского суффикса «iste». Хиттистами в Алжире называли людей, стоявших вдоль стен в ожидании работы.

и неимущие слои населения), начался в середине декабря 2010 г. В городе Сиди Бузид поводом послужило то, что один из жителей, доведенный до отчаяния произволом властей, совершил акт самосожжения. Отсюда протесты стали распространяться на другие города. Пытаясь их подавить, полиция применила огнестрельное оружие, в результате чего появились жертвы среди манифестантов.

Несмотря на то, что президент Бен Али отправил в отставку мэра Сиди Бузида и министра внутренних дел, протесты усиливались и вскоре начались в столице. В Тунисе было введено чрезвычайное положение, объявлен комендантский час, в столицу были направлены армейские части. Однако эти меры не привели к стабилизации ситуации. Если ранее демонстрантами выдвигались социально-экономические требования, то теперь уже превалировали политические, с требованием немедленной отставки президента Бен Али. Начальник генерального штаба тунисской армии Рашид Аммар отказался выполнить приказ Бен Али применить оружие против манифестантов. Позиция командования армии, не поддержавшего президента, оказалась наиболее важным фактором в крахе правящего режима. Потеряв поддержку армии, режим Бен Али был обречен. 14 января 2011 г. Бен Али досрочно сложил с себя обязанности президента и покинул страну (экс-президента приняла Саудовская Аравия)¹.

В результате первых после свержения режима Бен Али свободных парламентских выборов 23 октября 2011 г., согласно заявлению главы тунисского Избирательного комитета, наибольшее число депутатских мест – 90 (из 217) – завоевала возглавлявшаяся видным исламистским деятелем Рашидом аль-Ганнуши² Партия возрождения

1 По свидетельствам очевидцев, шеф политической полиции генерал Али Сериати, руководивший президентской охраной, и супруга президента Лейла Трабелси принудили Бен Али вылететь в Саудовскую Аравию. Президент был ослаблен болезнью – раком простаты, поэтому влияние супруги и Али Сериати на него было достаточно значительным. Причем Бен Али заявлял, что он вернется в Тунис.

2 Рашид аль-Ганнуши родился в 1942 г. в районе оазиса Эль-Хамма на юге Туниса в многодетной небогатой семье. Закончив школу, Рашид аль-Ганнуши изучал философию в Дамасском университете. Затем он уехал на заработки во Францию, где продолжил обучение в университете Сорбонны. Вернувшись в Тунис, он с 1970-х годов участвовал в исламистском движении, став одним из его идеологов и лидеров. Ганнуши являлся основателем движения исламской направленности, переименованном позже в Партию возрождения. Разделяя концепции «Братьев-мусульман», Ганнуши выступал против отделения церкви от государства и поддерживал лозунг создания «исламского государства» с помощью движений политического ислама и даже джихада. Находясь со своими сторонниками в Алжире в 1990 г. в период массовых антиправительственных выступлений алжирского Исламского фронта спасения (ИФС), Ганнуши активно поддерживал его действия и участвовал в совещаниях руководства ИФС. В Тунисе Ганнуши подвергался судебным преследованиям, в том числе по обвинению в попытке государственного переворота, за что отбывал тюремное заключение (в 1981–1984 и 1987–1988 гг.). Получив в 1993 г. в Англии политическое убежище, Ганнуши продолжал пропаганду исламистских идей. Он участвовал в ежегодных форумах «Встречи мусульман», организуемых французскими мусульманскими деятелями во Франции. В 2005 г. Ганнуши был избран представителем «Братьев-мусульман» в Европе. Он был также членом Европейского совета по фетвам и исламским исследованиям. После крушения режима Бен Али в 2011 г. Ганнуши вернулся в Тунис, где воссоздал исламистскую «Партию ан-Нахда», переименованную впоследствии в «Движение ан-Нахда» [Долгов Феномен...; Godard].

(«Хизб ан-Нахда»), за которую проголосовали 40,1% избирателей. На втором месте (30 мест) – партия «Конгресс за республику» (КЗР). За нее отдали голоса 13,82%. Ее председателем был Монсеф Марзуки, давний противник режима Бен Али, прошедший многие годы в эмиграции во Франции. Он позиционировал себя как сторонника социал-демократических концепций. На третьем месте (21 депутатское место) – партия «Демократический форум за труд и свободы» («Такаттуль»), также провозглашавшая светские и демократические принципы. Ее поддержали 9,68% избирателей [На парламентских...].

Данные три партии образовали коалицию, так называемую «Тройку», которую возглавило «Движение ан-Нахда». Коалицией были сформированы временные органы исполнительной и законодательной власти. Премьер-министром, обладавшим реальной властью, стал представитель «Движения ан-Нахда» Хамади Джебали; президентом (исполняющим в основном представительские функции) – председатель партии КЗР Монсеф Марзуки; спикером парламента – председатель партии «Такаттуль» Мустафа Бен Джафар.

Партии политического ислама присоединились к протестным выступлениям против режима Бен Али не сразу. Тем не менее после свержения диктаторского режима именно «Движение ан-Нахда» вышло на политическую авансцену Туниса. Поддержка исламистов значительной частью населения была обусловлена, в частности, тем, что в них видели силу, реально борющуюся с диктаторским режимом, своеобразных мучеников, пострадавших от его репрессий. Так, тунисский писатель и общественный деятель, член политического блока «Народный фронт» Абдалла Ахмед в беседе с автором отмечал, что многие тунисцы голосовали за кандидатов «Движения ан-Нахда» не потому, что разделяли идеологию «политического ислама», а потому, что видели в них подлинных борцов с коррумпированным диктаторским режимом Бен Али.

Однако у исламистских лидеров возобладала тенденция к монополизации власти и реализации суннитского «исламского проекта». Рашид аль-Ганнуши заявлял, что его партии необходимо «поставить под контроль все государственные механизмы, в том числе армию и службу безопасности» [Ghannouchi...]. На практике «Движение ан-Нахда», став правящей партией в «Тройке», активно продвигало своих сторонников на ключевые посты на всех уровнях администрации в центральных органах власти, провинциях и муниципалитетах. Так происходило в министерстве иностранных дел (министром стал зять Рашида аль-Ганнуши), большинстве посольств и консульств, министерстве внутренних дел и других силовых ведомствах, а также в СМИ (включая национальное телевидение и официальный государственный печатный орган *Journal Official*) и, наконец, в ключевых структурах экономики и бизнеса – например, в Тунисской электрической и газовой компании. За восемь месяцев, прошедших после победы на выборах, «Движение ан-Нахда» реализовало около 1200 назначений своих сторонников [Rafale...].

Действия исламистов вызвали разочарование и недовольство политических сил, которые принимали участие в свержении диктаторского режима. Они чувствовали

себя оттесненными от реальной власти и принятия решений по дальнейшему развитию страны. Политика исламистских лидеров вызывала обеспокоенность и протест той части населения, которая стремилась сохранить светские ценности. Эта ситуация вела к размежеванию в обществе и усилению социальной напряженности.

Одним из последствий прихода во власть суннитского исламистского «Движения ан-Нахда» стало появление на политической сцене сил, исповедовавших более радикальные концепции политического ислама – такие как салафизм¹ и такфиризм². Радикальные суннитские группировки провоцировали столкновения между различными конфессиями и политическими оппонентами. Seriously дестабилизировали внутреннюю ситуацию в Тунисе убийства в 2013 г. двух лидеров светского леводемократического движения: Шукри Белаида, одного из руководителей политического блока «Народный фронт», Генерального секретаря партии «Движение патриотов-демократов», и Мухаммеда аль-Брахими, члена парламента, координатора леводемократического парламентского блока. Ш. Белаид и М. Брахими резко выступали против исламизации Туниса и действий правящего исламистского руководства, что, в свою очередь, вызвало критические выпады в их адрес и угрозы со стороны исламистов. Многие тунисцы обвиняли в организации этих убийств «Движение ан-Нахда» и его военизированные «Национальные лиги в защиту революции», а также такфиристскую нелегальную группировку «Ансар аш-шариа» («Воины шариата»).

Для отпора радикальным исламистам в Тунисе сформировался альянс светских и демократических политических сил. Его представляла возглавлявшаяся старейшим общественно-политическим деятелем Беджи Каидом Эс-Сибси³ партия «Призыв Туниса». Политический кризис в Тунисе привел к отставке правительства и назначению нового беспартийного премьер-министра Махди Джмаа, который сформировал «техническое» правительство, состоявшее из технократов. В январе 2014 г. Национальный

1 Салафизм (салаф – праведный предок) – течение в исламе, идеологи которого выступают за создание мусульманского общества по образцу ранней мусульманской общины периода Пророка Мухаммеда и первых четырех «праведных халифов» (аль-хулафа ар-рашидун).

2 Такфиризм (такфир – обвинение в неверии) – радикальное течение в исламе, приверженцы которого считают «неверными» (кафара) всех, в том числе мусульман, не разделяющих их взгляды.

3 Беджи Каид Эс-Сибси родился в 1926 г. в г. Сиди-Бу-Саид на севере Туниса. Он получил высшее юридическое образование во Франции и по возвращении в Тунис был включен в 1952 г. в Тунисскую коллегия адвокатов. Беджи Каид Эс-Сибси участвовал в ряде судебных процессов, где защищал активистов партии «Новый Дустур», руководимой Хабибом Бургибой. После завоевания Тунисом независимости в 1956 г. Беджи Каид Эс-Сибси занимал ряд ответственных постов в правительстве. С 1957 по 1965 г. он был генеральным директором Департамента сыскной полиции, с 1965 по 1969 г. – министром внутренних дел, с 1969 по 1970 г. – министром обороны, с 1981 по 1986 г. – министром иностранных дел, с 1987 по 1990 г. – послом Туниса в ФРГ, с 1990 по 1991 г. – спикером Палаты представителей (однопалатного парламента Туниса). С 1991 по 1994 г. он являлся депутатом парламента. После отставки премьер-министра Мухаммеда Ганнуши в марте 2011 г. Беджи Каид Эс-Сибси был назначен на пост премьер-министра, который занимал до новых парламентаских и президентских выборов в октябре 2011 г. В 2012 г. Беджи Каид Эс-Сибси стал инициатором создания партии «Призыв Туниса».

учредительный совет (парламент) Туниса 200 голосов из 222 принял новую конституцию, оцениваемую многими экспертами как наиболее демократическую в арабском мире.

В результате парламентских выборов, прошедших в октябре 2014 г., наибольшее число депутатских мест (86) завоевала светская партия «Призыв Туниса», возглавляемая Беджи Каидом Эс-Себси. Второе место по числу полученных мест заняло исламистское «Движение ан-Нахда» во главе с Рашидом аль-Ганнуши, получившее 66 мест. Блок леводемократических сил «Народный фронт», в котором значительным влиянием пользуется «Коммунистическая партия тунисских рабочих» (КПТР), возглавляемая ее основателем Хаммой Хаммами, получил 15 мест [Elections en Tunisie].

На президентских выборах, состоявшихся 21 декабря 2014 г., победил Беджи Каид Эс-Себси – за него проголосовали 56% избирателей. Монсеф Марзуки сумел завоевать 44% голосов [Béji Caïd...]. Избрав президентом лидера демократически ориентированной партии «Призыв Туниса», значительная часть граждан страны подтвердила выбор светского пути развития.

Однако нарастание социально-экономических проблем, разбалансированность государственных структур (в том числе правоохранительных) и усиление радикального исламизма вели к новому обострению ситуации. Летом 2015 г. в Тунисе были совершены два масштабных террористических акта. Первый – в столице, в одном из самых посещаемых иностранными туристами музее Бардо, второй – в курортном городе Сус, также популярном среди иностранцев. Среди нескольких десятков погибших большинство были иностранными туристами из Англии, Франции, Бельгии, Германии. Исполнителями терактов являлись тунисские граждане, связанные с радикальными исламистскими группировками.

Правительство приняло необходимые меры по подавлению радикальных исламистов. Было арестовано несколько десятков подозреваемых в принадлежности к экстремистским группировкам, закрыты многие мечети, где имамы проповедовали радикальные исламистские взгляды, проведена переаттестация имамов, запрещена деятельность «Национальных лиг в защиту революции», контролировавших салафитскими группами. Наряду с этим был усилен пограничный контроль – в частности, на границах с Ливией и Алжиром. Это было связано с тем, что Ливия после краха режима Каддафи представляла собой распавшееся государство, где усилились радикальные исламистские группировки, часть которых присягнула на верность «Исламскому государству» (ИГИЛ, ИГ, группировка запрещена в России) и распространяла свою экспансию в соседние страны, в том числе в Тунис. Руководство Беджи Каида Эс-Себси восстановило дипломатические отношения Туниса с Сирией, прерванные предыдущим тунисским правительством, в котором доминировало «Движение ан-Нахда» [«Ас-Сафир», с. 10]. Это давало возможность координировать действия правоохранительных органов двух стран по предотвращению проникновения в Тунис тунисских граждан, участвовавших в действиях радикальных исламистских группировок в Сирии. Все это способствовало до определенной степени стабилизации ситуации в Тунисе.

В свою очередь, тунисские исламисты стремились удержать влияние в обществе, приспособившись к изменившейся политической ситуации. В мае 2016 г. в столице Туниса прошел X съезд «Движения ан-Нахда». На нем наряду с вопросами, касающимися социально-экономической политики (им уделялось большое внимание в программе¹, представленной на съезде), обсуждалась дальнейшая стратегия партии. Рассматривалась возможность кардинального изменения доктринальных концепций и внутренней структуры партии. Руководитель «Движения ан-Нахда» Рашид аль-Ганнуши определил эти изменения как необходимость для партии «выйти из политического ислама для того, чтобы войти в эру мусульманской демократии» [цит. по: Bobin], которая, по его мнению, сравнима с христианской демократией в Европе. С этой целью религиозные подразделения должны были выводиться из партийной структуры и объединяться в сеть ассоциаций, связанных с партией только идеологически. Такая мера, по мнению ее инициаторов, давала возможность характеризовать «Движение ан-Нахда» как «гражданское и демократическое» [ibid].

Реакция тунисского общества и политического истеблишмента на возможность демократической эволюции «Движения ан-Нахда» была достаточно сдержанной. Так, Алая Алани (Alaya Alani), эксперт по исламистским движениям, профессор университета в г. Мануба, считал, что действия нахдистов и их заявления скорее всего являлись «подготовкой к новой попытке прийти к власти и получить для этого максимум поддержки в обществе и политическом истеблишменте, а разделение между политическими и религиозными функциями «Движения ан-Нахда» представляло собой чисто техническую меру, а не изменение идеологии» [ibid]. В свою очередь, Азиз Кришен (Aziz Krichen), политический советник экс-президента Туниса Монсефа Марзуки, анализируя данные действия нахдистов, заявлял, что «ислам остался идентификационной матрицей тех, кто его исповедовал. Если «Движение ан-Нахда» пойдет до конца по пути эволюции, оно совершит самоубийство. В случае если оно не будет ничего предпринимать, оно также обречено на крах, так как органически не способно решить свои фундаментальные проблемы. Поэтому нахдисты маневрировали, и их новый дискурс являлся не действительным обновлением, а лакировкой фасада их партии, вызванной изменившейся конъюнктурой» [ibid].

Что касается возможности восприятия лидерами исламистского движения демократических принципов, переосмысления своих идеологических концепций и доктри-

1 В программе подтверждалось, что тунисское общество находится в сложной социально-экономической ситуации. Среди главных вызовов указывались продолжающийся рост безработицы, особенно среди дипломированных специалистов, ограниченность конкурентоспособности экономики, отсутствие сбалансированности социально-экономического развития между различными регионами, распространение коррупции и отсутствие дееспособного правительства. В качестве основного направления экономического развития на ближайшую перспективу называлась экономика социального рынка, основанная на принципах, с одной стороны, экономической свободы, предпринимательской деятельности, права собственности, а с другой – социальной справедливости и равных возможностей для всех граждан. См.: Харакат ан-Нахда. Мактаб ад-дирасат ва т-тахтит. Аль-муатамар аль-ашир ли-харакат ан-Нахда. Аль-лаиха аль-иктисадийя аль-иджтимаийя. («Движение ан-Нахда». Бюро исследований и планирования. X съезд «Движения ан-Нахда». Социально-экономическая программа). – URL: ennahda-economie2016pdf.pdf (Дата обращения – 30.09.2016).

ны «исламского государства», то такую эволюцию теоретически нельзя игнорировать. Однако на практике радикальная эволюция идеологии «Движения ан-Нахда», так же как других исламистских движений, на данном этапе маловероятна. Скорее всего, речь может идти о тактических уступках и компромиссах, продиктованных конкретной внутренней и внешней политической конъюнктурой.

«Движение ан-Нахда» продолжает активно действовать, стремясь восстановить лидирующее положение в общественно-политической жизни Туниса. Так, в преддверии муниципальных выборов, запланированных на март 2018 г., а также парламентских и президентских выборов, которые должны последовать в 2019 г., «Движение ан-Нахда» инициировало создание альянса с правящей партией «Призыв Туниса» и партией «Свободный патриотический союз» (L'Union patriotique libre), официально оформившийся в ноябре 2017 г. В связи с этим 12 партий, входящих в леводемократическое движение, выразили опасения. В опубликованном совместном коммюнике было заявлено, что данный стратегический альянс трех партий, в котором ведущую роль играет «Движение ан-Нахда», может вернуть Тунис «во времена монополии одной партии и исламистского доминирования» [Élections municipales...]. Было также выражено сомнение в объективности Высшей независимой инстанции по выборам (L'Instance supérieure independante pour les elections – ISIE), государственного органа, призванного проводить выборную кампанию, после того как президентом ISIE в ноябре 2017 г. был избран близкий к нахдистам руководитель Союза адвокатов Мухаммед Тлили.

Насколько заявленный «Движением ан-Нахда» переход от концепции «политического ислама» к «исламской демократии» будет реализовываться, должна показать дальнейшая политическая практика.

В заключение можно констатировать, что феномен Арабской весны, одним из результатов которой стало значительное усиление исламистского движения, ознаменовал собой начало нового этапа в социально-политическом развитии арабо-мусульманского мира. Несмотря на военное поражение радикального исламизма в Сирии и Ираке в 2017 г., в условиях продолжающегося социально-экономического кризиса во многих странах арабо-мусульманского мира и в регионах, где представлены мусульманские сообщества, идеология «исламского государства» как воплощения «справедливого миропорядка», основанного на законах Корана, является наиболее доступной и понятной для значительной части мусульман. Облекаясь в формы социального, политического и, отчасти, цивилизационного протеста, она и в будущем продолжит оказывать значительное влияние на социально-политические процессы в мусульманских социумах.

Список литературы:

Беседа с профессором Калифой Шатером. Тунис. 20 октября 2009 г. Архив автора.

«Ас-Сафир» («Посол» – название газеты на араб. яз.). Бейрут. 25.07.2015 г.

Долгов Б.В. Динамика исламского фактора в социально-политических процессах арабских стран // Ближний восток и современность. Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М. 2010. Выпуск 41.

- Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны». 2011–2016. Причины, развитие, перспективы. Российская Академия наук. Институт востоковедения. М. 2016.
- На парламентских выборах в Тунисе победили исламисты // BBC. Русская служба. 27.10.2011. – URL: bbc.com/russian/international/2011/10/111027_tunisia_elections_results.shtml (дата обращения: 28.10.2011).
- Algeria. Al-Majlis Al-Chaabi Al Watan (National People's Assembly). – URL: archive.ipu.org/praline-e/reports/2003.htm (date of access: 15.11.2017).
- Béji Caïd Essebsi promet d'être « le président de tous les Tunisiens » // Le Monde. 22.12.2014 – URL: lemonde.fr/tunisie/article/2014/12/12/les-deux-camps-revendiquent-le-victoire-tn-tunisie_4544506_1466522.html (date of access: 07.10.2016).
- Bobin F. La Tunisie s'interroge sur la mue du parti islamiste Ennahda // Le Monde. 22.05.2016. – URL: lemonde.fr/afrique/article/2016/05/21/la-tunisie-sceptique-sur-la-mue-du-parti-islamiste-annahda_4923831_3212.html#4ibv9yC3zUQp9BFJ.99 (date of access: 30.09.2016).
- Elections en Tunisie. 26 Octobre 2014. – URL: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/election_observation/missions/2014-2019/2014_tunisie-general-election.pdf (date of access: 28.12.2017).
- Élections municipales en Tunisie: l'Instance électorale a enfin son président // Jeune Afrique. 15.11.2017. – URL: jeuneafrique.com/493055/politique/elections-municipal-en-tunisie-instance-electoral-a-enf... (date of access: 14.11.2017).
- Elections Présidentielles 2014. – URL: elmoudjahid-dz.com (date of access: 20.04.2014).
- Elections en Tunisie. 26 Octobre 2014. – URL: http://www.europarl.europa.eu/intcoop/election_observation/missions/2014-2019/2014_tunisie-general-election.pdf (date of access: 28.12.2017).
- Ghannouchi declared. – URL: youtube.com/watch?v=Qu2TXVzQXQ4 (date of access: 20.06.2016)
- Godard B., Taussig S. Les musulmans en France. Editions Robert Laffont. P. 2007.
- Le Ministère des affaires interieures. – URL: liberte-algerie.com (date of access: 29.01.2009).
- Le Plan des réformes. – URL: jeuneafrique.com (дата обращения: 15.11.2011).
- Les resultants complets des elections legislatives. 5 mai 2017. – URL: algerie-focus.com/2017/05/resultats-complets-elections-legislatives-rnnd-fln-obtiennent-majorite-absolue/ (date of access: 28.12.2017).
- Les résultats des législatifs. – URL: gnet.tn/temps-fort/tunisie-resultats-definitifs-des-legislatifs-et-liste-des-deputes-isie/id-menu-325.html (date of access: 07.10.2016).
- Mehdi Lazar, Sidi-Mohamed Nehad L'Algerie aujourd'hui. P. 2014.
- Puchot P. Algerie: Bouteflica reelu. 18 avr. 2014. – URL: mediapart.fr/journal/international/dossier/lalgerie-et-toujours-bouteflica (date of access: 28.12.2017).
- Rafale de nominations au ministère de l'intérieur // Tunisie focus. 20.02.2013. – URL: tunisie-focus.com/politique/rafale-de-nomination-au-ministere-de-linterieur-38246/ (date of access: 25.12.2017).
- Securite nationale. – URL: liberte-algerie.com (date of access: 17.12.2011).

УДК 323; 327; 338; 339

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

Приоритеты продвижения российской технологичной продукции в Латинскую Америку

Аннотация. Задача продвижения в странах Латинской Америки несырьевой продукции российских предприятий, включая технологичные товары и услуги, выходит сегодня на первый план. Это особенно важно в условиях расширения торгово-экономических и финансовых санкций в отношении России и протекционистской политики США, направленной, в частности, против стран к югу от Рио-Гранде. Укрепление российского бизнеса на латиноамериканском хозяйственном пространстве не только обеспечивает отечественные промышленные компании новыми рынками сбыта, но и усиливает глобальные позиции России.

Ключевые слова: Россия, Латинская Америка, Бразилия, бизнес-миссии, торговля, инвестиции, промышленное сотрудничество, военно-технические связи.

В конце октября текущего года с бизнес-миссией в трех странах Латинской Америки (Мексика, Парагвай, Колумбия) побывала беспрецедентно представительная делегация российских предпринимателей, банкиров и руководителей ряда регионов во главе с министром промышленности и торговли Д.В. Мантуровым. В поездке и переговорах с латиноамериканскими партнерами участвовали высшие менеджеры многих ведущих отечественных промышленных компаний: АО «Рособоронэкспорт», ПАО «Соллерс», ООО «УАЗ», ООО «ГАЗ Интернешнл», АО «Ростсельмаш», холдинг «Технодинамика», ООО «Интер РАО Инжиниринг», ЗАО «Трансмашхолдинг», АО «Азимут» и др.

Во всех трех странах делегация приняла участие в двусторонних Торгово-промышленных диалогах, а в Мексике, кроме того, присутствовала на Мексиканском инвестиционном форуме, где министр Д.В. Мантуров выступил на пленарной сессии. Весьма насыщенной была повестка официальных встреч (в том числе с президентами Мексики и Колумбии) и коммерческих переговоров, которые провели участники бизнес-миссии. Российские промышленники и официальные лица расширили спектр деловых контактов с латиноамериканскими предпринимателями, заложили фундамент будущего взаимодействия в торгово-экономической сфере.

Сведения об авторе: ЯКОВЛЕВ Петр Павлович – руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук; yakovlev@yandex.ru.

Стратегическое партнерство перед вызовами протекционизма

В последние полтора десятилетия на высшем политическом уровне РФ и стран Латинской Америки были предприняты значительные усилия для перевода российско-латиноамериканского взаимодействия в новый формат. Результатом явилось значительное увеличение объемов торгово-экономических обменов, интенсификация политико-дипломатического сотрудничества, формирование с рядом государств региона (Боливией, Бразилией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа, Эквадором) отношений стратегического партнерства, а с Аргентиной – всеобъемлющего стратегического партнерства [Яковлева Яковлев Аргентина...].

Поднимая планку отношений России с Латинской Америкой на такую высоту, стороны исходили из того, что основу их крепнущего сотрудничества формирует близость (или совпадение) базовых национальных интересов. При этом перед партнерами стоят схожие задачи, для решения которых необходимы стабильная обстановка в мире и широкое (без политического диктата, рецидивов протекционизма и санкционных войн) международное торгово-экономическое и финансово-инвестиционное взаимодействие. Адекватно понимаемое стратегическое партнерство (включая его всеобъемлющий вариант) не предполагает военно-политического союза и не ограничивает взаимодействие партнеров с третьими странами.

Встав на траекторию стратегического сближения, Россия и государства Латинской Америки стали интенсивно наращивать товарооборот, объем которого в 2002–2014 гг. вырос в 3,4 раза: с 5635 до 19166 млн долл. При этом российский экспорт увеличился в 2,7 раза (с 3344 до 9104 млн долл.), а в его структуре, наряду с традиционными сырьевыми товарами, возросло присутствие разнообразных промышленных изделий [ИТС...]. В частности, поставки летательных аппаратов выросли в 19 раз, электрических машин – в 10 раз, медицинских и оптических инструментов – в 8,7 раза, продуктов неорганической химии – в 6,7 раза, оборудования и механических устройств – в 3 раза, наземных транспортных средств – почти в 2 раза, пластмасс – в 1,6 раза и т.д. По ряду товарных позиций (железнодорожные локомотивы, органические химические соединения, изделия из никеля и др.) Россия впервые вышла на латиноамериканский рынок (табл. 1).

Таблица 1

Экспорт в Латинскую Америку российских товаров (млн долл.)

Код ТН ВЭД [1]	Товар	2002	2014	2015	2016
	Всего	3345	9104	6976	6196
31	Удобрения	329	3117	2452	2017
27	Топливо минеральное	2616	2700	1444	1385
76	Алюминий и изделия из него	26	511	649	464
72	Черные металлы	134	784	555	332
85	Электрические машины	14	142	160	196
84	Оборудование и механические устройства	29	89	119	160

Код ТН ВЭД [1]	Товар	2002	2014	2015	2016
87	Средства наземного транспорта	78	137	83	109
90	Инструменты и аппараты оптические, медицинские и др.	3	26	30	52
28	Продукты неорганической химии	9	60	49	51
88	Летательные аппараты	4	76	51	47
39	Пластмассы и изделия из них	13	19	28	41
29	Органические хим. соединения	-	58	49	40
86	Железнодорожные локомотивы и др.	-	0.7	2	31
73	Изделия из черных металлов	5	17	31	25
75	Никель и изделия из него	-	4	3	21

Источник: ITC. Trade statistics for international business. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1||15|643|TOTAL||2|1|1|1|2|1|1|1|1

Поступательное развитие российско-латиноамериканской торговли в 2015–2016 гг. было остановлено ухудшением мировой экономической конъюнктуры (прежде всего, обвальным падением цен на сырьевые и продовольственные товары, составляющие костяк российского и латиноамериканского экспорта), а также кризисными явлениями в экономиках РФ и ведущих стран региона. Внешние шоки вошли в резонанс с внутренними проблемами и вызвали негативный синергетический эффект. В этих условиях резко возросло значение несырьевых товаров в российском экспорте. С особой остротой встал вопрос о продвижении отечественной технологичной продукции на внешние рынки.

Практически одновременно Латинская Америка столкнулась с еще одним внешнеэкономическим вызовом – со стороны нового президента США Дональда Трампа. Уже в ходе предвыборной борьбы за президентский пост республиканский кандидат сделал несчетное количество заявлений, которые не без веских оснований воспринимались в латиноамериканских странах как угроза их торгово-экономическим позициям [Яковлев «Эффект Трампа»...]. Все эти заявления, как отмечал сенатор Джон Маккейн, делались «в угоду половинчатому и фальшивому национализму»; по его словам, Д. Трамп, «вместо того, чтобы решать существующие проблемы, занялся поиском козлов отпущения» [Ortega].

Между тем, едва вступив на пост президента, хозяин Белого дома перешел от слов к делу. В первую очередь в деликатной ситуации оказалась Мексика, экономически теснейшим образом связанная с США более чем 20-летним участием в интеграционной группировке *Североамериканский договор о свободной торговле* (НАФТА). Недовольный крупным дефицитом в торговле с Мексикой и третьим участником НАФТА – Канадой, Д. Трамп инициировал трехсторонние переговоры о пересмотре условий договора, сам ход которых заставил мексиканский политический и деловой истеблишмент задуматься о необходимости диверсифицировать внешнеэкономические связи и тем самым несколько ослабить чрезмерную зависимость от американского рынка. По сути, в Мексике сложился широкий консенсус в пользу поиска новых торгово-экономических партнеров «за пределами НАФТА» [Medina Ramírez].

В положении обманутых в своих ожиданиях оказались (наряду с Мексикой) Колумбия, Перу и Чили, которые в феврале 2016 г. в числе 12 государств подписали соглашение о создании интеграционного мегаблока *Транс-Тихоокеанское партнерство* (ТТП). Этот проект в течение нескольких лет «пробивала» администрация Барака Обамы, рассматривая его в качестве главного инструмента противодействия быстро растущему финансово-экономическому влиянию Китая в огромном Азиатско-Тихоокеанском регионе. Следуя собственной логике, Д. Трамп отозвал подпись Вашингтона под учредительными документами ТТП на том основании, что создание указанного объединения могло привести к опережающему росту экспорта промышленной продукции азиатских и латиноамериканских стран на рынки Соединенных Штатов [Яковлев «Эффект Трампа»...].

Характерно, что Белый дом не ограничился подрывом многосторонних интеграционных проектов и инициатив, дополнительно предприняв ряд дискриминационных шагов на двусторонней основе в отношении латиноамериканских стран. В частности, в августе 2017 г. министерство торговли заявило о намерении обложить фактически запретительным налогом в размере от 50,29 до 64,17% импортируемое из Аргентины биодизельное топливо. Подчеркнем, что речь шла о важнейшей статье аргентинского экспорта в США, или о 1,2 млрд долл. (2016 г.), что составляло 90% общего вывоза данного товара на внешние рынки [Estados Unidos...]. Под угрозой оказались весьма крупные торгово-финансовые интересы Аргентины.

Администрация Д. Трампа встала на путь нагнетания напряженности и оказания санкционного экономического давления в отношениях с Кубой и Венесуэлой. И в том и в другом случае Вашингтон заявил о намерении путем санкций бороться с «коммунистическим режимом и социалистическим угнетением» [Remarks]. В результате были в значительной степени сведены на нет те положительные подвижки, которые имели место в американо-кубинских отношениях в 2015–2016 гг. На венесуэльском направлении Белый дом занял жесткую позицию противостояния правительству Николаса Мадуро.

Протекционистский курс Д. Трампа выводит проблематику межамериканских торговых отношений в плоскость не только экономической, но и геополитическую, поскольку для Латинской Америки складывается новая картина мира. В этой меняющейся парадигме странам региона все сложнее продвигать на американский рынок свои товары и приходится искать альтернативные варианты увеличения экспортных поставок. С другой стороны, снижение экспорта в США может вызвать уменьшение латиноамериканцами закупок в этой стране промышленных изделий, что открывает дополнительные возможности российским предприятиям.

Взаимодействие двух гигантов

За последние 10–12 лет в торгово-экономических отношениях между Россией и Бразилией произошли значимые количественные и качественные изменения. В 2004–2014 гг. взаимный товарооборот вырос в 3,6 раза и превысил 6,2 млрд долл., причем российский экспорт увеличился более чем в шесть раз (табл. 2).

Таблица 2

Торговля России с Бразилией (млн долл.)

Показатель	2004	2014	2015	2016
Экспорт	369	2290	1923	1786
Импорт	1370	3969	2928	2524
Объем	1739	6259	4851	4310
Баланс	-1001	-1679	-1005	-738

Источник: ITC. Trade statistics for international business. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|643|076|TOTAL||2|1|1|2|2|1|1|1|1|1

В 2015–2016 гг., как и с подавляющим большинством других экономических партнеров, товарооборот с Бразилией ощутимо сократился, но уже в 2017 г. произошло его увеличение, что указывает на взаимную заинтересованность деловых кругов продолжать сотрудничество и наличие достаточно прочного фундамента двусторонних связей.

Положительным моментом стало наращивание российских инвестиций в бразильскую экономику, объем которых по состоянию на середину 2017 г. перешагнул отметку в 1,5 млрд долл. Максимальная активность отечественного бизнеса наблюдается в энергетической сфере, где работают ведущие российские корпорации, включая «Роснефть» и «Газпром». С 2009 г. функционирует Power Machines Fezer – бразильская дочерняя компания ОАО «Силовые машины», которая возвела в Бразилии пять гидроэлектростанций и в настоящее время планирует существенно укрепить присутствие на бразильском рынке, в частности, путем локализации производства гидротурбинного оборудования [«Силовые машины»].

Крупные перспективные проекты имеются в атомной энергетике. В начале 2017 г. корпорация «Росатом» выиграла тендер на поставку урана для бразильских АЭС и выразила готовность бороться за подряд на сооружение хранилища отработанного ядерного топлива на площадке АЭС «Ангра-дус-Рейс» в штате Рио-де-Жанейро. Полезное взаимодействие наблюдается и в других высокотехнологичных отраслях. Например, Москва и Бразилия тесно сотрудничают в мирном освоении космоса. Благодаря согласованным усилиям в Бразилии был открыт оптико-электронный комплекс по обнаружению космического мусора, на территории этой страны действуют четыре наземные станции российской глобальной навигационной системы ГЛОНАСС. В настоящее время стороны изучают возможности совместных запусков с бразильского космодрома и производство ракет-носителей малого и среднего класса. Перспективной областью двустороннего сотрудничества обещает стать развитие инфраструктуры. В частности, российские компании готовы подключиться к реализации новой масштабной программы по модернизации бразильской транспортной системы. С этой целью начаты переговоры о получении концессии на строительство и эксплуатацию железной дороги ветки «север-юг» [Заявления...].

Многие факты последних лет показывают, что в общем контексте российско-бразильского сотрудничества существует значительный потенциал наращивания отечественного экспорта несырьевой, в том числе технологичной и высокотехнологичной

продукции. Данный сегмент вывоза все еще занимает скромное место: львиная доля (порядка 90%) российского товарного экспорта в Бразилию приходится на сельскохозяйственные удобрения и минеральное топливо. Но в 2004–2016 гг. в разы увеличился объем поставок транспортных средств, электрических машин, пластмасс, продуктов неорганической химии, оптических и медицинских инструментов и аппаратов (табл. 3). По мировым меркам речь пока идет о весьма скромных показателях, но важен сам тренд развития двусторонних отношений.

Таблица 3

Основные товары российского экспорта в Бразилию (млн долл.)

Код ТН ВЭД	Товар	2004	2014	2015	2016
	Всего	369	2290	1923	1786
31	Удобрения	301	1845	1559	1241
27	Топливо минеральное	46	153	118	365
72	Черные металлы	2	116	64	29
85	Электрические машины	1	6	6	19
28	Продукты неорганической химии	3	5	5	9
73	Изделия из черных металлов	0,5	4	4	6
84	Оборудование и механические устройства	5	18	2	6
90	Инструменты и аппараты оптические, медицинские и др.	2	1	1	6
76	Алюминий и изделия из него	0,03	5	5	5
87	Средства наземного транспорта	-	0,5	0,7	3
29	Органические хим. соединения	2	4	2	2
39	Пластмассы и изделия из них	0,4	8	6	2
38	Прочие хим. продукты	0,02	1	0,6	0,3

Источник: ITC. Trade statistics for international business. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1||15|643||TOTAL||2|1|1|1|2|1|1|1

Важно, что обе стороны прилагают усилия для продолжения и углубления двустороннего взаимодействия. В конце мая 2017 г. в бразильской столице состоялось X заседание Межправительственной российско-бразильской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, на котором была согласована масштабная программа по наращиванию встречных товарных потоков и диверсификации структуры экспортно-импортных операций, с акцентом на высокотехнологичную продукцию. В числе главных тем партнеры обсудили перспективы совместного развития космического ракетного комплекса для запусков с космодрома Алкантара, расположенного вблизи экватора в бразильском штате Мараньян. Подчеркнем, что использование этого идеально расположенного космодрома для запуска российских ракет-носителей может принести отечественным предприятиям серьезные экономические выгоды [Российско-бразильская...].

Президент Бразилии Мишел Темер 20–22 июня 2017 г. посетил Россию с официальным визитом. В ходе переговоров на высшем уровне стороны обсудили вопросы дву-

сторонней, региональной и международной повестки дня, определили пути развития стратегического партнерства Москвы и Бразилиа. В.В. Путин и М. Темер приняли решение об укреплении *стратегического внешнеполитического диалога*, в том числе в рамках ООН, БРИКС, «Группы двадцати» и других международных форумов. Лидеры двух стран выразили озабоченность в связи с усилением протекционизма в условиях снижения темпов роста глобальной торговли и подтвердили готовность способствовать наращиванию, диверсификации и либерализации торговых потоков. В этой связи была подчеркнута центральная «роль ВТО в укреплении открытой, прозрачной, недискриминационной и инклюзивной многосторонней торговой системы» [Совместное заявление...].

Президенты сфокусировали внимание на задачах расширения сотрудничества в хозяйственной области, назвав в качестве приоритетных высокотехнологичные секторы. В.В. Путин и М. Темер отметили активную роль и большой потенциал России и Бразилии в развитии мировой энергетики, указав на значимость наращивания двустороннего взаимодействия по таким важнейшим направлениям, как разведка месторождений нефти и природного газа, возобновляемые источники энергии (включая биоэнергетику), атомная энергетика, повышение энергоэффективности, осуществление совместных научных исследований. В области мирного использования ядерной энергии акцент должен быть сделан на следующих сферах: ядерный топливный цикл, радиационные технологии, ядерная медицина, сооружение новых АЭС на территории Бразилии, подготовка квалифицированных кадров. Наряду с этим стороны отметили готовность к укреплению взаимоотношений по линии военно-технического сотрудничества, а также в исследовании и мирном использовании космического пространства [Совместное заявление...].

Развитие связей с традиционными партнерами

Помимо Бразилии в Латинской Америке существует группа стран, с которыми Россия (ранее – Советский Союз) уже в течение многих десятилетий поддерживает сравнительно развитые торгово-экономические отношения. К их числу прежде всего относятся Аргентина, Куба, Мексика, Перу, Уругвай, Чили.

В отношениях с Аргентиной, традиционно крупным экономическим партнером нашей страны [Яковлева, Яковлев Россия...], с начала 2000-х годов наблюдался стремительный рост взаимной торговли, максимальные объемы которой были зафиксированы в 2008 и 2011 гг. Однако в последующий период наблюдалось сокращение товарооборота, что также было вызвано воздействием неблагоприятной мировой конъюнктуры и сложностями внутриэкономического развития двух стран (табл. 4).

Ответом на падение объемов взаимной торговли стал поиск новых механизмов хозяйственного взаимодействия в рамках российско-аргентинского *всеобъемлющего стратегического партнерства*. После проведенных в 2015 г. консультаций стороны согласились с тем, что магистральным направлением наращивания двустороннего сотрудничества должно стать участие в инфраструктурных мегапроектах (прежде все-

го строительство объектов энергетики) и создание совместных технологичных производств на территории Аргентины, продукция которых может поставляться на рынки стран-членов MERCOSUR. Уже в 2016 г. в плане реализации достигнутых договоренностей отечественная компания «Тролза» и аргентинская Venito Roggio Ferroindustrial подписали соглашение о намерениях, предусматривающее организацию сборки российских троллейбусов в Аргентине. Заключению соглашения предшествовала поставка троллейбусов в аргентинские города Кордова и Росарио, где российская техника продемонстрировала высокие эксплуатационные качества [«Тролза»...].

Таблица 4

Торговля России с Аргентиной (млн долл.)

Показатель	2000	2008	2011	2015	2016
Экспорт	75,2	740,2	779,1	122,0	163,0
Импорт	90,0	1235,7	1066,6	827,1	684,0
Объем	162,2	1975,9	1845,7	949,1	847,0
Баланс	-14,8	-494,5	-287,5	-705,1	-521,0

Источник: ITC. Trade statistics for international business. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|643|032||TOTAL||2|1|1|1|2|1|1|1|1

Аргентина (наряду с Бразилией) – крупный клиент для ведущих российских производителей и экспортеров сельскохозяйственных удобрений. Роль аргентинского рынка для отечественных компаний еще больше возросла, когда в августе 2017 г. правительство президента Маурисио Макри отменило 6%-ную пошлину на ввоз высококачественного диаммонийфосфата (DAP) российского производства. По заявлению руководителей «Фосагро» и «Еврохим», данное решение открыло перед этими компаниями возможность ежегодно поставлять в Аргентину до 350 тыс. т DAP, тогда как раньше экспорт не превышал 50 тыс. т. В целях укрепления своих позиций на южноамериканском рынке «Еврохим» купила аргентинскую фирму Emerger Fertilizantes, а «Фосагро» открыла в Сан-Паулу трейдинговый офис, работающий на Бразилию и Аргентину [Песчинский].

Многолетний опыт российско-аргентинского сотрудничества указывает на *системную значимость* совместного промышленного производства для развития экономик двух стран, углубления взаимодействия в ключевых отраслях. Одна из таких отраслей – изучение и освоение космического пространства. В настоящее время государственная корпорация «Роскосмос» и аргентинская Национальная комиссия по космической деятельности (CONAE) готовят новое соглашение, призванное значительно расширить двустороннее сотрудничество в этой сфере. Предполагается, что «Роскосмос» и CONAE будут развивать взаимодействие в области космических технологий, наблюдения за Землей, исследования Вселенной и космической навигации. Кроме того, партнеры намерены делиться наработками в сфере изучения «далекого космоса» и сотрудничать в подготовке кадров [В космическом агентстве...].

Задача расширения партнерства в области промышленности и торговли поставлена во главу угла *российско-кубинских отношений*. В последние годы отечественные предприятия осуществили техническое обновление эксплуатируемых Кубой самолетов ИЛ-96–300, согласовали проекты по модернизации металлургического комбината José Martí (стоимость работ – 20,3 млн долл.) и реконструкции пяти текстильных предприятий (107 млн евро). Последнюю должно провести ООО «Вея Инвест». Значительные возможности перед российскими предприятиями открываются в связи с планами модернизации железнодорожной сети Кубы. В октябре 2017 г. компания «Синара-Транспортные Машины» (СТМ) отгрузила в адрес кубинского заказчика первые семь маневровых тепловозов серии ТГМ8КМ с улучшенными технико-экономическими характеристиками, предназначенных для работы в условиях тропического климата. Всего в 2017–2021 гг. СТМ должна поставить на Кубу 75 тепловозов, а также обеспечить обучение кубинских специалистов [Компания...].

К давним торговым партнерам России по праву относится Уругвай. На данный момент подготовлена «дорожная карта» дальнейшего развития *российско-уругвайских экономических связей*, которая ставит целью увеличить объем двустороннего товарооборота, в том числе за счет расширения номенклатуры экспорта российской технологичной и высокотехнологичной промышленной продукции. Отечественные предприятия готовы содействовать модернизации и расширению железнодорожной и портовой инфраструктуры Уругвая, строительству объектов гидроэнергетики. Большое значение приобретает сотрудничество в области фармацевтической индустрии. Как отметил заместитель министра промышленности и торговли РФ Г.С. Никитин, «уже сегодня компания «Биокад» имеет эксклюзивные договоренности с уругвайской компанией Mega Pharma S.A. на поставку на рынок Уругвая препаратов для лечения злокачественных опухолей, таких как бевацизумаб, а также препаратов трастузумаб и ритуксимаб на неэксклюзивной основе» [Глеб Никитин...]. Перспективным видится участие российских компаний (с привлечением партнеров из Бразилии и Китая) в хозяйственном развитии прибрежных территорий Уругвая.

Позитивные подвижки наблюдаются и в отношениях с другими традиционными деловыми партнерами России в Латинской Америке, чему способствует постепенное преодоление этими странами экономического спада 2014–2016 гг.

Расширение круга деловых контрагентов

Наряду с развитием торгово-экономических отношений с традиционными латиноамериканскими партнерами, Россия расширяет сотрудничество с государствами, с которыми еще в первой половине 2000-х годов деловые связи находились на крайне низком уровне. Среди них – Боливия, Венесуэла, Колумбия, Никарагуа, Парагвай, Перу, Эквадор (табл. 5).

Цифры показывают, что совокупный российский экспорт в указанные семь государств региона в 2004–2014 гг. вырос в 7,5 раза и, несмотря на некоторое снижение в кризисные 2015 и 2016 гг., остался на уровне, значительно превышающем показатели 12-летней давности.

Таблица 5

**Российский экспорт в отдельные латиноамериканские страны
(млн долл.)**

Страна	2004	2014	2015	2016
Боливия	-	6,8	3,3	2,5
Венесуэла	6,2	393,5	224,5	334,3
Колумбия	42,3	225,3	190,8	200,0
Никарагуа	11,9	30,1	26,9	25,4
Парагвай	0,1	33,9	13,6	11,4
Перу	61,7	282,9	281,6	209,8
Эквадор	36,1	213,1	260,9	188,6
Всего	158,3	1185,6	1001,6	972,0

Источник: ITC. Trade statistics for international business. – trademap.org/Country_SelProductCountry_TS.aspx?nvpm=1|643||15|TOTAL||2|1|1|2|2|1|2|1|1

Крупным потребителем российской промышленной продукции стала Венесуэла, которая в 2004–2014 гг. увеличила импорт из России в 64 раза (с 6,2 до 393,5 млн долл.). В настоящее время определены ключевые направления развития *российско-венесуэльского стратегического альянса*, которые включают:

- совместную разведку и добычу нефти, производство нефтепродуктов;
- поставки отечественными предприятиями бурового и электроэнергетического оборудования;
- строительство в Венесуэле объектов инфраструктуры;
- локализацию на венесуэльской территории производства российского технологического оборудования (в частности, буровых установок «Уралмашхолдинга»).

К наиболее перспективным сферам партнерского взаимодействия относятся поставки отечественной авиационной и автомобильной продукции и горнорудного оборудования, участие российских предприятий в реконструкции венесуэльских золотодобывающих рудников, строительство новых линий металлургических заводов, создание в Венесуэле биохимического кластера по переработке сахаросодержащего сырья и производства полимеров на его основе [Ключевые...].

Расширяется *российско-колумбийское торгово-экономическое сотрудничество*. Колумбия – одна из крупнейших стран региона, занимающая крайне выгодное географическое положение с выходами в Тихоокеанский и Атлантический регионы. Российская сторона предлагает поставки авиационной, железнодорожной, сельскохозяйственной и строительной техники и видит возможности наращивания взаимовыгодных связей в реализации совместных инфраструктурных проектов. Кроме того, по мнению министра торговли, промышленности и туризма Колумбии Марии Лорены Гутьеррес, российские предприятия могут принять участие в модернизации колумбийских аэропортов и их оснащении современными системами управления воздушным движением [Reunión...].

Интересен пример Парагвая. С этой страной товарообмен в 2004 – 2014 гг. увеличился почти в 48 раз и вплотную приблизился к отметке 1,2 млрд долл. Это один из самых высоких показателей в торговле России с латиноамериканскими государствами. Но такой результат был достигнут главным образом за счет значительных закупок парагвайских сельскохозяйственных товаров, тогда как российский экспорт оставался на сравнительно низком уровне (табл. 6). В 2016 г. наша страна впервые поставила в Парагвай достаточно крупную партию автомобилей стоимостью свыше 1 млн долл., что свидетельствовало о растущем интересе парагвайских деловых кругов к продукции отечественных предприятий [ИТС...]. Учитывая такой настрой, летом 2017 г. УАЗ открыл в столице страны Асунсьоне собственный дилерский центр, а другой российский автопроизводитель – ГАЗ ведет работу по выходу на парагвайский рынок через местных дистрибьюторов.

Таблица 6

Торговля России с Парагваем (млн долл.)

Показатель	2004	2014	2015	2016
Экспорт	0,1	33,9	13,6	11,4
Импорт	24,9	1153,8	857,6	696,9
Объем	25,0	1187,7	871,2	708,3
Баланс	24,8	-1119,9	-844,0	-685,5

Источник: ИТС. Trade statistics for international business. – trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|643|600|TOTAL||2|1|1|2|2|1|1|1|1

Акцентированный интерес парагвайские власти проявили к взаимодействию с Россией в атомной области. В октябре 2016 г. представители двух стран подписали меморандум о взаимопонимании, а в сентябре 2017 г. – межправительственное соглашение о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии. По мнению сторон, соглашение станет правовой основой и отправной точкой процесса налаживания контактов по широкому кругу вопросов, связанных с ядерной тематикой и использованием атомной энергии в различных отраслях экономики [Russia...].

Посетившая в конце октября 2017 г. Парагвай российская бизнес-миссия во главе с министром промышленности и торговли Д.В. Мантуровым приняла участие в форуме «Торгово-промышленный диалог: Россия – Парагвай. Продвижение на перспективные рынки МЕРКОСУР». По итогам состоявшихся переговоров стороны определили области наибольшего *кооперационного потенциала* двух стран и зафиксировали приоритеты товарной номенклатуры технологического экспорта из России. В связи с важной ролью в парагвайской экономике аграрного сектора российские машиностроители заинтересованы в поставках сельскохозяйственной техники и нацелены на организацию совместного сборочного производства широкой линейки сельхозмашин. Второе направление, где Россия видит значительный потенциал сотрудничества, – комплексное развитие в Парагвае транспортной инфраструктуры. В этой области, подчеркивалось на упомянутом форуме, отечественные компании обладают необходимыми компетенциями. Российские предприятия выразили готовность поставлять тяговый и подвижной состав, дизельные двигатели и машины для проклад-

ки железнодорожных путей. Представители отечественного бизнеса предложили содействовать обновлению парагвайского парка гражданской авиации, организовать поставки на местный рынок продукции строительно-дорожного машиностроения, а также предоставить высоко востребованные в Парагвае технологии очистки питьевой воды [Россия...].

Отдельное внимание российские и парагвайские партнеры уделили вопросам сотрудничества в области энергетики. Стороны отметили уже имеющиеся успехи взаимодействия (в частности, участие России в модернизации парагвайских гидроэлектростанций) и обсудили перспективы поставок в Парагвай энергетического и газоперекачивающего оборудования. Шла речь и о строительстве в этой южноамериканской стране тепловых, геотермальных и солнечных электростанций. С целью максимально эффективно использовать регуляторные и логистические преимущества MERCOSUR делегация РФ предложила проработать возможность создания на территории Парагвая *российской производственной зоны*, что позволит нашим странам совместно осваивать емкий региональный рынок без осуществления экспортных операций. Как подчеркнул Д.В. Мантуров, «реализация столь масштабного проекта, по сути, может стать основой ускоренной индустриализации Парагвая, поскольку создание промышленной зоны открывает широкие возможности для построения местными предприятиями кооперационных цепочек с резидентами из России» [Россия...].

Парагвайский *case* указывает важный вектор продвижения в регион российской несырьевой продукции, включая транспортные средства, машинотехнические изделия, технологии и промышленное оборудование. Путь к этому проходит через налаживание тесных кооперационных связей, локализацию в латиноамериканских странах производства российских товаров. Решение задачи во многом зависит от деловой активности российских предприятий, нацеленных на глобальную экспансию и способных выйти на рынки Латинской Америки с конкурентоспособной продукцией, а также от поддержки со стороны правительственных органов РФ и эффективного государственно-частного партнерства на латиноамериканском экономическом пространстве.

Горизонты военно-технического сотрудничества

Одно из центральных мест в экспорте отечественных высокотехнологичных изделий в Латинскую Америку прочно занимает авиационная техника: вертолеты и авиалайнеры. В настоящее время в латиноамериканских странах используют свыше 400 вертолетов российского производства, выполняющих различные задачи хозяйственного и оборонного значения. Наибольшей популярностью пользуются машины типа МИ-8/17, парк которых насчитывает около 320 единиц. Перспективы дальнейшего продвижения отечественной техники и максимально эффективной эксплуатации уже поставленных машин тесно увязаны с совершенствованием послепродажного обслуживания и расширением функциональных возможностей вертолетов благодаря передовым техническим решениям и с учетом накопленного опыта работы российской вертолетной техники в латиноамериканском регионе [«Вертолеты России»...].

Именно такие задачи стоят перед холдингом «Вертолеты России» (входит в Государственную корпорацию «Ростех»), предлагающим заказчикам различные программы модернизации имеющейся в их распоряжении техники. Например, вертолеты в военно-транспортном варианте могут быть оснащены интегрированным цифровым комплексом бортового радиоэлектронного оборудования, новыми двигателями, модернизированной несущей системой и трансмиссией, оптико-электронной защитой, а также другими современными средствами. Одновременно с модернизацией заказчикам предлагается проведение работ по продлению назначенных ресурсов и сроков службы.

Проводить работы по послепродажному обслуживанию вертолетов, эксплуатирующихся в странах Латинской Америки, планируется, в частности, на Кубе – с использованием производственных мощностей авиаремонтного предприятия «ВПП им. Гагарина». С этой целью в сентябре 2016 г. холдинг «Вертолеты России» подписал контракт с кубинской стороной на поставку документации для освоения капитального ремонта МИ-8МТ и Ми-8МТВ-1. Тем самым, по мнению специалистов, был сделан крупный шаг вперед в деле развития в латиноамериканском регионе системы комплексного обслуживания основных образцов российской вертолетной техники [Холдинг...].

Прочные позиции отечественные вертолетостроители заняли на рынках Мексики и Перу. В этих странах сотрудничество российских предприятий с местными заказчиками поставлено на солидную основу и включает в себя как поставки машин разных модификаций и оказание послепродажных ремонтных услуг, так и подготовку летного состава. В Мексике «Вертолеты России» в течение ряда лет успешно сотрудничают с Министерством национальной обороны и Министерством морского флота, выполняя гарантийное и постгарантийное обслуживание вертолетной техники. В частности, на регулярной основе ремонт проданных в эту страну вертолетов и подготовка мексиканских специалистов осуществляется на Новосибирском авиаремонтном заводе [В Новосибирске...].

С конца 1970-х годов в Перу было экспортировано более 100 вертолетов отечественного производства, составивших костяк национального парка вертокрылых машин. Крупный контракт стоимостью 528 млн долл. был подписан по результатам международного тендера в декабре 2013 г. Соглашение предусматривало поставку 24 военно-транспортных вертолетов МИ-171Ш, тренажеров, вспомогательного оборудования, а также подготовку личного состава. Передача техники должна была завершиться в 2015 г., но наложенные на российские предприятия финансово-экономические санкции США едва не сорвали сделку, поскольку Национальный банк Перу приостановил платежи. После напряженных переговоров представителей АО «Рособоронэкспорт» и перуанского министерства обороны выполнение контракта удалось благополучно завершить практически в установленные сроки – последние три вертолета были переданы заказчику в январе 2016 г. В Перу на базе бригады армейской авиации сухопутных войск (BRIGAE) был создан центр по техническому обслуживанию российских вертолетов и смонтирован летный тренажер. Помимо этого, стороны договорились о создании совместного производства комплектующих и запасных частей [Перу...].

Важным каналом продвижения российской высокотехнологичной продукции на рынки Латинской Америки стало участие АО «Рособоронэкспорт» в проводимых в странах региона международных выставках вооружений и оборонной техники. Назовем наиболее представительные форумы: бразильская выставка LAAD Defence & Security, чилийские аэрокосмическая и военно-морская выставки FIDAE и Exponaval, колумбийская Exprodefensa, перуанский салон оборонных технологий SITDEF.

В конце апреля 2017 г. в Мексике АО «Рособоронэкспорт» впервые приняло участие в работе международного аэрокосмического салона FAMEX-2017. Отечественная экспозиция включала в себя более 160 наименований современных вооружений и военной техники, в том числе: сверхманевренный многофункциональный истребитель семейства Су-30МК и фронтовой истребитель МиГ-29М, учебно-боевой самолет Як-130, боевые вертолеты Ми-28НЭ, Ка-52, военно-транспортные вертолеты Ми-17В-5 и Ми-171Ш, транспортно-боевой вертолет Ми-35М, легкий многоцелевой вертолет «Ансат» и тяжелый транспортный вертолет Ми-26Т2. Внимание международных заказчиков привлекли отечественные средства ПВО, в том числе зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь-С1», а также техника, используемая силовыми структурами для борьбы с организованной преступностью, терроризмом и наркомафией: автомобиль многоцелевого назначения «Тигр-М», броневан автомобиль для перевозки спецподразделений «Горец-М», хорошо известные в латиноамериканском регионе автомобили «Урал», стрелковое и гранатометное оружие [El Mi-17...].

Кроме того, в Мексике был представлен проект «Комплексная система безопасности», который предлагает интегрированные решения по кибербезопасности, контролю воздушных и прибрежных зон, государственных границ, крупных муниципальных и административных образований и объектов.

Присутствие российских экспортеров на FAMEX-2017 явилось свидетельством последовательной и настойчивой политики АО «Рособоронэкспорт», нацеленной на укрепление позиций в странах Латинской Америки, доля которых в общем объеме внешних поставок продукции военного назначения в период с 2001 по 2017 г. превысила 9% [«Рособоронэкспорт»...].

* * *

В середине 2010-х годов динамика торгово-экономического сотрудничества России со странами Латинской Америки на ряде направлений во многом утратила первоначальный импульс, стали сокращаться объемы товарооборота. Сложился дисбаланс между сравнительно высоким уровнем политического доверия и относительно слабым экономическим взаимодействием.

Все это потребовало активизации и расширения российско-латиноамериканского сотрудничества в хозяйственной области. И в первую очередь – в сфере российского экспорта технологичной продукции. Совместными усилиями государства и бизнеса была поставлена и начала реализовываться задача формирования в странах региона

информационной среды, стимулирующей интерес политических и предпринимательских кругов Латинской Америки к российским технологичным товарам и услугам. От того, насколько успешно эта задача будет решена, во многом зависит будущее российско-латиноамериканских отношений.

Литература:

- «Вертолеты России» модернизируют технику в странах Латинской Америки. 2 ноября 2015. – URL: minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/ (date of access: 21.10.2017).
- В космическом агентстве Аргентины видят широкие возможности для сотрудничества с РФ. 21 октября 2017. – URL: tass.ru/kosmos/4665712 (date of access: 30.10.2017).
- В Новосибирске выполнили ремонт 19 вертолетов BBC Мексики. 13 ноября 2015. – URL: minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/ (date of access: 30.10.2017).
- Глеб Никитин посетил Уругвай с рабочим визитом. 16 сентября 2016. – URL: minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/ (date of access: 20.10.2017).
- Заявления для прессы по итогам российско-бразильских переговоров. 21 июня 2017 года. – URL: kremlin.ru/events/president/transcripts/54843 (date of access: 31.10.2017).
- Ключевые направления сотрудничества России и Венесуэлы. 30 мая 2014. – URL: minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/ (date of access: 30.10.2017).
- Компания «Синара-Транспортные Машины» отправила на Кубу первую партию тепловозов ТГМ8КМ. 10 Октября 2017. – URL: sinaratm.ru/press/news/ (date of access: 22.10.2017).
- Перу переданы все 24 вертолета МИ-171Ш, заказанных в 2013 году. 27.01.2016. – URL: arms-expo.ru/news/ (date of access: 12.10.2017).
- Песчинский И.* Аргентина отменила пошлину на российские удобрения // Ведомости. 30.08.2017.
- «Рособоронэкспорт» впервые участвует в FAMEX-2017. 24 Апрель 2017. – URL: rostec.defence.ru/article/ (date of access: 23.09.2017).
- Российско-бразильская межправительственная комиссия. – URL: nppkpkavant.ru/rossijsko-brazilskaya-mezhpravitelstvennaya-komissiya/ (date of access: 30.10.2017).
- Россия планирует создать в Парагвае производственную зону. 25 октября 2017. – URL: minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/ (date of access: 30.10.2017).
- «Силовые машины» открывают филиал в Бразилии. – URL: power-m.ru/press-center/news/power-machines-open-a-branch-in-brazil/?sphrase_id=23513 (date of access: 29.10.2017).
- Совместное заявление Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилии о стратегическом внешнеполитическом диалоге. 21 июня 2017 года. – URL: kremlin.ru/supplement/5212 (date of access: 23.10.2017).
- «Тролза» подписала соглашение о производстве троллейбусов в Аргентине. 23 июня 2016. – URL: minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/ (date of access: 14.10.2017).
- Холдинг «Вертолеты России» поставит Кубе ремонтную документацию для ремонта вертолетов Ми-8Т. 7.09.2016. – URL: russianhelicopters.aero/ru/press/news/ (date of access: 10.09.2017).
- Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Аргентина как стратегический партнер России. М. 2017.
- Яковлева Н.М., Яковлев П.П.* Россия и Аргентина на траектории взаимного сближения. М. 2015.
- Яковлев П.П.* Российско-аргентинское торгово-экономическое сотрудничество // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 4. С. 113–126.
- Яковлев П.П.* Россия и Латинская Америка в контексте глобального напряжения // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 11. С. 92–102.

- Яковлев П.П.* Россия и Латинская Америка: параметры стратегического партнерства // Латинская Америка. 2016. № 1. С. 5–14.
- Яковлев П.П.* «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017.
- El Mi-17 y el blindado Górets-M ruso en FAMEX. 25 de abril de 2017. – URL: defensa.com/famex2017/ (date of access: 21.10.2010).
- Estados Unidos aplicará fuertes subas a los aranceles al biodiésel argentino. – URL: infobae.com/economia/2017/08/22/ (date of access: 30.10.2017).
- ITC. Trade statistics for international business. – URL: trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1||15|643||TOTAL||2|1|1|2|1|1|1| (date of access: 20.10.2017).
- Medina Ramírez T.* México, más allá del TLCAN. 30.10.2017. – URL: americaeconomia.com/ (date of access: 1.11.2017).
- Ortega A.* «America first» socava Occidente. 31.10.2017. – URL: blog.realinstitutoelcano.org/america-first-socava-occidente/ (date of access: 31.10.2017).
- Remarks by President Trump at the 2017 Values Voter Summit. October 13, 2017. – URL: whitehouse.gov/the-press-office/2017/10/13/remarks-president-trump-2017-values-voter-summit (date of access: 25.10.2017).
- Reunión con Ministro de Industria y Comercio de Rusia. – URL: es.presidencia.gov.co/sitios/busqueda/ (date of access: 1.11.2017).
- Russia and Paraguay Sign an Intergovernmental Agreement on Cooperation for Peaceful Use of Nuclear Power. 19 September, 2017. – URL: rosatom.ru/en/press-centre/news/ (date of access: 24.10.2017).

Authors

Boris DOLGOV — Senior Researcher, Center for Arab Studies, Institute of Oriental Studies, RAS; Doctor of History; dolgov.boris@list.ru.

Natalia NAROCHNITSKAYA — President of the Foundation for Historical Outlook; Doctor of History; nn@stoletie.ru.

Natalya NIKITINA — Associate Professor, Kaluga State University; Ph.D in History; nikay85@yandex.ru.

Aleksander SALITSKY — Chief Researcher, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS); Doctor of Economics; sal.55@mail.ru.

Jacques SAPIR — French economist, Director of studies at the School for Advanced Studies in the Social Sciences (École des Hautes Études en Sciences Sociales, EHESS), Head of the Center for the Study of Modes of Industrialization (Centre d'Étude des Modes d'Industrialisation, CEMI-EHESS), Paris.

Roman SOKOLOV — Professor, Saint Petersburg State University; Doctor of History; romansokolow@mail.ru.

David FELDMAN — Professor, Mass-Media Institute, Russian State University for the Humanities; Doctor of History; dmfeld@inbox.ru.

Irina VASILENKO — Full Professor, Lomonosov Moscow State University; Doctor of Political Sciences; vasilenko.irina@mail.ru.

Andrey VINOGRADOV — Leading researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS); Ph.D. in History; vinangr@mail.ru.

Petr YAKOVLEV — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; petrp.yakovlev@yandex.ru.

Abstracts and Keywords

Natalia NAROCHNITSKAYA

THE RUSSIAN REVOLUTION AND THE WORLD IN THE TWENTIETH CENTURY: VIEWED IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN QUESTION AT THE PARIS PEACE CONFERENCE

Abstract. *The author reviews and sums up areas of research focused on the centennial of the Russian Revolution, Civil War and the end of World War One. Special emphasis is put to the Russian question at the 1919 Paris Peace (Versailles) Conference. The article presents both new and little known data revealing the differences among the Allied Powers regarding the Russian Revolution, the Bolshevik regime, support to the White Movement and the integrity of the Russian territory. It also studies some scarcely researched aspects of W. Wilson's program and US secret diplomacy, including the role of the 'Inquiry', the American study group at Versailles Conference; Bullitt's mission to Soviet Russia; negotiations between M. Litvinov and W. Buckler; plans to recognize the Bolsheviks on the territory they were controlling in 1919.*

Keywords: *Russian Revolution of 1917, Allied intervention, Paris Peace Conference, Versailles Conference, "Inquiry" group, Wilsonianism, Bullitt's mission, M. Litvinov.*

Jacques SAPIR

THE TSARIST STATE UNDER CONTEST: THE RISE OF ENTREPRENEURS' OPPOSITION (1906-1917)

Abstract. *The nature of the processes leading to the October Revolution of 1917, but also of the developments it spawned continues to cause debate. The communist historiography presents it as a "working-class" revolution, supported by the peasantry. The anticommunists, in turn, view the revolution as a product of "conspiracy", some of the actors of which would have been in the pay of foreigners. However, neither the communist historiography nor the anticommunist visions are able to explain why the Tsarist state lost its legitimacy. Both of them are ignoring the economic and political reasons for the loss of legitimacy. At the heart of this process was an actor who played an instrumental role: a large part of the business community and the technical intelligentsia.*

Keywords: *October Revolution, causes of revolution, model of development, sources of growth, entrepreneurial elite, war economy.*

David Feldman

TERMINOLOGY OF REVOLUTIONARY TERROR: THE FRENCH TRADITION AND RUSSIAN FOLLOWERS

Abstract. *The Jacobin terminology and mythology was well learned in Russia by generations of intellectuals already in the 19th century and became a kind of thesaurus of Russian liberals. Bolshevik terminology and ideology directly referred to the concepts of the French Revolution and of the Commune of Paris. It is not to say that the Red Terror, the Bolshevik repression entirely resulted from foreign influence – Bolsheviks used Jacobin concepts because they pursued similar goals. Nevertheless it was the conceptual system of the French Revolution, so well-known in Russia, that shaped the framework of the conceptual system which emerged in Russia after October 1917.*

Keywords: *French Revolution, Jacobins, neoJacobins, Bolsheviks, terminology, terror, Red Terror, political repression, revolutionary tribunal.*

Irina VASILENKO

THE 1917 REVOLUTION AS A REFLECTION OF THE RUSSIAN CULTURE CRISIS

Abstract. *The article presents a socio-cultural analysis of the causes and effects of the 1917 Revolution in the context of the general crisis of Russian culture at the beginning of the last century. According to the author, apart from the social and economic factors a great role should be attributed to the spiritual and moral breakdown of the society, which appeared to be a powerful catalyst of the Russian revolution. The principle lesson is to be aware of the great danger hidden both in the ideological split as well as in the loss of cultural memory of a nation.*

Keywords: *Russian revolution of 1917, causes of revolution, crisis of Russian culture, historical memory, spiritual and moral split.*

Roman SOKOLOV

FROM FALSIFICATIONS TO DOCUMENTS

Abstract. *The reviewed volume sheds some light on a number of important issues which have been escaping attention of both the general audience and researchers. Apart from the documents preserved in the The Russian State Archive of Socio-Political History the book presents texts by politicians and intellectuals dating back to 1914-1918. Each of these illustrates a specific attitude which existed and became visible in the Russian society of the time. Although controversy over the Great Russian Revolution is still highly politicized the reviewed documentary publication is helping to stay away from loose assumptions and falsifications while interpreting the political drama of 1917.*

Keywords: *Great Russian Revolution, phenomenon of revolution, Foundation for Historical Outlook, RGASPI, historical credibility, falsification of history, historical sources, causes of revolution.*

Natalya NIKITINA

THE RIGHT FOR HISTORICAL CHOICE

Abstract. *The reviewed book presents a complex depiction of the developments which led to the events of 1917. Centennial archival documents and journalistic publications provide an opportunity to sense the spirit of the time and to view the 1917 Revolution as a complex and controversial historical event. The rich and most properly selected materials outline attitudes of various players and groups, the relationship among different social strata as well as interactions between the center and periphery and also the psychological state of the Russian people on the eve and during the Revolution.*

Keywords: *Russian Revolution of 1917, phenomenon of revolution, Foundation for Historical Outlook, RGASPI, documents, psychological motives, political cartoon.*

Petr YAKOVLEV

GONE WITH THE CRISIS: THE GLOBAL ECONOMY 10 YEARS AFTER THE SUBPRIME MORTGAGE CRISIS

Abstract. *A decade ago the US experienced a mortgage lending market crash which hit hard on the interests of millions of Americans and also became a starting point of the deepest global economic crisis since the 1930s. The downturn produced a strong impact on the structure of global economic relations and split the history of globalization into “before” and “after” the crisis. The past decade witnessed quantitative and qualitative changes in the global economy, shifted the world power structure, changed the roles of individual countries.*

Keywords: *USA, subprime mortgage crisis, global crisis, recession, world trade, post-crisis recovery, Russia, growth strategies.*

Andrey VINOGRADOV, Aleksander SALITSKY

THE 19TH CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA: THE CHINESE VARIETY OF THE NEW ERA

Abstract. *The article reviews the current situation of Chinese society and economy, in the light of decisions taken by the 19th Congress of the Communist Party of China in October 2017. It also deals with China’s foreign policy and Russian-Chinese partnership in particular, including some of its myths and problematic points. Special attention is given to China’s foreign economic expansion and its meaning for Russian interests.*

Keywords: *China, China’s 19th Party congress, Chinese economy, Chinese society, social affairs, foreign policy, PRC, RF, Sino-Russian relations.*

Boris DOLGOV

THE MAGHREB COUNTRIES AFTER THE ARAB SPRING: THE CASES OF TUNISIA AND ALGERIA

Abstract. *The article discusses the outcomes of protest movements of the Arab Spring (2011–2013) by analysing the cases of the most important Maghreb States – Algeria and Tunisia. The author explores the background of protests, the development of events and their consequences. He offers a conclusion that the Arab Spring, which resulted, among other things, in substantial strengthening of Islamist forces, has marked a new stage in the development of the Arab world. Despite the military defeat of radical Islamism in Syria and Iraq in 2017, the Islamist ideology will continue to make a major impact on many Arab societies facing persistent social and economic challenges.*

Keywords: *Arab Spring, Maghreb, Tunisia, Algeria, Muslim world, Islamist movement, Islamism, radical Islamism, economic crisis.*

Petr YAKOVLEV

PROMOTION PRIORITIES FOR RUSSIAN TECHNOLOGY PRODUCTS IN LATIN AMERICA

Abstract. *Today the need to advance manufactured products of Russian enterprises, technological goods and services to the South American markets is an issue of primary importance. It is especially important in the light of expanding trade, economic and financial sanctions against Russia as well as US protectionist policy directed, in particular, against countries south of the Rio Grande. Growth of Russian business in the South American economic region should provide new markets to Russia's industrial companies and strengthen Russia's global positions.*

Keywords: *Russia, Latin America, Brazil, business missions, trade, investments, industrial cooperation, military-technical links.*

Научный сетевой журнал

«Перспективы. Электронный журнал»

2017

№ 4 (12)

(октябрь–декабрь)

E-journal «Perspectives and prospects»

2017

№ 4 (12)

(October–December)

journal.perspektivy.info

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки Ирина Гортинская

Дизайн-макет Ирина Гортинская

Техническое редактирование и компьютерная верстка Ирина Гортинская

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87